зала 18
шкафъ 339
полка 2
№ 1166.

Л. Чарская.

„ОГОНЕКЪ“

ПОВѢСТЬ.

СЪ РИСУНКАМИ.

ЦѢНА 35 К.

Изданіе В. И. ГУБИНСКАГО.

ИЗДАНІЯ В. И. ГУБИНСКАГО. СПБ. Фонтанка, 61.

Разбитыя полчища. Историческіе разсказы о 1812 годѣ, сост. Андреевъ. Съ 90 рис. и портретами. 200 стр. 65 к.

1812 годъ. Историч. очеркъ. Съ 60 портр. и рисунками. А. Зарина, ц. 40 к.

Незабвенный годъ 1812 г. Историч. разсказъ А. Зарина съ 18 рис. ц. 10 к.

***Китоловъ.** Какъ онъ сдѣлался китоловомъ и что при этомъ узналъ и пережилъ. Разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна, перев. Г. А. Чарусскаго, съ рис., ц. 35 к. въ папкѣ 45 к.

***Преданный негръ.** Историч. разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна, съ рис. Перев. Чарусскаго. Ц. 35 к. въ папкѣ 45 к.

***Въ странѣ алмазовъ.** (*Діамантина*). Соч. В. О. фонъ-Горна. Разсказъ для юношества. Перев. Чарусскаго, съ рис., ц. 35 к въ папкѣ 45 к.

***Бѣлоголовый.** Разсказъ для юношества и народа. В. О. фонъ-Горна. Переводъ Г. А. Чарусскаго, съ рисунками, ц. 30 к. въ папкѣ 40 к.

Военныя похожденія Фридерикса въ 1812 году Историческій разск. для юношества, изъ эпохи нашествія Наполеона на Москву. В. О. фонъ-Горна, перев. Чарусскаго. съ рисунками, ц. 35 к. въ папкѣ 45 к.

***Отважная Перуанка.** Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. фонъ-Горна, съ рисунками, цѣна 35 коп. въ папкѣ 45 к.

На Дальнемъ сѣверѣ. Разск. Фр. Гофмана, съ рис. въ папкѣ 112 стр. ц. 45 к.

Честный мальчикъ. Разсказъ Фр. Гофмана, пер. съ нѣмецкаго В. Энгельгардъ. Съ рисунками, цѣна 40 коп.

Занесенные снѣгомъ. Разск. Фр. Гофмана, съ рис.; въ папкѣ, ц. 40 к.

Материнская любовь. Разсказъ Фр. Гофмана, съ рисун., 95 стр. ц. 40 к.

***Братья.** Историческій разсказъ XVII столѣтія временъ дѣйствія испанской инквизиціи. Съ рисунками, ц. 40 к. Всѣ разсказы Гофмана, извѣстнаго дѣтскаго писателя, интересны и поучительны.

„Немезида“ или судъ Божій. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рис. ц. 35 коп.

На возвышенности Карро. Разсказъ Фр. Гофмана, съ рисунк.; въ папкѣ, 160 стр. цѣна 60 коп.

***Удивительныя приключенія полишинеля.** Соч. Октава Фелье, 80 стр., 50 рисунковъ художника Берталя, перев. Черскаго. Спб., въ папкѣ, ц. 40 к.

Приключеніе мартышки, воробья, да мышки. Юмористическіе разсказы, соч. Будекъ. Съ 80 оригинальныхъ рисунковъ лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ. Спб. въ папкѣ, ц. 50 к.

***Сборникъ русскихъ пословицъ и загадокъ. (Народная мудрость).** Съ 12 карт. О. Верховской. Спб. 154 стр. цѣна 50 коп.

***Юные герои (гарибальдійцы).** Соч. де-Амичиса. 60 стр. 4 рис., ц. 35 к.

[illegible] азъ. Съ французск. перев. Черскаго. Съ

[illegible] временъ завоеванія Іоанномъ III Вели-
[illegible] рис. въ папкѣ, ц. 60 к.
[illegible] Приключеніе трехъ дѣтей въ Алжирѣ.
[illegible] съ 40 рисунками французск. художника

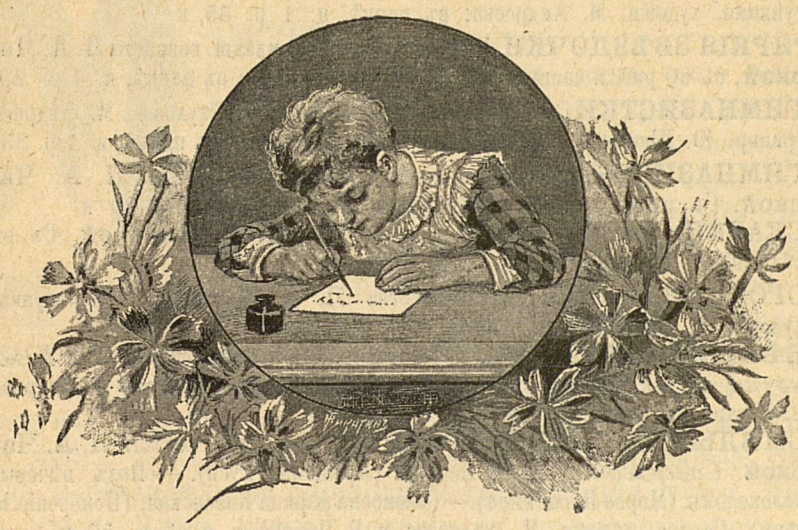
[illegible] гимназиста, воспоминанія Н. Ратомска-
[illegible] папкѣ, ц. 50 к.
[illegible] проказахъ гимназистовъ-шалуновъ Н.
[illegible] ва. Спб., въ папкѣ, ц 50 к.
[illegible] азсказъ для юношества Фр. Гофмана,
[illegible] изд. Спб., ц. 20 к.
[illegible] у султану Али-Бе-Лотосу. Фантастиче-
[illegible] хъ, соч. Н. Ратомскаго, съ 58 рисунк.
[illegible] коп.
[illegible] нетъ. Съ рисун. художницы Смитъ. Пе-
[illegible] . 15 к.

[illegible] изд. по расп Мин. Нар. Пр., для ихъ

„Огонекъ"

ПОВѢСТЬ

Лидіи Чарской.



СЪ РИСУНКАМИ.

Гос. Публичная Б-ка Ленинграда

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1912.

Сочиненія Л. А. ЧАРСКОЙ.

„СѢВЕРНЫЙ БОГАТЫРЬ“ Александръ Васильевичъ Суворовъ—вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Соч. **Л. А. Чарской.** Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою науку „побѣждать“.

***СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. А. Чарской,** съ рисун. художника М. Андреева и др. 365 стр. Спб., ц. 2 руб.

СИНІЯ ТУЧКИ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста **Л. А. Чарской,** съ 49 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***СТРУЙКА ЗА СТРУЙКОЙ—ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ.** Пересказы нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей **Л. А. Чарской.** Съ 40 рис., художника М. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

***СОЛНЫШКО.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской.** Съ рисунками, художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

***ЯРКІЯ ЗВѢЗДОЧКИ.** Разсказы для дѣтей младш. возраста **Л. А. Чарской,** съ 60 рис. и заставк. худ. И. Зубрилова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к

ГИМНАЗИСТКИ. 10 разсказовъ. Съ рисунками художн. М. Андреева, гравир. Ю. Шюблеръ, А. Смирновъ и М. Морозовъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ГИМНАЗИСТЫ.—*Сирена.*—*Въ глуши.* Три разсказа **Л. А. Чарской.** Съ рисун. художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

СКАЗКИ. Соч. Фр. Гофмана въ пересказѣ **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. Я. Сизова. Спб., ц. 1 р. 35 к.

ОГОНЬКИ. Разсказы для юношества **Л. А. Чарской.** Съ рисунками художн. А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

БѢЛЫЯ ПЕЛЕРИНКИ. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: *Южаночка и Некрасивая.* **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. М. Андреева; 296 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

СМѢЛЫЕ, СИЛЬНЫЕ, ХРАБРЫЕ. Три истор. повѣсти **Л. А. Чарской.** *Содержаніе:* Долой Перуна! (Крещеніе Руси). — Подъ вѣчевымъ колоколомъ. (Марѳа Посадница).—Сююнбека царица Казанская. (Покореніе Казани). Съ рис. художн. М. Андреева и Б. Чорикова; ц. 1 р. 50 к.

СЕМЬЯ ЛОРАНСКИХЪ.—ДУРНУШКА. Двѣ повѣсти **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. М. А. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

ЛАРА БЕЗСОНОВА. Повѣсть **Л. А. Чарской.** Съ рисунками художн. М. Андреева. 256 стран. въ папкѣ. Ц. 1 р. 35 к.

ПРІЮТКИ. Повѣсть изъ пріютской жизни **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. М. А. Андреева. Ц. въ папкѣ 1 руб. 50 коп.

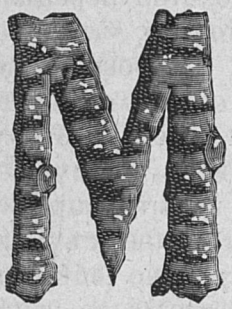
ОСОБЕННАЯ. Повѣсть для молодыхъ дѣвушекъ. Съ рис. художника М. А. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

„ОГОНЕКЪ“. Повѣсть **Лидіи Чарской.** Съ рисунками; цѣна 35 к.

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Спб., Ярославская ул., 1—9.

ОГОНЕКЪ.

ПОВѢСТЬ.



Первое письмо Огонька къ матери.

АМОЧКА моя, золотая!

«Съ той минуты, какъ твои милыя губки прижались въ послѣдній разъ къ моему лицу, мнѣ кажется, что я вижу дурной сонъ, который никогда, никогда не прервется. Мамочка, зачѣмъ судьбѣ понадобилось, чтобы мы разстались? Почему я должна была уѣхать за тридевять земель въ далекій, холодный, сумрачный городъ, когда есть бездна всевозможныхъ учебныхъ заведеній въ нашихъ краяхъ. Наши края! Только сейчасъ я вполнѣ оцѣниваю значеніе этихъ двухъ словечекъ! Золотая моя! Помнишь, я нѣсколько разъ бранила нашъ милый городъ, особенно осенью, когда шелъ дождь и оставлялъ на площади большія гадкія лужи. Здѣсь нѣтъ лужъ. Здѣсь улицы похожи на корридоры и все тутъ чинно, чисто и прекрасно, но, мамочка... Я плачу по моимъ большимъ, грязнымъ лужамъ, въ которыхъ видишь себя какъ въ зеркалѣ, когда придетъ фантазія свернуть на сторону губы или высунуть по собственному адресу языкъ...

«Здѣсь гримасничать и высовывать языки не полагается. Здѣсь, глядя на чинно выступающихъ по тротуарамъ молодыхъ дѣвицъ, кажется, что всѣ онѣ учатся на круглую пятерку, а ведутъ себя такъ, что комаръ носа не подточитъ, по любимому выраженію бабушки Лу-лу.

*

«Ахъ мамуля, мамуля, золотая моя! Какъ мнѣ тебя не хватаетъ. Когда мы прощались съ тобою на вокзалѣ и ты застыла, держа меня въ послѣдній разъ въ твоихъ объятіяхъ, мнѣ показалось, что у меня разорвется сердце. А когда я впрыгнула въ вагонъ, я думала, что умираю... Твои заплаканные глазки, которые я всегда и сейчасъ мысленно называю моими фіалками, твое осунувшееся личико стояло передо мной всю дорогу. Съ мучительной ясностью представлялась мнѣ каждая подробность нашего послѣдняго дня, проведеннаго вмѣстѣ. И твое сѣрое платьеце съ мелкими горошинками... Милое мое платьеце! Какъ охотно перецѣловала бы я каждую горошенку, потому только, что твои худенькіе пальчики прикасались къ нимъ. Сокровище мое мамуля! Не сердись на твоего глупаго Огонька, если онъ признается тебѣ въ томъ, что ревѣлъ всю дорогу... Я смочила слезами полдюжины носовыхъ платковъ, мамуля, и такъ добросовѣстно, точно они побывали въ корытѣ у прачки. И еще, пожалуйста, не сердись за то, что я не съумѣла сдержать тебѣ даннаго слова, когда такъ горячо обѣщала быть благоразумной, но... Слушай, золотая, это было выше моихъ силъ. Когда я горько плакала въ вагонѣ, уткнувшись въ уголъ носомъ, напротивъ меня очутился какой-то молодой франтъ изъ такой породы, знаешь, какіе гуляютъ у насъ въ городѣ съ пестрыми галстухами, съ тросточками въ рукахъ въ праздничные дни на бульварѣ. И... и... золотая моя мамочка, брани меня, но я должна передать тебѣ весь разговоръ, происшедшій между нами. Читай:

«Молодой человѣкъ: Послушайте mademoiselle, почему вы такъ горько плачете? Такая взрослая барышня и вдругъ... Позвольте полюбопытствовать, кто васъ обидѣлъ?

Я всхлипываю.

Молодой человѣкъ:—Не хотите ли карамельку, маленькая барышня. Это утѣшаетъ.

Я продолжаю всхлипывать, потому что ужъ никакъ не могу удержаться, хотя мнѣ мучительно стыдно показывать свое горе другимъ.

Молодой человѣкъ:—Ага! Я понимаю. Маленькая ба-

рышня недавно разсталась со своими и ѣдетъ должно быть далеко. Къ чему же, однако, плакать? Другія маленькія особы бываютъ очень довольны когда вылетаютъ изъ подъ родительскаго крылашка потому что ихъ мамаши обыкновенно, старыя, несправедливыя ворчуньи, надоѣдающія имъ своими нотаціями, выговорами и совѣтами... и...

Ему не пришлось распространяться дальше на эту тему. Не безпокойся, моя мамуля! Все, какъ будто, перевернулось во мнѣ. Что? Онъ смѣетъ подводить тебя подъ общую мѣрку какихъ-то старыхъ, ворчливыхъ и брюзжащихъ мамашъ; тебя «Золотую» съ твоимъ молоденькимъ, чуднымъ личикомъ, съ твоими глазами-фіалочками, съ твоими дивными волосами цвѣта спѣлой ржи! Ахъ, мама! Это было уже слишкомъ. Брани, брани свою пятнадцатилѣтнюю дурочку, которая никогда не будетъ, кажется, благонравной дѣвицей, но... но мамочка... мамочка... Прости! Мой мокрый отъ слезъ платокъ былъ отброшенъ куда-то въ уголъ, я сдѣлала злое, злое лицо, какъ у цѣпной собаки и... высунула ему языкъ. Потомъ... Ахъ, я не помню, что было со мною. Я такъ ревѣла, точно хотѣла превратить весь этотъ вагонъ въ непроходимое болото и такъ громко, что какая-то почтенная дама сжалилась надо мною, обняла меня за плечи и увела къ себѣ въ маленькое купэ, гдѣ не было никого кромѣ насъ и гдѣ послѣ безконечныхъ слезъ, я такъ божественно уснула!

Всю дорогу мы уже не разставались съ нею. Она очень добрая, хотя и не такая молоденькая, и красивая, какъ ты. Но вѣдь ты «Золотая»... И такой другой, какъ ты не можетъ быть на свѣтѣ... Ты хмуришься сейчасъ, вижу, голубонька моямамочка. Тебѣ непріятенъ мой глупый лепетъ? Ты хочешь знать поскорѣе, что стало дальше съ твоимъ Огонькомъ... Сейчасъ, сейчасъ, золотая, потерпи немножко. Мнѣ простительны такія отступленія, вѣдь я такъ люблю тебя. Я такъ люблю тебя, моя мама! Но слушай, слушай! Четыре дня мы провели въ дорогѣ. Добрая дама оказалась Петербургской жительницей и разсказывала мнѣ обо всемъ, что ждетъ меня въ столицѣ. О шумномъ, многолюдномъ городѣ, о

театрахъ, выставкахъ, музеяхъ, эрмитажѣ. Ее зовутъ Ольга Денисовна Страгунина, она женщина-врачъ и очень хорошій человѣкъ, повидимому. Мы были неразлучны всю дорогу. Когда я принималась плакать, разсказывая о тебѣ и о моей разлукѣ съ тобою, она утѣшала меня съ чисто ангельскимъ терпѣніемъ. Обѣдать мы выходили на станціяхъ вмѣстѣ и ужинать тоже, а въ промежутки между обѣдами и ужинами я угощала ее твоими пастилками, шоколадными конфектами и мятными лепешками, которыми такъ щедро снабдила меня, золотая. Знаешь-ли какая мысль пришла въ голову твоему Огоньку? Недурно было бы послѣ окончанія гимназіи, пойти на медицинскіе курсы, съ условіемъ конечно, если ты будешь служить въ столицѣ, а потомъ сдѣлаться такою-же женщиной-врачемъ. О, какъ это было-бы прекрасно! Я бы работала вся на людей, умаляла, по мѣрѣ силъ и возможности ихъ страданія, и въ то же время, своимъ собственнымъ трудомъ, дала бы возможность «золотой», отдохнуть и не работать больше такъ много. Ну, что, мамуля, какова моя мысль? Хороша? Или опять твой Огонекъ «вспыхнулъ въ пустую». Эти твои слова я пишу съ особеннымъ удовольствіемъ. Твои слова!.. Онѣ въ разлукѣ кажутся мнѣ еще болѣе значительными и дорогими!.. Помнишь, мамочка, какъ часто ты говорила твоей Иринѣ?

— Огонекъ! Смотри, не вспыхивай такъ часто, слишкомъ рано сгоришь!

Ахъ, мамочка, золотая моя, прекрасная! Не даромъ же ты прозвала Огонькомъ свою глупенькую, горячую, огневую дѣвочку! А Огоньку свойственно горѣть.

Пора кончать письмо, мое счастье—мамочка! Мы подъѣзжаемъ къ Петербургу. Къ этому большому, страшному городу, о которомъ ты мнѣ разсказывала столько чудесъ. Прощай покамѣсть, золотая. Цѣлую твои милые тоненькіе пальчики, твои фіалочки-глазки, твою золотую головку. Боюсь смертельно, что ты не разберешь мои каракульки—карандашемъ. Но въ поѣздѣ писать, сама знаешь, неудобно, хотя Ольга Денисовна и подложила мнѣ толстую книгу подъ

почтовые листки. Прощай еще разъ, мамуля. Завтра напишу побольше и поумнѣе. А пока милліонъ билліоновъ разъ цѣлуетъ тебя твой

Глупый Огонекъ.

Второе письмо Огонька къ матери.

«Золотая!

Твой глупый Огонекъ на мѣстѣ. Ахъ, мамуля, если-бы ты знала сколько впечатлѣній за-разъ! Боюсь, что не съумѣю подѣлиться толкомъ ими съ тобою. Призываю все свое благоразуміе и постараюсь во всю. Можетъ быть золотая мысленно меня поцѣлуетъ за это. Слушай, мамочка, слушай! Огонекъ твой пріѣхалъ въ Петербургъ поздно вечеромъ, когда платформа вокзала была залита электрическимъ свѣтомъ. Было также почти свѣтло, какъ у насъ въ театрѣ. На дебаркадерѣ суетились люди, бѣгали носильщики и съ растерянно взволнованными лицами топтались встрѣчающіе. Не успѣла я изъ окна купэ разглядѣть хорошенько всю эту интересную картину, какъ въ вагонъ вошелъ кондукторъ и очень громко, предполагая, вѣроятно, что здѣсь сидѣли глухіе, прокричалъ:

— Отъ гимназіи Рамовой есть встрѣчающія. Барышня Ирина Камская здѣсь?

Представь, мамуля, твой Огонекъ совершенно позабылъ въ ту минуту, что онъ не Огонекъ, а барышня Ирина Камская, и смотрѣла на кондуктора такими глупыми глазами, точно хотѣла сказать:

— Здѣсь нѣтъ никакой Ирины Камской здѣсь только Ольга Денисовна и Огонекъ.

Но, къ счастью, моя спутница оказалась находчивѣе меня. Она ласково сказала мнѣ:

— Вотъ видите, Ирочка, васъ выѣхали встрѣтить. Это очень любезно со стороны завѣдующей гимназическимъ интернатомъ.

И, крѣпко поцѣловавъ меня нѣсколько разъ подъ рядъ, прибавила на прощанье:

— Ну, желаю вамъ полнаго успѣха, моя дѣточка. Знаю не легко вамъ будетъ привыкать къ новой жизни, въ разлукѣ съ матерью, на первыхъ порахъ, но что дѣлать! Вѣдь это временно... Два года пролетятъ, какъ сонъ и вы снова соединитесь на всегда съ вашей мамой. Мы разстались. Какая она славная! Похожа на нашу старушку, бабушку Лу-лу, только чуть помоложе. Да, кстати поцѣлуй отъ меня Лулу, золотая, и дядю Витю и Кнутика и Милочку... Анатолію Дмитріевичу и Заза передай привѣтъ. Мнѣ стыдно, что въ первомъ письмѣ съ моими слезами я упустила изъ вида сдѣлать это. Скажи имъ, что Огонекъ любитъ ихъ всѣхъ и проситъ горячо своихъ друзей поберечь ея дорогую мамулю. Скажешь, мамочка, да? Ну, а теперь я продолжаю.

Едва только твоя глупая дочка успѣла выпрыгнуть изъ вагона, какъ чуть не сбила съ ногъ стройную высокую особу въ синемъ платьѣ въ ослѣпительно-бѣлыхъ манжетахъ и воротничкѣ. Увѣряю тебя, мамочка, они были бѣлы, какъ сметана и еще болѣе выдѣляли своей бѣлизной смуглое лицо ихъ хозяйки. Дама, или вѣрнѣе барышня въ отмѣнно-бѣломъ воротничкѣ взглянула на меня быстрыми и очень должно-быть, зоркими глазами стального цвѣта, такъ мнѣ показалось по крайней-мѣрѣ, при обманчивомъ свѣтѣ электричества въ ту минуту на вокзалѣ. Какіе они, на самомъ дѣлѣ, разсмотрю завтра утромъ и послѣ завтра сообщу тебѣ. И такъ, синяя дама посмотрѣла на меня тѣмъ взглядомъ, о которомъ пишутъ въ дурныхъ повѣстяхъ, что онъ пронзаетъ какъ шпага, и спросила:

— Не вы-ли Ирина Камская?

Я поспѣшила отвѣтить ей что это—я. И въ свою очередь освѣдомилась:

— А не вы-ли начальница гимназіи, госпожа Рамова?

Ахъ, мамочка, скажи, я, кажется не должна была дѣлать этого?

Конечно, не должна была, золотая, потому что она сдѣлалась, вдругъ, зеленой, какъ салатъ, — моя синяя дама, и отвѣтила мнѣ съ убійственной улыбкой.

— Вы ошибаетесь, m-lle если думаете, что наша глубоко-

уважаемая Марія Александровна будетъ лично встрѣчать каждую вновь поступающую въ ея гимназическій-интернатъ. Что же касается до меня, то я только завѣдующая интернатомъ Маргарита Викторовна Боргина.

И опять эта убійственная улыбка, которая мнѣ совсѣмъ не по вкусу, увѣряю тебя, мама! Чтобы избавиться какъ-нибудь отъ этой улыбки, я поспѣшила привѣтствовать мою надзирательницу и дружески протянула ей руку.

Ахъ, золотая! Твой Огонекъ опять чуть было не вспыхнулъ и не натворилъ бѣдъ при первомъ же знакомствѣ съ ея ближайшимъ начальствомъ. Послушай только, мамуля, что она сдѣлала эта синяя фурія!

Она не дала мнѣ руки! Понимаешь? Не дала! Она только кивнула мнѣ своей гладко-причесанной головой подъ плоской безъ малѣйшихъ украшеній, какъ блинъ шляпой, и все съ тою же убійственной улыбкой божественнаго спокойнаго равнодушія ко всѣмъ людямъ, взятымъ вмѣстѣ, проговорила.

— У насъ не принято, здороваться за руку съ начальствомъ. И вообще, никогда не слѣдуетъ первою, протягивать руку старшимъ, постарайтесь, хорошенько запомнить это, m-lle.

Вотъ такъ номеръ!

Твой Огонекъ приложилъ все свое стараніе, чтобы не захохотать во все горло прямо въ лицо этой напыщенной синей штукѣ. Увѣряю тебя, мама! Мнѣ это стоило такихъ огромныхъ усилій! А потомъ синяя фурія взяла меня за руку, точно мнѣ шесть лѣтъ, а не пятнадцать и мы стали протискиваться съ нею сквозь толпу пріѣхавшихъ съ этимъ поѣздомъ, встрѣчающихъ ихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ и сквозь цѣлый полкъ носильщиковъ, представителей отъ всевозможныхъ гостинницъ, отелей и комиссіонеровъ. Наконецъ, послѣ продолжительной работы локтями, я вздохнула облегченно, почувствовавъ себя на свободѣ, то есть на перронѣ вокзала. Синяя дама сдѣлала знакъ сторожу и сказала что-то. Сторожъ въ свою очередь крикнулъ всего три слова, но такъ громко, что едва не оглушилъ меня.—Карета госпожи Рамовой.—И мы съ моей пут-

ницей очутились въ тѣсной, но быстро и мягко покатившей на своихъ резиновыхъ шинахъ каретѣ. Въ окно ея можно было отлично разсматривать длинныя, прекрасныя, широкія улицы, на которыхъ должно быть очень совѣстно бросать апельсиновыя корки или бумажки отъ карамелей. Огромные зеркальные витрины магазиновъ, залитыя волнами электрическаго свѣта, роскошные экипажи, купэ-каретки, извозчичьи коляски и нарядныхъ и скромно одѣтыхъ прохожихъ мужчинъ и дамъ. Первые, почти такіе же, какъ и у насъ въ провинціи: элегантные, похожи на Анатолія Дмитріевича, или Кнутика, когда тѣ изображаютъ свѣтскихъ франтовъ, а скромные на Заза, или дядю Витю. За то дамы, мамуля! Ахъ, какіе у нѣкоторыхъ изъ нихъ туалеты, и какія онѣ всѣ хорошенькія, при свѣтѣ электрическихъ фонарей! Только, все-же, не такія хорошенькія, какъ ты; у нихъ нѣтъ такихъ чудесныхъ, цвѣта плавленнаго золота и спѣлой нивы, волосъ, какъ у моей мамы, нѣтъ такихъ фіалочекъ-глазъ, какъ у тебя, золотая!.. И, еслибы на тебя надѣть тѣ роскошныя шляпы и костюмы, ты-бы была лучшей красавицей среди нихъ.

Мы проколесили не болѣе четверти часа по улицамъ, пока, наконецъ наша карета не остановилась передъ большимъ краснымъ зданіемъ съ огромной доской прибитой надъ подъѣздомъ. На доскѣ значилось крупнымъ шрифтомъ: „Частная гимназія г-жи Рамовой“. А внизу меньшая дощечка гласила: „Гимназическій интернатъ“. Изъ подъѣзда выскочилъ швейцаръ. Онъ бросился съ такою стремительностью высаживать меня изъ кареты, что я невольно испугалась за цѣлость моихъ рукавовъ.

Потомъ мы поднялись по большой очень широкой лѣстницѣ, вошли въ какую то комнату, еще въ другую и еще въ третью. Наконецъ, остановились у дверей четвертой, изъ за которой звучали веселые молодые голоса.

Госпожа Боргина положила мнѣ руку на плечо, затянутую въ лайковую перчатку безукоризненной свѣжести и ни чуточки не пахнувшую бензиномъ (а наши-то перчатки, мамуля!—а! Ты помнишь сколько разъ ихъ чистила бензи-

номъ корридорная Паша! Кстати передай и ей горячій привѣтъ далекаго Огонька). И такъ, госпожа въ синемъ милостиво прикоснулась къ моему плечу и проговорила:

— Я оставляю васъ сейчасъ m-lle, чтобы вы могли хорошенько познакомиться съ вашими товарками, въ средѣ которыхъ вы проведете эти два года.

Мамочка, вѣдь ты знаешь хорошо своего отчаянно-смѣлаго Огонька? Вѣдь не даромъ же дядя Витя прозвалъ меня «сорванцомъ-дѣвицей», а Кнутикъ увѣрялъ не разъ, что мнѣ слѣдовало родиться не дѣвочкой, а мальчишкой. И представь себѣ, золотая, что твой храбрый Огонекъ струсилъ. Ну да, самымъ позорнымъ образомъ струсилъ въ ту минуту! Каковы-то будутъ эти невѣдомыя мнѣ дѣвочки, съ которыми придется мнѣ провести долгіе два года! Вотъ что выплясывала въ моей головѣ испуганная мысль. А вдругъ мы не поймемъ другъ друга и такъ и останемся непонятыми вплоть до самаго окончанія курса. О? Слушай, мамочка, я не преувеличу, если скажу, что была красна, какъ свекла, когда открывала дверь и мои руки дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Но не смотря на это, я сразу увидѣла сколько «ихъ» находилось въ комнатѣ и каковы «онѣ» были на видъ. Ихъ было шестеро, мамочка если не считать двухъ малышей изъ младшаго класса. Но тѣ уже давно спали въ интернатской спальнѣ. И такъ, ихъ было шестеро. Но раньше другихъ мнѣ бросилась въ глаза одна. И долгія минуты я видѣла только одну ее. Только ее одну... И знаешь-ли, твой глупый Огонекъ весь запылалъ отъ счастья. Она была «золотая». Ты понимаешь, мое сокровище? У нея у этой высокой дѣвушки были золотые волосы, такіе же золотые, какъ твои! Она сидѣла на главномъ мѣстѣ и разливала чай. Не знаю хороша-ли она или нѣтъ, но мнѣ, благодаря ея золотымъ волосамъ, она показалась красавицей. Только очень блѣдная худенькая красавица съ голубыми жилками у висковъ и на лбу. Потомъ, я узнала, что ее зовутъ Марина Ботова, а пансіонерки прозвали ее принцессой потому, что она похожа на всѣхъ златокудрыхъ принцессъ изъ сказокъ и у нея такія бѣленькія ручки, какими должно быть, не

дано обладать никому изъ обыкновенныхъ смертныхъ, да! Такъ вотъ, мамочка, дѣвушку съ золотыми волосами зовутъ принцессой. И она первая привѣтствовала меня.

— Здравствуйте, m-lle, садитесь къ столу, пейте чай и будьте, какъ дома.

— Да, будьте, какъ дома!

Это подхватила дѣвочка лѣтъ четырнадцати, Аня Сушкова, черненькая съ вздернутымъ носикомъ и темными, задорными глазами. У нее есть прозвище, тоже (онѣ всѣ понадавали здѣсь прозвища другъ другу). Эта — Живчикъ. Говорятъ, она самая бѣдовая изъ всего общежитія. Посмотримъ. Еще за столомъ сидѣли четыре. Двѣ сестрички похожія другъ на друга до смѣшного, какъ можетъ только твой Огонекъ походить на свое отраженіе въ зеркалѣ. Зовутъ ихъ Шура старшую, и Соня младшую, Кобзевы,— такова фамилія ихъ папы. Обѣимъ должно быть, не больше тринадцати, четырнадцати лѣтъ и, кажутся онѣ ужасно благонравными, точь въ точь, какъ тѣ добродѣтельныя маленькія миссъ, о которыхъ ты мнѣ читала въ переводныхъ англійскихъ книжкахъ. Потомъ еще сидѣла дѣвочка съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ. Ея имя и фамилія Раиса Фонарева, но о немъ, то-есть, о настоящемъ имени ея забыли совсѣмъ, такъ какъ бѣдняжка извѣстна болѣе подъ именемъ Слѣпуши. У нее больные глаза, мамочка, и она не выноситъ ни солнечнаго, ни электрическаго свѣта. Всегда въ темныхъ дымчатыхъ очкахъ, какъ бабушка Лу-лу, когда читаетъ роли, и кромѣ того, ко лбу ея прикрѣпленъ безобразный зеленый зонтикъ. Бѣдная Слѣпуша! Она тиха и кротка, какъ ягненокъ и повидимому подчинилась своей судьбѣ.

И еще дѣвица Ирма Ярви, финка изъ самаго сердца Финляндіи, откуда-то изъ хвойныхъ лѣсовъ и скалъ, гдѣ у отца ея имѣется помѣстье. Вотъ такъ дѣвица! Толстая, румяная, волосы желтые, какъ солома, а глаза выпученные, какъ у лягушенка. Носъ—кнопка электрическаго звонка. Говоритъ тоненькимъ голоскомъ, а сама съ башню величиною. Говорятъ, учится хорошо. И повидимому, очень прямая и правдивая особа. А зубы у нее, мамочка! Ахъ, миндаль!

У нея очень много прозвищъ и, поэтому, къ ней не привилось ни одного. Зовутъ больше Ярви по фамиліи, а за глаза просто финка. Когда она пожала мнѣ пальцы въ первую минуту знакомства, я чуть не присѣла до полу отъ боли. Это при всей-то моей терпѣливости!

Вотъ тебѣ и всѣ мои будущія подруги сожительницы по интернату, если не считать двухъ малютокъ изъ младшаго класса: крошечную голубоглазую Адочку Арсеньеву любимицу всѣхъ и особенно Слѣпуши, которую буквально обожаетъ эта десятилѣтняя крошка и изящную кокетливую, какъ французская куколка, миніатюру молоденькой свѣтской дѣвушки — десятилѣтнюю польку изъ Варшавы Казю Заржецкую. Эта, положительная красавица съ ея блестящими круглыми глазами, имѣющими свойство мѣнять свой цвѣтъ и выраженіе такъ часто, какъ только возможно, и съ цѣлой копной черныхъ кудрей. Впрочемъ, я пишу тебѣ о малюткахъ со словъ принцессы, а сама еще не видала ни Адочки ни Кази. Завтра подѣлюсь съ тобою моими личными впечатлѣніями, золотая, если ты не найдешь слишкомъ длинными и скучными безконечныя письма твоего Огонька!

А теперь, къ дѣлу. Золотая тамъ, далеко въ своемъ миломъ городкѣ, навѣрное, сгораетъ отъ нетерпѣнія узнать скорѣе, какъ приняли ея глупую дочку. Увѣряю тебя, мамочка, что все сошло прекрасно и я только пожалѣла сегодня, что человѣку полагается имѣть одинъ единственный языкъ во рту, а не полдюжины ихъ по крайней-мѣрѣ, какъ мнѣ-бы этого хотѣлось. Но, ты сама, подумай, мамуля, возможно-ли отвѣчать сразу и самымъ, замѣть, пунктуальнымъ образомъ на вопросы цѣлыхъ шестерыхъ дѣвицъ, среди которыхъ я появилась также неожиданно какъ Давидъ передъ Голіаѳомъ. Принцесса (ахъ, какъ мнѣ она нравится, мама!) первая пожелала узнать какъ меня зовутъ. и сколько мнѣ лѣтъ отъ роду. Двѣ сестрички спрашивали меня въ одинъ голосъ:—Кто мой папа и есть-ли у меня мама. Черноглазый Живчикъ, перекинувшись черезъ столъ, освѣдомлялся о названіи того города, откуда я пріѣхала. Тихая Слѣпуша хотѣла узнать представлялась-ли я начальницѣ гимназіи и ин-

терната или еще не успѣла, и наконецъ флегматичная и спокойная желтоволосая Ярви просюсюкала что-то неопредѣленное въ формѣ вопроса о томъ, въ какой классъ я намѣрена поступить и буду-ли держать экзамены или переведена къ нимъ сюда прямо изъ какого-нибудь другого учебнаго заведенія, имѣющагося въ Россіи.

Такъ какъ принцесса понравилась мнѣ больше всѣхъ, то я и предпочла обратиться къ ней первой. Глядя ей прямо въ ея глубокіе, красивые, сѣрые глаза чуть-чуть печальные и застѣнчивые я ей повѣдала о томъ, что меня зовутъ Ириной Камской, что мнѣ 15 лѣтъ и семь мѣсяцевъ, что я поступаю въ шестой классъ для чего и буду экзаменоваться. Что отца у меня нѣтъ такъ какъ онъ умеръ. Но, что вполнѣ умершимъ его считать, во всякомъ случаѣ нельзя, такъ какъ онъ былъ далеко не простымъ смертнымъ... Онъ художникъ, картинами котораго такъ много восхищались и восхищаются и по эту пору. Не знаю, хорошо-ли я говорила, золотая, но думаю, что молчать объ этомъ я не могла. Пусть онѣ знаютъ, всѣ эти чужія дѣвочки, что мой папа былъ далеко не простой папа и что имя его никогда не умретъ. Должно быть, это было гордо и красиво, то что я говорила, потому что Слѣпуша всплеснула своими дѣтскими-маленькими ручками (ахъ эти ручки, еслибъ ты только видѣла ихъ, мама! Малютки-ручки, безпомощныя, какъ у дитяти, а вѣдь ей 17 лѣтъ!), у Ирмы Ярви ротъ раскрылся до ушей огромный и красный какъ огненная пропасть, а Живчикъ такъ заблестѣла глазами, точно восторгалась за одно со мною произведеніями моего отца. Принцесса-же положила свою длинную узкую руку на мою (у всѣхъ принцессъ обязательно должны быть такія руки) и сказала съ очаровательной улыбкой:

— Я много слышала о талантѣ художника Камскаго, и рада познакомиться съ вами, Ирина.

Это было такъ мило съ ея стороны, что я не выдержала, и со свойственной твоему шальному Огоньку стремительностью, бросилась ей на шаю и наградила ее такимъ звонкимъ поцѣлуемъ, отъ котораго «малютки» должны были

(Къ стр. 17).

проснуться въ сосѣдней спальнѣ. Потомъ всѣ пожелали знать кто моя мама, чѣмъ она занимается и прочее и прочее безъ конца. Тогда я вскочила на стулъ, скрестила на груди руки и объявила имъ всѣмъ во всеуслышаніе, что ты моя „золотая", что ты въ одно и то же время и королева и пастушка, и богиня и нищая. Вотъ такъ потѣха! Онѣ растянули рты до ушей всѣ шестеро и смотрѣли такъ, точно проглотили по два комара и по одой мухѣ.

— Это неправда! — первая нашла выходъ изъ своего оцѣпенѣнія Живчикъ,— такой мамы быть не можетъ. Вы моморочите насъ, Камская!

— Да, да, вы морочите насъ! — подхватила и толстая финляндка и потрясала внушительно своими соломенными волосами. И двѣ сестрички Кобзеевы откликнулись дружнымъ эхо:—Невозможно! Невозможно!

Тогда, торжествуя, я постаралась доказать имъ противное. О, золотая, еслибъ ты слышала только, какъ я имъ говорила! Мое лицо пылало, мои глаза тоже и весь твой Огонекъ горѣлъ своимъ полнымъ пламенемъ. Я говорила имъ, какъ ты играешь, что не найдется ни одной такой актрисы во всей Россіи, но что у тебя нѣтъ достаточно силъ и средствъ, чтобы сдѣлать себѣ пышный гардеробъ, какъ у царицы, пріѣхать сюда и дебютировать на Императорской сценѣ. Я описывала имъ твой успѣхъ у публики, твою молоденькую, какъ у дѣвушки фигурку, твой чудный бархатный голосъ, ту бездну чувства, которымъ ты обладаешь, твои золотые волосы и фіалковые глазки и... и... Не было-бы конца моимъ разсказамъ, если-бы не появилась точно изъ подъ земли выросшая госпожа Боргина и не приказала намъ всѣмъ расходиться спать. Наша спальня находится рядомъ со столовой интерната. Ты представь себѣ, золотая, большую, въ четыре окна комнату и въ ней шесть узкихъ, чистенькихъ кроватей. Три у одной стѣны, три напротивъ. Четвертая, должно быть, была наскоро пристроена у печки. Эта послѣдняя предназначалась для твоего Огонька.

Дѣвочки раздѣвались, мылись и причесывались подъ бдительнымъ взоромъ Маргариты Викторовны. Когда всѣ

улеглись по своимъ постелямъ она, то есть синяя надзирательница пожелала всѣмъ спокойной ночи и исчезла такъ быстро, точно провалилась подъ полъ.

Теперь въ спальнѣ тишина. Всѣ спятъ. Твой глупый Огонекъ только, бодрствуя, выводитъ при свѣтѣ ночника демонастративно переставленнаго на ночной столикъ, эти удивительныя каракульки. Прощай, однако, золотая, я наклею на это письмо цѣлыя три марки. Боюсь, не дойдетъ иначе. Цѣлую твой каждый пальчикъ. Моя сладкая, дивная мамочка! Еслибъ ты знала только, какъ горячо тебя любитъ твой вѣрный Огонекъ.

Поклонись «нашимъ», мамуля. Старушку Лу-лу обними покрѣпче. Попроси ее не пить больше такого крѣпкаго кофе. Вѣдь это вредно. А нашему милому комику Заза, скажи, что напрасно онъ рвется служить въ Петербургѣ. Здѣсь совсѣмъ не весело, увѣрь его, мама.

Третье письмо Огонька къ матери.

„Здравствуй, золотая!

Не думай, что я тебя забыла. Три дня я не писала нарочно, чтобы хорошенько запастись впечатлѣніями и перелить ихъ тебѣ на бумагу. Ахъ, мама, сокровище мое! Сколько интереснаго и необычайнаго пережилъ твой Огонекъ за это недолгое время. Но все, все по порядку. Читай только повнимательнѣе все то, что напишетъ тебѣ твоя глупая дѣвочка.

На слѣдующее утро моего поступленія въ гимназическій интернатъ я проснулась отъ какого то страннаго ощущенія у себя на шеѣ... Точно муха хозяйничала подъ моимъ подбородкомъ и прогоняла отъ меня сонъ. Въ полудремотѣ поднимаю руку, въ надеждѣ схватить дерзкую, открываю глаза и что-же? На моей постели, свернувшись клубочкомъ, въ длинныхъ ночныхъ сорочкахъ сидятъ двѣ душки-куколки, живыя куколки, мамочка... Представь себѣ только: одна темноглазая съ длинными черными локонами, съ кокетливой улыбкой крошечной женщины, настоящая маленькая красоточка, вся бѣленькая и нѣжная, какъ фарфоръ, другая —

худенькій, стриженный, прелестный дѣтенышъ съ внимательными и не-дѣтски серьезными, пытливыми глазенками, карлица ростомъ. Это наши малютки, какъ ихъ здѣсь называютъ. Два попугайчика, изъ тѣхъ, которые никогда не разстаются другъ съ другомъ—Адочка Арсеньева и Казя Заржецкая, любимицы и живыя игрушки всей гимназіи, не говоря уже объ интернатѣ. Въ рукахъ Кази, чернокудрой красоточки, длинная, свернутая стеблемъ бумажка, и она, давясь отъ смѣха, водитъ ею вдоль моей шеи. Вокругъ толпятся старшія. Впереди всѣхъ принцесса. Она распустила длинные до колѣнъ волосы и вся точно одѣлась въ золотую мантію съ головы до колѣнъ. Удивительные волосы! Совсѣмъ твои, мамочка, совсѣмъ, только развѣ чуточку желтѣе.

— Вставайте, Ирина, скоро насъ позовутъ къ утреннему чаю и на молитву,—сказала она, улыбаясь своей обаятельной улыбкой настоящей принцессы.

Я вскочила, какъ встрепанная, схватила въ объятія обѣихъ малютокъ продолжавшихъ хозяйничать на моей постели какъ дома и чуть не задушила ихъ поцѣлуями.

— Ахъ, вы, мышенята этакія! Ахъ, вы жучки! Ахъ вы мушки проворныя!

Они со смѣхомъ вырывались изъ моихъ рукъ, красныя какъ піоны и звонко, заразительно смѣялись.

Ровно въ восемь за нами пришла надзирательница въ томъ-же, страннаго покроя, синемъ платьѣ, которое было на ней вчера, и сѣла пить чай съ нами въ нашей уютной небольшой столовой. (Она же и пріемная комната маленькаго интерната). Едва мы успѣли проглотить по кружкѣ горячаго напитка, какъ прозвенѣлъ оглушительнымъ звономъ колокольчикъ за дверьми.

— Это на молитву,—предупредительно пояснила мнѣ Живчикъ и всѣ мы тотчасъ-же поднялись изъ за стола и вставъ по двое „въ пары“, какъ это здѣсь называется, малютки впереди, я и принцесса какъ самыя высокія сзади, позади насъ надзирательница подъ руку со Слѣпушей и, такимъ образомъ, двинулись въ залъ, на молитву, гдѣ уже были собраны всѣ „экстерныя“ гимназистки, какъ птички

слетѣвшіяся со всѣхъ концовъ города сюда, въ эту большую, не меньше нашего театра, комнату. Ахъ, какъ ихъ много мамочка, и всѣ въ коричневыхъ платьяхъ и черныхъ передникахъ. (У насъ четырехъ „живущихъ“ интернатскихъ, бѣлые передники въ отличіе отъ экстерныхъ). Онѣ всѣ смотрѣли на твоего Огонька какъ точно я была ни Огонькомъ, а какимъ-то чудовищнымъ звѣремъ, Богъ вѣсть откуда появившимся въ ихъ гимназической залѣ. Дежурная старшаго класса прочла молитву и затѣмъ степеннымъ, медленнымъ шагомъ мы направились въ классъ. Описывать класса тебѣ не стоитъ, золотая. Онъ точь въ точь такой-же, какимъ его изображаютъ въ дѣтскихъ книжкахъ изъ школьной жизни, которыхъ мы столько перечли съ тобою, мое сокровище, когда я была еще глупымъ маленькимъ утенкомъ. Понимаешь? Скажу только, что въ немъ, то-есть въ классѣ было сорокъ мѣстъ, а насъ интернатскихъ вошло только четверо: Принцесса, Ирма Ярви, Слѣпушка и я. Это былъ шестой классъ, предпослѣдній по счету. Сестричка и Живчикъ учились въ четвертомъ, а двѣ наши прелестныя малютки въ первомъ классѣ. Есть еще и восьмой классъ, золотая, но проходить его не является обязательнымъ для каждой гимназистки. Онъ представляетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ своеобразное и вполнѣ самостоятельное учрежденіе. Нѣкоторыя изъ окончившихъ гимназію дѣвушекъ, (разумѣется, изъ тѣхъ кто хорошо учился), остаются здѣсь чтобы спеціализироваться въ педагогическомъ дѣлѣ. На сколько я поняла со словъ объяснившей мнѣ все это принцессы, здѣсь въ восьмомъ классѣ преподаютъ дѣвушкамъ какъ учить другихъ и изъ этого послѣдняго класса выходятъ вполнѣ педагогически образованныя барышни, будущія учительницы и гувернантки. Но дѣло не въ этомъ, золотая. Я не останусь ни за что въ восьмомъ классѣ, хотя-бы вся гимназическая администрація умоляла-бы меня объ этомъ, стоя на колѣняхъ. Я ни за что не соглашусь еще одинъ лишній годъ пробыть безъ моей ненаглядной мамули!

И такъ мѣстъ въ шестомъ «моемъ» классѣ всего сорокъ (я успѣла ихъ сосчитать по тѣмъ черным, бѣлокурымъ, и

русымъ головкамъ, которыя занимали эти мѣста). Сначала онѣ показались мнѣ всѣ на одно лицо благодаря ихъ однообразнымъ костюмамъ, но перебѣгая взглядомъ съ одной дѣвочки на другую я смогла различать ихъ по внѣшности. Больше всѣхъ меня заинтересовала моя сосѣдка по партѣ. Представь себѣ, смуглую чернушку, мамочка съ маленькими темными и живыми, какъ у мышенка глазами, насмѣшливо косившимися на меня, вздернутую пухлую губку съ чуть замѣтными черными волосками надъ нею, съ толстой до пояса косой, перекинутой на плечо. Дѣвочка казалась одного возраста со мною, или можетъ быть чуточку младше. Она сунула себѣ въ ротъ вынутую изъ кармана карамельку и съ удовольствіемъ посасывала ее. Потомъ, не мало не стѣсняясь присутствіемъ въ классѣ учителя русскаго языка, маленькаго добродушнаго толстяка въ синемъ съ золотыми пуговицами фракѣ, обмакнула перо въ чернильницу и написала на розовомъ листикѣ кляксъ-папира:

„Меня зовутъ Катишь Миловой, кое-кто изъ подругъ прозвалъ меня «Усачкой». Онѣ были-бы много любезнѣе, если-бы окрестили меня согласно моей фамиліи Милочкой или Милашкой, но онѣ, какъ видите, предпочли иное, потому что нашли у меня усики надъ верхней губой. Развѣ это дурно имѣть такіе усики? Скажите!»

Я хотѣла ей уже отвѣтить, такъ какъ она протянула мнѣ съ этою цѣлью ручку съ перомъ, что такое украшеніе, напротивъ, ей очень къ лицу, но какъ разъ въ эту минуту появилась передъ нами высокая еще молодая дѣвушка и проговорила строго:

— Милова, вы занимаетесь за уроками посторонними вещами. Мѣшаете и новенькой и самой себѣ.

— Это наша классная наставница Юлія Владиміровна. Немножко требовательная не въ мѣру, но въ сущности, предоброе существо,—шепнула мнѣ на ухо Милова, когда воспитательница отошла отъ нашей парты.

Почти тотчасъ же вслѣдъ за этимъ послышался голосъ учителя.—Госпожа Камская, не будетъ-ли вамъ угодно проэкзаменоваться по русскому языку.

Твой Огонекъ мамочка подскочилъ, какъ ужаленный отъ неожиданности на мѣстѣ. Это явилось большимъ сюрпризомъ, для меня... Я думала, что экзамены будутъ производиться нѣсколько позднѣе. Но, тѣмъ не менѣе, я изъявила свое согласіе и поднявшись съ мѣста, прослѣдовала на середину класса.

Я не могу тебѣ въ точности описать, какъ я отвѣчала, золотая, потому что все существо твоего Огонька дрожало и трепетало, начиная съ рѣсницъ до кончиковъ пальцевъ на ногахъ, такъ мнѣ было далеко нежелательно осрамиться передъ всѣми этими госпожами, что впивались въ меня нѣсколькими десятками паръ глазъ. И, кажется, отвѣчала весьма недурно, такъ какъ отпуская меня на мѣсто, учитель спросилъ:

— Скажите, госпожа Камская, кто васъ подготовилъ по русскому предмету?

Тогда я поспѣшила разсказать ему все: что ты хотѣла подготовить меня сама, такъ какъ окончила, въ свое время, гимназію съ золотой медалью, но, что репетиціи, спектакли и вся твоя служба провинціальной актрисы, мѣшала тебѣ сдѣлать это, но что со мною занимался аккуратно изо дня въ день учитель изъ мужской гимназіи по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ языковъ, которые мнѣ преподавала жившая съ нами рядомъ старушка—бывшая гувернантка, говорившая на всякихъ языкахъ, кромѣ, кажется, рыбьяго, да и то потому только, что у послѣднихъ нѣтъ физическихъ данныхъ для разговора.

Сначала толстякъ (я узнала впослѣдствіи, что его зовутъ Иванъ Ивановичъ, фамилія его Радушинъ) казался очень довольнымъ такой откровенностью, но потомъ вдругъ насупился и пересталъ задавать вопросы. Кажется, онъ обидѣлся моей развязностью, но, золотая, я нахожу, что ему совсѣмъ не слѣдовало бы обижаться тому, что я немножечко неудачно сострила. Чѣмъ же виноватъ твой Огонекъ, что онъ такой особенный, непосредственный (такъ, кажется, называли меня твои товарищи по театру), и... и глупый?

Послѣ урока я узнала, что первый мой экзаменъ сошелъ вполнѣ благополучно и что по русскому языку мнѣ

поставлено пять. Лучшая отмѣтка! А каково? Если я продолжу въ этомъ родѣ, Заза и бабушка Лулу не посмѣютъ меня называть уже маленькой глупышкой.

Слѣдомъ за русскимъ экзаменомъ у меня были и остальные. Отвѣчала не помню что и какъ, но въ общемъ отмахала не дурно. Поздравь твоего Огонька, золотая! Онъ не осрамился, ни-ни! Впрочемъ, здѣсь не трудно спрашиваютъ, совсѣмъ нѣтъ, право! По алгебрѣ я чуточку напутала въ уравненіяхъ со многими неизвѣстными, но учитель помогъ мнѣ выпутаться и я вышла побѣдительницей даже и изъ этого всегда самаго труднаго для меня предмета. Что же касается Средней, Новой и Русской исторіи, то я съ такой добросовѣстностью „отбарабанила“ на экзаменѣ послѣднихъ, года главнѣйшихъ событій, что преподаватель по этимъ предметамъ, ужасно лохматый, съ огромною шапкою волосъ на головѣ, не успѣвалъ задавать мнѣ вопросовъ.

Въ классѣ отъ всѣхъ этихъ перечисленій стоялъ не то гулъ, не то трескотня кузнечиковъ, не то жужжанье шмелей въ жаркую пору. Онъ, то-есть, учитель, оказался вполнѣ довольнымъ моимъ отвѣтомъ.

— Благодарю васъ, m-lle,—сказалъ онъ, отпуская меня на мѣсто. И когда я уже сидѣла на скамьѣ, подлѣ Усачки, неожиданно спросилъ;—Скажите, пожалуйста, m-lle, извѣстный художникъ Камскій не приходится-ли вамъ сродни?

О, мамочка, это была лучшая минута, которую я когда-либо переживала!

— Это мой отецъ!—вырвалось у меня съ такой стремительностью, гордостью и восторгомъ, что всѣ эти дѣвочки обратили на меня изумленные глаза. А съ каѳедры уже неслись пріятныя, неожиданныя для меня слова историка:

— Я знаю картины вашего отца. Онѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова, прекрасны. Особенно „Солнечный день!“.

Золотая, нашъ „Солнечный день!“. Нашъ „Солнечный день“ похвалилъ онъ въ первую голову! А!..

— О, это лучшая картина!—помимо моей воли вырвалось у меня и твой Огонекъ запылалъ снова по своему обыкновенію.

Я не помню какъ кончился этотъ урокъ, но когда онъ кончился, у была окружена четырьмя десятками дѣвочекъ, и всѣ онѣ смотрѣли на меня такъ, точно твой глупый Огонекъ, мамуля, была жительницею Марса, неожиданно свалившеюся на землю, сюда, въ этотъ классъ. Онѣ всѣ на перебой жали мнѣ руку, поздравляли съ успѣшною сдачею экзаменовъ и паралельно дѣлали замѣчанія вродѣ того, что онѣ и не знали, какая новая гимназистка (дочь знаменитости! читай въ скобкахъ) поступаетъ къ нимъ въ классъ.

Ахъ, мамуля моя, радость, голубушка, у твоего бѣднаго, глупаго Огонька голова закружилась какъ мельница, и я была близка къ тому, чтобы упасть въ обморокъ отъ счастья.

Но это еще не все, не весь тріумфъ, золотая. Его довершилъ учитель рисованія. Вообрази себѣ, мамочка: сѣдой какъ лунь старикъ съ львиной головою и съ такимъ царственно-гордымъ выраженіемъ въ чертахъ, съ такими ясными свѣтло-голубыми глазами, что хочется все время смотрѣть на это милое, доброе, благородное лицо. Онъ вошелъ очень взволнованный въ классъ, остановился на порогѣ и почти рѣзко крикнулъ:

— Дѣвицы! Гдѣ тутъ у васъ вновь поступившая гимназистка Камская?

Я встала и подошла къ нему. Онъ протянулъ мнѣ руку.

— Радъ познакомиться съ вами, дитя мое. Я хорошо зналъ вашего отца. Онъ даже начиналъ, отчасти, подъ моимъ руководствомъ, чѣмъ я вправѣ гордиться. О, если-бы Вадимъ Камскій не умеръ такъ рано, изъ него-бы вышелъ великій художникъ!

Ты можешь себѣ представить, что я пережила, золотая? Знакомыя мурашки забѣгали у меня по спинѣ вдоль всего тѣла, и мнѣ показалось мгновенно, что стоитъ мнѣ только вскинуть руками, я полечу, какъ птица. Хотѣлось закричать отъ радости, отъ гордости за моего милаго отца. Но къ счастью я сдержалась во время и очень спокойно отвѣчала учителю (его имя Андрей Павловичъ Мартыновъ, запомни хорошенько, золотая, потому что насколько мнѣ кажется, я

еще не разъ буду писать тебѣ о немъ). Я отвѣчала ему на его вопросы, какъ я владѣю карандашемъ и не отразилось-ли на мнѣ хоть отчасти дарованіе моего отца,—что пусть онъ судитъ это самъ по моимъ работамъ. Затѣмъ, попросила у Юліи Владиміровны разрѣшеніе сходить въ спальню интерната, гдѣ остался мой сундучекъ съ вещами и рисунками. Она милостиво изъявила мнѣ свое согласіе и твой Огонекъ, мамуля, запрыгалъ козломъ по лѣстницѣ черезъ три ступеньки (ужасъ, скажешь ты, ужасъ!), ведущей въ интернатъ! Я ворвалась въ спальню ураганомъ, чуть не сбила съ ногъ надзирательницу, то-есть синюю фурію, на моемъ языкѣ, и черезъ пять минутъ, летѣла какъ пуля, уже обратно въ классъ, размахивая моими рисунками, какъ флагами надъ головою.

Я захватила сюда наиболѣе удачные, ты знаешь. Твое изображеніе углемъ съ кошкой на колѣняхъ, и твою головку, накрытую плащемъ изъ Антигоны, потомъ корридорную Пашу съ подносомъ, бабушку Лу-лу, нашу крошку-гостиную, намазанную пастелью и твою бенефисную корзину, золотая, поднесенную тебѣ товарищами. Мартыновъ надѣлъ круглые очки на свои большіе глаза стараго ребенка и долго, тщательно и подробно разсматривалъ каждую вещицу. А черезъ его плечи и голову, подъ его руками смотрѣло около восьмидесяти глазъ взгромоздившихся на парты или опустившихся на полъ гимназистокъ, вмѣстѣ съ учителемъ разглядывающихъ ихъ. Я замѣтила, что Андрей Павловичъ особенно долго остановился на твоемъ изображеніи, мама.

— Гм! Гм! Очень недурно...—произнесъ онъ себѣ подъ носъ,—а для такой молоденькой особы и совсѣмъ, пожалуй, хорошо. Вотъ, только если-бы вы чуточку повнимательнѣе относились къ деталямъ. А то, если изображенная вами красавица вытянетъ руку, рука окажется не больше туловища кошки, которую она держитъ на колѣняхъ. Понимаете, дитя? Впрочемъ, мы это исправимъ. Скажите, вы учились прежде рисованію?

— Никогда! — вырвалось у меня съ убійственной поспѣшностью.

— Ага! Это мѣняетъ суть дѣла... Я посажу васъ за орнаменты. Потомъ за гипсовые носы, уши, руки. Пусть это скучно, зато поможетъ вамъ оріентироваться. Жаль было бы позволять вамъ заблуждаться дальше и рисовать длиннорукія или кривоглазыя фигуры. У васъ несомнѣнный талантъ!

Талантъ!

Ты чувствуешь, что стало со мною, золотая! Твой Огонекъ вспыхнулъ какъ костеръ. Потомъ потухъ снова, и снова вспыхнулъ. У меня явилось непреодолимое желаніе прыгнуть на шею доброму старику и расцѣловать его въ обѣ щеки. Но очевидно этого нельзя дѣлать въ гимназіи и я коекакъ сдержалась. Зато, что было послѣ урока, мама! Всѣ эти дѣвицы, едва только захлопнулась за учителемъ дверь, бросились ко мнѣ. Чуть не силой вырвали изъ моихъ рукъ рисунки, громко восторгались мною, душили меня поцѣлуями, кричали мнѣ въ уши, точно я была глухая:

— Вы — талантъ, Камская, вы — большой талантъ! То, что нарисовано вами — чудно, дивно, безподобно!

Моя сосѣдка Усачка смотрѣла на меня съ такимъ видомъ, точно я была леденецъ и она собиралась меня съѣсть. Едва, едва съумѣла я освободиться изъ ихъ толпы и то благодаря Слѣпушѣ, финкѣ и принцессѣ, которыя пришли сказать мнѣ, что «интернатскія» сейчасъ должны идти завтракать къ себѣ, на-верхъ. По дорогѣ въ общежитіе принцесса наклонилась къ моему уху и проговорила тихо, такъ тихо, что я одна только могла ее услышать:

— Мнѣ немного жаль васъ, Ирина...

— Жаль, почему?

— Онѣ всѣ закружатъ вамъ голову своими похвалами. Избалуютъ васъ... Это очень грустно. Вы показались мнѣ такой милой, такой душевно-свѣжей и непосредственной провинціалочкой. Что вы сдѣлаетесь отнынѣ, благодаря имени вашего отца и вашей собственной даровитости, кумиромъ гимназіи — это несомнѣнно, но, милая Ирина, не поддавайтесь лести... Она дѣйствуетъ разрушающе. Простите, что я суюсь, можетъ быть не въ свое дѣло, голубушка, но я много старше васъ. На цѣлые два года, и это даетъ мнѣ право предосте-

речь васъ... Къ тому же, вы мнѣ такъ понравились съ первой же минуты знакомства... Очень понравились, Ира. И мнѣ не хотѣлось бы видѣть васъ иною, не такой, какъ сейчасъ.

Золотая! Повѣришь-ли? Пока она говорила, я закрывала глаза и безъ труда представляла себѣ на мѣстѣ Принцессы твою хрупкую миніатюрную фигурку, твое чудное милое личико! До того совпадали ея мысли и слова съ твоими. Ты говорила мнѣ то же, отпуская меня сюда: «Берегись избаловаться, моя Ира, останься тою же дѣтски свѣжей души провинціалочкой, какою ты улетаешь изъ-подъ крылышка твоей мамы». Ты видишь, золотая, я отъ слова до слова помню всѣ твои слова. Теперь убѣдись сама, насколько они тожественны съ рѣчью принцессы! Я чуть пріоткрыла глаза, чтобы увидѣть золотистую головку говорившей. Это дополняло сходство ея съ тобою. Тѣ-же волосы, тѣ-же мамуля, и тѣ-же мысли! Ахъ! Мнѣ захотѣлось плакать и смѣяться въ одно и то же время. И я кончила тѣмъ, что подпрыгнула на ходу и влѣпила звонкій поцѣлуй въ ея блѣдную щечку.

— Спасибо вамъ за совѣтъ, принцесса! —проговорила я весело, между тѣмъ какъ на рѣсницахъ моихъ дрожали предательскія слезинки. — Успокойтесь, моя милочка, я постараюсь не испортиться всѣми силами души.

Она улыбнулась мнѣ своими умными задумчивыми глазами и ничего не отвѣтила на это, потому что мы уже входили въ столовую, гдѣ на предсѣдательскомъ мѣстѣ за столомъ сидѣла сама госпожа Рамова, начальница гимназіи, и содержательница интерната. Я увидѣла небольшую полную даму въ гладкомъ черномъ платьѣ, съ сѣдѣющими волосами и усталымъ лицомъ. Она внимательнымъ взоромъ окинула меня съ головы до ногъ. Потомъ легкимъ кивкомъ отвѣтила на мой поклонъ и сказала:

— Добро пожаловать, Камская. Надѣюсь вы скоро привыкните къ вашимъ новымъ знакомымъ. И порадуете меня вашими успѣхами.

И все. Я ожидала, признаться, болѣе продолжительнаго привѣтствія, но... госпожа Рамова (кстати, ее здѣсь называютъ Маріей Александровной, всѣ, и гимназистки-«экстерки»,

и живущія въ интернатѣ, и классныя, и дамы-надзирательницы, и прислуга), госпожа Рамова казалась почему-то усталой. Несмотря на полноту она очень болѣзненная женщина. Ты, знаешь, она только представительница своей гимназіи, а всѣми дѣлами по управленію завѣдуетъ г-жа Боргина, ея двоюродная сестра. За столомъ здѣсь сидятъ молча. Завтракъ состоялъ изъ изъ двухъ блюдъ: битковъ съ картофелемъ и разныхъ овощей, затушенныхъ въ кастрюлѣ. Вѣроятно, здѣсь стряпаетъ поваръ, но мамочка... наши обѣды, которые приносила намъ въ номеръ корридорная Паша, разогрѣтые на керосинкѣ, ахъ, тѣ во сто разъ, казалось мнѣ, были вкуснѣе! Не мудрено: тогда, противъ меня за столомъ сидѣла моя золотая! Ея фіалочки-глазки смотрѣли на меня—точно просили кушать побольше, а губы... О, моя мамочка! Ты одна только умѣешь произносить тѣ чудныя, ласковыя, дорогія слова, которыми награждала своего глупаго Огонька! Ты одна умѣешь меня дѣлать такой счастливой!

Завтракъ кончился въ полчаса и Маргарита Викторовна Боргина повела насъ снова внизъ, въ классы. Да, кстати, мамуля. За завтракомъ всѣ интернатки соединились снова и опять я имѣла удовольствіе увидѣть очаровательную парочку: Аду и Казю, нашихъ малолѣтокъ.

Два часа дневныхъ уроковъ промелькнули быстро. У меня было еще два экзамена въ этотъ день: по Закону Божію и нѣмецкому языку. Боялась, что послѣдній сплохуетъ, но выручила принцесса. Она сѣла на первую парту, ближайшую къ кафедрѣ и подсказала мнѣ всѣ затруднявшіе меня отвѣты. Это вышло очаровательно и не замѣтно нисколько.

Я знаю, что золотая покачаетъ укоризненно своей милой головкой, читая эти строки ея глупаго Огонька, но мамуля! Было бы во сто кратъ хуже, если-бы я провалилась! Въ перемѣнку между уроками я гуляю по корридору съ принцессой. Иногда къ намъ присоединяется Усачка. Она очень шумная, восторженная, неистовая натура. Объявила мнѣ прямо безо всякихъ вступленій, что обожаетъ меня, любитъ больше всего въ мірѣ, восторгается мною и непремѣн-

но желаетъ имѣть отъ меня на память что-нибудь. Это съ перваго-то дня знакомства, а? Не странно-ли это, мамочка?

Въ два съ половиной окончились уроки. Экстерки наскоро собрали свои тетради и книги и бѣгомъ побѣжали домой. Мы остались. Мы должны были идти гулять въ гимназическій дворъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокимъ заборомъ. И тутъ-то твой Огонекъ, мамочка, твой сумасшедшій, свободолюбивый Огонекъ почувствовалъ впервые, что онъ—птичка, запертая въ клѣтку. Впрочемъ, не я одна чувствовала это: принцесса, Живчикъ и даже финка и Слѣпуша, всѣ сгруппировались у окна и жадными глазами смотрѣли на улицу, гдѣ было солнечно, свѣтло и радостно въ этотъ сентябрьскій день убѣгавшаго лѣта.

Лицо принцессы было печально. Даже каріе глаза Живчика блестѣли меньше обыкновеннаго и точно подернулись дымкой тумана, а холодные, выпуклые, водянистые глаза финки потеряли все свое обычное спокойствіе...

Мы всѣ старались скрыть другъ отъ друга обуревавшій насъ порывъ желанія вырваться хоть на минуту на свободу, кинуться слѣдомъ за экстерками туда въ это свѣжее, чистое море воздуха, солнца и свѣта!.. Но, не грусти за меня, золотая. Я привыкну. Прощай покамѣсть. Цѣлую твои ручки, каждый пальчикъ, постараюсь увидѣть тебя во снѣ эту ночь, во что-бы то ни стало.

«Огонекъ».

Четвертое письмо Огонька къ матери.

Ура! Золотая!

О, какъ я счастлива! Какъ я безумно счастлива сегодня! Твое письмо! Оно лежитъ передо мною. Я перечитываю его чуть-ли не въ десятый разъ за эти полчаса времени, а слезы такъ и капаютъ у меня изъ глазъ. Такъ и льются на коричневое платье, на бѣлый передникъ. Слезы капаютъ, а я смѣюсь. Ну, да, твой глупый Огонекъ смѣется, мамочка. Это отъ счастья. Тысячу разъ благодарю тебя за твои родныя, ласковыя, такъ осчастливившія меня строки!

Какъ я хорошо вижу тебя сейчасъ передъ собою, всю такую изящную, хрупкую фигурку съ твоими золотыми волосами сказочной дѣвы... Мама, знаешь-ли, во мнѣ положительно живетъ душа художника. Папина душа. Я такъ чутко и остро понимаю красоту! Моя милая, чудная, прекрасная мамочка! Какъ-бы я хотѣла нарисовать тебя сейчасъ!

Спасибо тебѣ мамуля-радость, за тотъ добрый совѣтъ, который ты мнѣ прислала. Да, да, я буду вести мой дневникъ! Конечно, буду. Накоплю за годъ и пошлю тебѣ толстыми тетрадками. Въ письмахъ же буду писать только самое важное, а такъ какъ самое важное для твоего Огонька, мамуля, его любовь къ тебѣ, то значитъ мои письма и будутъ полны моей любовью къ золотой. Какъ хорошо ты пишешь о новомъ спектаклѣ! Какъ хорошо было, должно быть, это первое представленіе «Короля Лира!» И ты въ роли Корделіи, обожающей своего отца! Ты должно быть божественно играла, золотая! Пожалуйста, не забудь мнѣ описать поподробнѣе твой костюмъ, твою прическу и пришли мнѣ отзывъ газеты о твоемъ исполненіи. Я увѣрена, что онъ будетъ прекрасенъ! Я заключу его въ рамку отъ портрета и повѣшу надъ моей постелью рядомъ съ твоей карточкой.

Перечитываю твое письмо и мысленно переношусь въ нашъ милый городокъ въ большой «театральный домъ» наше артистическое ателье, какъ его называлъ всегда съ такою важностью Заза... Длинный полутемный корридоръ меблированныхъ комнатъ госпожи Резинкиной, на половину занятый нашей труппой, корридорную Пашу носящуюся, какъ вихрь изъ комнаты въ комнату и наши двѣ комнатки, гостиную и спальню съ папиными картинами, карточками и твоими портретами во всѣхъ заглавныхъ роляхъ.

Ахъ, мамочка, когда ты будешь богата, когда тебѣ дадутъ дебютъ на Императорской сценѣ и у насъ будетъ столько денегъ, что они не умѣстятся въ цилиндрѣ дяди Вити (помнишь его выраженіе? «Я желалъ-бы имѣть столько денегъ, сколько умѣстилось-бы въ моемъ цилиндрѣ»), мы устроимъ непремѣнно въ концѣ нашей будущей роскошной квартиры такую-же точно маленькую гостиную и крошечку-

спальню и будемъ вспоминать въ нихъ счастливую хотя и не совсѣмъ беззаботную жизнь въ далекомъ провинціальномъ городкѣ.

Неправда-ли, золотая?

И твой малиновый капотъ съ широкими, откидными рукавами ты повѣсишь тамъ на гвоздикѣ, моя мамочка. И никогда не выбросишь малиноваго капотика, нѣтъ! Вѣдь онъ пережилъ вмѣстѣ съ нами столько хорошаго, право!..

Эти вечера, когда ты возвращалась, послѣ окончанія спектакля изъ театра и разогрѣвала себѣ чай на керосинкѣ и рѣзала тоненькими ломтиками ветчину, стараясь скользить не слышно, какъ фея, по комнатѣ, чтобы не разбудить твоего Огонька, который нарочно притворялся спящимъ, стремясь въ свою очередь наблюдать безъ помѣхи свою золотую и искренне восторгаться ею. Развѣ все это не дорого по воспоминаніямъ мнѣ, моя мамочка? Я тебя такъ люблю, такъ ужасно сильно люблю!

Да, ты права, я буду вести мой дневникъ, непремѣнно буду. Начну съ сегодняшняго дня. Прощай, жизнь—моя мамочка. Надѣюсь тебѣ будетъ капельку пріятно, если я сообщу тебѣ, что французскій, географію, педагогику, анатомію и физику я выдержала тоже весьма недурно. Передай это моему старому учителю и поблагодари его отъ меня за то, что онъ такъ хорошо меня подготовилъ.

До свиданія, золотая... Цѣлую тебя такъ крѣпко какъ могу. Поклонъ всей труппѣ. Если они не забыли ихъ горячаго взбалмошнаго Огонька.

Изъ дневника Ирины Камской.

Сентября 12-го 190...

Сегодня радостный день. Письмо золотой — это разъ, счастливое окончаніе экзаменаціонныхъ испытаній—это два. Нѣтъ, положительно мнѣ везетъ. Въ пятнадцать лѣтъ—шестиклассница. Весьма и весьма недурно. Думаю что это пріятно для золотой. Вѣдь я ее единственная радость въ

жизни. Театръ это совсѣмъ иное. Развѣ, если-бы папа не умеръ такъ рано, оставивъ меня двухлѣтней глупышкой на рукахъ золотой, она-бы поступила на сцену? Конечно, нѣтъ. А тутъ надо кормить Огонька, который требовалъ такъ много, такъ ужасно много... Телефонныя, телеграфныя барышни, служащія конторщицами въ магазинахъ получаютъ крохи и вотъ, соображаясь съ этимъ, моя красавица мама пошла на сцену. Тамъ, при ея талантѣ, ей удалось сдѣлать достаточно.

Вначалѣ приходилось кочевать изъ города въ городъ ежегодно, судя по тому, гдѣ золотая заключала съ театральными директорами контрактъ. И вотъ, наконецъ, судьба насъ забрасываетъ въ нашъ городокъ... Контрактъ на три года... Шикарно! Мама торопится пригласить учителя давать мнѣ уроки. До сихъ поръ она занималась со мною сама между репетиціями и спектаклями. (А роли учила ночью, бѣдная моя мамуля! Не легко ей было это).

Учитель меня подготовилъ блестяще. Результатъ налицо. За всѣ послѣдніе три года мама только и твердила о томъ, что верхъ ея желанія это—помѣстить меня въ одну изъ петербургскихъ гимназій, устроивъ въ имѣющемся при ней общежитіи, такъ какъ она (моя золотая твердо надѣялась на это) должна была измѣнить свою кочевую жизнь провинціальной актрисы, пріѣхать въ столицу, добиться дебюта на образцовой сценѣ и уже окончательно водвориться на ея подмосткахъ «хотя-бы подъ старость».

„Подъ старость“, это не мое, а ея слово. Когда мамуля принимается говорить про свою старость, я начинаю во все горло хохотать. Золотой 34 года, но она кажется двадцатипятилѣтней. Ужасно смѣшно видѣть насъ вмѣстѣ. Точно сестры. Насъ и принимаютъ за сестеръ, и мамочка всегда страшно обижается на это.

— Зачѣмъ ты смѣешься, Огонекъ, или тебѣ не хочется больше быть моей милой дочуркой?—спрашиваетъ она, въ этихъ случаяхъ, меня, бѣснующуюся отъ смѣха.

О, золотая! Пусть я проживу сто лѣтъ, чтобы любить тебя въ эти минуты! Ты не даромъ прозвала меня Огонь-

комъ, дорогая моя мама, за мою способность вспыхивать и загораться отъ гнѣва, счастья или восторга. Я—твой Огонекъ и хочу горѣть лишь для тебя всю мою жизнь, всю мою долгую жизнь, золотая!

И такъ сегодня счастливый день и я рѣшила отпраздновать его на славу. Послѣ урока физики, когда „экстерки“ по обыкновенію съ веселымъ смѣхомъ и шумомъ высыпали на улицу, а мои подруги по интернату сгруппировавшись у окна, жаднымъ взоромъ провожая уходившихъ, я незамѣтно подкралась къ нимъ и голосомъ герольда изъ балаганной фееріи, прокричала басомъ на весь классъ:

— Ирина Камская задаетъ пиръ въ этотъ вечеръ... Просятъ покорнѣйше не засыпать сразу послѣ тушенія лампъ.

— Берегитесь попасться m-lle Боргиной, Огонекъ (онѣ всѣ уже пріучились къ моему обычному прозвищу здѣсь, въ гимназіи и въ интернатѣ), она не любитъ подобныхъ выдумокъ,—предупредила меня принцесса.

Вмѣсто отвѣта я чмокнула ее въ губы и заговорила уже значительно тише:

Тссс! Mesdemoiselles! Я приглашаю васъ всѣхъ, не исключая и малютокъ, къ своей кровати. Будетъ легкій ужинъ, сладости и лимонадъ съ медомъ, замѣняющій вино. Сейчасъ посылаю горничную за всѣми припасами. Надѣюсь въ этомъ нѣтъ особеннаго преступленія?

— Ну, разумѣется!—поспѣшила подхватить Живчикъ,—надо только дать время „Синей“ убраться изъ спальни.

— Ахъ, это будетъ чудесно!—въ одинъ голосъ вскричали подоспѣвшія малютки и неистово захлопали въ ладоши.

Моя затѣя, очевидно, понравилась всѣмъ. Только принцесса все еще покачивала своей золотистой головкой, да Слѣпушины больные глаза какъ-то пугливо поглядывали изъ-подъ зеленаго зонтика.

Дѣло въ томъ, что посылать горничную зачѣмъ-бы то ни было гимназисткамъ строго воспрещается безъ разрѣшенія на то ближайшаго начальства. Что же касается насъ бѣдныхъ затворницъ, то мы вздохнуть, кажется, не смѣемъ

безъ разрѣшенія „Синей“, а тѣмъ болѣе устраивать пиршества. А если идти спрашивать послѣднюю, то ужъ навѣрное изъ цѣлой смѣты предполагаемыхъ для покупки вкусныхъ вещей не останется и десятой доли.

И такъ, рѣшивъ игнорировать разрѣшеніе Маргариты Викторовны, я вынимаю изъ моего кошелька одинъ изъ пяти золотыхъ, подаренныхъ мнѣ мамой передъ отъѣздомъ, исключительно для „удовольствій“ ея глупаго Огонька, отыскиваю въ прихожей дѣвушку и снаряжаю ее въ опасный путь.

Сама же, какъ ни въ чемъ ни бывало, отправляюсь обѣдать. Должно быть, у меня было нѣсколько взволнованное лицо за обѣдомъ, потому, что г-жа Рамова освѣдомляется на мой счетъ между первымъ и вторымъ блюдомъ:

— М-lle Ирина, не болитъ-ли у васъ голова?

Я отвѣчаю ей твердымъ „нѣтъ“. Потомъ успѣваю дать понять малюткамъ, что горничная уже тю-тю, и что вечеромъ я задаю Лукуловское пиршество интернату.

Я чувствую: когда этотъ дневникъ будетъ въ рукахъ золотой, и милые фіалочки-глазки пробѣгутъ эти строчки, мама вздохнетъ сокрушенно и мысленно упрекнетъ своего сумасшедшаго Огонька. Но, что-же дѣлать, золотая! Развѣ виноватъ твой Огонекъ, что онъ имѣетъ свойство горѣть тысячу и однимъ желаніемъ и ни мало не заботится о томъ, насколько удобенъ или неудобенъ способъ ихъ осуществленій здѣсь въ интернатѣ! Да, это былъ пиръ! Вотъ это я понимаю! Мы зажгли всѣ огарки, имѣющіеся въ столикѣ каждой интернатки и наша спальня превратилась въ настоящій ярко освѣщенный залъ. Малыши примчавшіеся изъ своей „дѣтской“ въ длинныхъ ночныхъ сорочкахъ и съ распущенными волосами по плечамъ, имѣли видъ двухъ прелестныхъ херувимовъ, слетѣвшихъ съ неба. Двѣ постели сдвинули, накрыли ихъ пикейнымъ одѣяломъ, сегодня игравшимъ роль скатерти, приставили къ нимъ наши сундучки, и чемоданы (табуреты и стулья были-бы слишкомъ высоки для этой цѣли) и «возсѣли» за нашимъ импровизованнымъ столомъ съ такою важностью и комфортомъ, точно на настоящемъ банкетѣ.

Ахъ, золотая, навѣрное-бы сдѣлала свою милую, брез-

гливую гримаску, если бы увидѣла тѣ лакомства, какими приготовился набить желудки новыхъ своихъ подругъ твой сумасбродный Огонекъ!

Во-первыхъ, была великолѣпная ливерная колбаса, моя любимая, и къ ней баночка французской горчицы. Затѣмъ омары и копченый угорь, похожій на змѣю. Затѣмъ сладкій пирогъ начиненный битыми сливками, леденцы въ бумажкахъ, и леденцы безъ бумажекъ, рябиновыя пастилки и паклеванный хлѣбъ. И къ довершенію всего, грушевый медъ и лимонадъ! Все, удивительно вкусныя вещи!

Взявъ тарелки, вилки и ножи изъ буфетной, мы не теряя времени принялись за угощеніе. Право, никогда еще ливерная колбаса не казалась мнѣ такой очаровательно-прелестной, какъ въ эту ночь!

— Давайте провозглашать тосты! — предложила Живчикъ, вскакивая на стулъ посреди спальни.—Кстати, у моего перочиннаго ножа есть штопоръ. Я откупорю бутылки.

И она тутъ же привела свой замыселъ въ исполненіе съ такимъ искусствомъ, что мы всѣ невольно позавидовали ея ловкости. Черезъ минуту, отвѣдавъ изъ своей кружки, служившей для полосканья зубовъ, она проговорила:

— Господа! Лимонадъ черезъ чуръ холоденъ. Мы его можемъ пить сами, но я не рекомендую ихъ давать малышамъ, слѣдуетъ согрѣть его немного въ печкѣ, сегодня, кстати, она топилась по утру.

И она бросилась съ бутылкой въ рукахъ открывать печныя дверцы.

— Дѣло сдѣлано. Ваше питье черезъ четверть часа будетъ готово, маленькіе люди!—комически раскланиваясь обратилась Аня къ малюткамъ, бросивъ взглядъ на ихъ вытянувшіяся личики, полныя обманутаго ожиданія.

— А теперь, господа, я предлагаю тостъ за знаменитаго отца Ирины Камской и за процвѣтаніе таланта ея матери. Ура!

— Ура!—подхватили нѣсколько голосовъ сразу, среди которыхъ звонко выдѣлялись мышиныя подвизгиванія малышей.

Я была растрогана до глубины души. Взяла свой стаканъ съ медомъ и раскланивалась съ такимъ-же достоинствомъ, съ какимъ дядя Витя, главный герой и резонеръ нашей труппы, раскланивается съ публикой. Должно быть, это было очень смѣшно, потому что всѣ расхохотались. А малютки буквально «закатились» смѣхомъ.

Потомъ пили лимонадъ и медъ за мое здоровье, за процвѣтаніе моего таланта по рисованію... За золотые волосы и кроткій нравъ принцессы, за улучшеніе здоровья Слѣпуши, за общихъ сестричекъ, за далекую усадьбу финки, за неисчерпаемое веселье Живчика и я уже готовилась произнести послѣдній и самый хорошій для меня тостъ за милыхъ нашему сердцу отсутствующихъ, какъ вдругъ... Вотъ такъ выстрѣлъ!

Въ первую минуту мнѣ показалось, что молнія ударила въ крышу или пушка выпалила на чердакѣ. Мои новыя подруги, очевидно, были того-же мнѣнія, такъ какъ лица ихъ стали бѣлѣе бумаги, а двое малютокъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса замертво свалились на сосѣднюю постель. Мы едва успѣли опомниться отъ изумленія и испуга, какъ неожиданно послышались осторожные шаги въ корридорѣ.

— Это m-lle Боргина! Это, Маргарита! — въ ужасѣ въ одинъ голосъ прошептали сестренки и вмигъ чья-то благодѣтельная рука потушила съ волшебной быстротою, могущей развѣ встрѣтиться въ однихъ сказкахъ всѣ наши огарки до одного. Теперь спальня погрузилась въ полную темноту, такъ какъ умышленно, или второпяхъ ненарокомъ былъ погашенъ за компанію съ огаркомъ и самый ночникъ.

«Синня» вошла тихими, чуть слышными шагами и ощупью стала пробираться къ столику гдѣ находилась лампа. Вотъ слабо звякнуло стекло, чиркнула спичка, лампа зажглась и, ужасъ! Нашъ импровизованный столъ съ остатками пиршества и пустыми бутылками отъ лимонада и меда предсталъ передъ изумленными глазами надзирательницы. Съ минуту она молчала, не находя словъ и только дышала такъ порывисто, что я искренно испугалась за ея здоровье. На-

конецъ, давъ улечься первому приступу негодованія, она заговорила:

— Я никакъ не ожидала отъ васъ такой ребяческой выходки, mesdemoiselles. Вы почти взрослыя барышни-гимназистки и позволяете себѣ такія глупыя дѣтскія продѣлки. Неужели-же нельзя было предпринять все это днемъ съ разрѣшенія госпожи Рамовой и моего. Мало того, что вы непозволительно ведете себя, но еще вздумали привлечь въ эту дикую потѣху и маленькихъ. Не хорошо, mesdemoiselles. Очень не хорошо. Я принуждена довести все это до свѣдѣнія госпожи начальницы...

Тутъ она сдѣлала очень строгое лицо и замолчала. И вдругъ, точно только что вспомнила о самомъ главномъ.

— Да, но выстрѣлъ? Откуда выстрѣлъ, mesdemoiselles? Не отрекайтесь. Я знаю, что стрѣляли здѣсь въ спальнѣ.

— Совершенно вѣрно! — выступая впередъ согласилась я.— Стрѣляли здѣсь и, кажется, въ печкѣ.

— Кто могъ стрѣлять въ печкѣ? Что за глупости вы болтаете, Камская. Это... Это...—и «Маргарита», какъ мы называли для разнообразія «Синюю», волнуясь, не могла найти подходящихъ словъ...

Съ поразительной быстротою въ моемъ мозгу промелькнула разгадка.

— Это былъ медъ! Неожиданно вырвалось у меня и я съ быстротою молніи кинулась къ печкѣ, открыла дверцу и... и всѣ мы увидѣли разбитую на части бутылку, съ остатками жидкости въ каждомъ черепкѣ. Теперь было ясно вполнѣ откуда произошелъ выстрѣлъ. Бѣдняга-бутылка позабытая нами долго боролась съ тропической теплотой печи, не выдержала и разорванная на части своимъ-же собственнымъ бродившимъ въ ней содержимымъ, прикончила свою кратковременную жизнь.

Новая нотація со стороны m-lle Боргиной... Мое признаніе виновности во всемъ!.. Затѣмъ продолжительная отповѣдь на тему о добродѣтеляхъ, и мы, мы были великодушно прощены. „Синяя Маргарита“ оказалась много великодушнѣе и добрѣе нежели, я это предполагала. Она обѣ-

щала ни слова не говорить г-жѣ Рамовой ни о пиршествѣ, ни о выстрѣлѣ, ни обо всемъ томъ что произошло въ эту злополучную ночь.

Ура! Это мнѣ нравится... Синяя фурія оказалась очень благородной особой и за это я окончательно мѣняю свое первоначальное мнѣніе о ней. Да, такъ будетъ лучше.

А что скажетъ золотая, читая все это?

Ночное пиршество, медъ въ печкѣ, выстрѣлъ...

— Огонекъ, подумаетъ она,—показываетъ свое умѣнье вспыхивать и разгораться чуть-ли не съ перваго-же дня водворенія въ новую обстановку. Да, но за то мамочка у меня есть кое-что и пріятное сообщить моему дневнику, этимъ задушевнымъ страницамъ: я совершенно отучилась отъ дурной привычки показывать языкъ и дѣлать гримасы, такъ мало соотвѣтствующія моему пятнадцатилѣтнему возрасту. Ура! Ура! Ура.

Однако нужно кончать дневникъ на сегодня. Еще предстоитъ долгая, но весьма пріятная работа — писать письмо золотой. До-свиданья до слѣдующаго раза, милая моя тетрадка.

Ноября 10-го 190...

Ого! Цѣлый мѣсяцъ не писала. Вотъ такъ исторія. Оказывается вести дневникъ далеко не такая легкая задача, какъ это мнѣ казалось прежде. Цѣлый мѣсяцъ не случилось ничего особеннаго, а записывать какіе къ намъ приходятъ учителя и какіе задаютъ намъ уроки, это право же, совсѣмъ не интересно. Вчера, впрочемъ, мнѣ пришла въ голову исключительная мысль. Я буду вести не такой дневникъ, какой ведутъ, обыкновенно всѣ (благонравныя дѣвицы, а совсѣмъ, совсѣмъ особенный дневникъ. Вѣдь надо-же, въ концѣ концовъ, сознаться что и глупый бѣдовый Огонекъ совсѣмъ необыкновенный Огонекъ, стало-быть, и поступать ему слѣдуетъ совсѣмъ не по обыкновенному. И такъ, я рѣшила! вписывать въ эти страницы только исключительно интересные факты изъ моей гимназическо-интернатской жизни. А обыкновенные сѣро и плоско пробѣжавшіе дни пропускать не удостоивая ихъ вниманіемъ. Да, такъ будетъ много лучше.

И „золотая“ не натрудитъ своихъ фіалочекъ глазокъ, когда будетъ читать пеструю чепуху своего глупаго безалабернаго Огонька.

И такъ начинаю. Сегодня есть уже событіе, героиней котораго на бѣду мою выпало быть мнѣ. Былъ урокъ физики. Физикантъ высокій красивый брюнетъ со строгими глазами, котораго обожаетъ добрая половина гимназіи, не терпитъ подсказокъ. И никакъ не можетъ взять въ толкъ, что въ нашей гимназіи (я не знаю, а можетъ быть и въ остальныхъ) подсказываніе уроковъ не знающей ученицѣ считается лучшимъ и вѣрнѣйшимъ проявленіемъ дружбы со стороны ея товарокъ. Сегодня первою была вызвана Усачка. Бѣдняжка, какъ говорится и не нюхала отдѣла устройства безпроволочнаго телеграфа системы доктора Маркони. А я ее какъ нарочно, знаю на зубокъ. Ну, какъ тутъ удержаться, скажите на милость, когда видишь на аршинъ отъ себя конвульсивно подергивающуюся губку съ точно нарочно выведенными на ней кисточкою черными усиками и безпомощно обращенные на учителя глаза, полные слезъ?

Тутъ-то и началось во всю. Я приняла самый непринужденный видъ, придала сонное выраженіе моему взгляду и, прикрывши, словно невзначай, ротъ ладонью, стала подсказывать съ остервенѣніемъ заправскаго театральнаго суфлера урокъ моей сосѣдкѣ. Въ началѣ все шло прекрасно. . Но вдругъ, учитель неожиданно произнесъ громко на весь классъ.

— Госпожа Камская, — произнесъ онъ зловѣще, — умѣрьте ваши восторги.

Мнѣ захотѣлось сдѣлать одну изъ моихъ великолѣпнѣйшихъ гримасъ въ отмѣстку за это, но я вспомнила своевременно, къ счастью, что не пятнадцатилѣтней барышнѣ гимназисткѣ, да еще дочери художника Камскаго впору заниматься такимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, по отношенію къ своему учителю, и я, какъ умѣла, сдержала себя. Пришлось на минуту прекратить «суфлерство». Я замолчала. Замолчала и Усачка. Ахъ, что это была за минута! Бѣдняжка очевидно, отвѣчала урокъ только подъ мою ретивую диктовку. Сейчасъ

она дышала такъ громко отъ волненія, точно везла необычайную тяжесть въ гору. А на лицѣ ея... Всесильный Боже, что было написано на этомъ многострадальномъ лицѣ! Положительно, нельзя было смотрѣть на него безъ боли или воздержаться отъ желанія помочь этой бѣдняжечкѣ! И я помогла. Съ неподражаемымъ искусствомъ я снова просуфлировала немножко Усачкѣ и подъ мою подсказку она отвѣтила уже большую половину урока, какъ неожиданно Николай Николаевичъ Фирсовъ (имя преподавателя) устремляетъ на меня взоръ, полный благороднаго негодованія и говоритъ:

— Госпожа Камская, въ виду вашего исключительнаго дарованія на поприщѣ суфлированія, попрошу васъ выйти на середину класса и присѣсть около каѳедры на нѣсколько минутъ. Здѣсь вамъ не удастся такъ блестяще выражать вашъ удивительный талантъ, я надѣюсь!

Вотъ такъ сюрпризъ! Еще не легче! Я, признаться, ничего подобнаго не могла предвидѣть. Гимназистку предпослѣдняго класса сажаютъ въ видѣ наказанія посреди класса, какъ какого-то малыша изъ младшаго приготовительнаго отдѣленія. Я была красна, какъ помидоръ, но тѣмъ не менѣе, прослѣдовала съ видомъ тріумфатора на указанное мѣсто. Должно быть, съ такимъ-же гордымъ лицомъ шла и несчастная присужденная къ смерти французская королева Марія Антуанета на мѣсто казни, про которую мы узнали на послѣднемъ урокѣ Всеобщей исторіи. Кстати, принцесса уже третій день увѣряетъ меня, что я „до безумія“ (это наше любимое интернатское выраженіе) похожа на ея портретъ.

Это нѣчто совсѣмъ новое! До сихъ поръ по увѣренію золотой я знала, что похожу до чрезвычайности на глупаго маленькаго сурочка, который всюду суетъ свою рожицу, куда надо и не надо, а теперь... Гм! Гм! Гм! Такъ и запишемъ!

— Въ вашемъ лицѣ есть что-то трагическое Ирина,— такъ говоритъ принцесса и я ужасно рада, что есть что-то трагическое въ глупомъ лицѣ сумашедшаго Огонька.

И такъ, я исправно промаршировала на середину класса

и усѣлась на стулѣ съ такимъ видомъ, что весь классъ фыркнулъ отъ смѣха.

Вотъ вамъ и трагическое лицо. И казненная французская королева! Очень хорошо. Въ будущій разъ будемъ благопристойнѣе. Дѣло въ томъ, что послѣ урока я узнала печальную новость. Онъ поставилъ двѣ единицы: одну Усачкѣ за незнаніе урока, другую мнѣ за чрезмѣрное рвеніе въ дѣлѣ подсказыванія. А, каково? Такъ и написалъ сбоку въ журналѣ:—«за чрезмѣрное рвеніе въ дѣлѣ подсказыванія». Удивительно остроумно! И за что только его обожаютъ у насъ! Буду каяться сегодня золотой въ длинномъ предлинномъ письмѣ. Бѣдная моя мамочка, какъ жаль что у тебя состоитъ въ дочкахъ такой глупый, такой невозможно глупый Огонекъ! Если-бы твоей дочерью была принцесса, это было-бы такъ справедливо со стороны госпожи судьбы. Обѣ тихія, кроткія и обѣ золотыя. Вы такъ подходите другъ къ другу, право! Но чуръ! Мою мамочку я никому не отдамъ. Ни-ни. Даже Маринѣ, которую люблю здѣсь больше всѣхъ изо всей гимназіи и интерната!

Мы бесѣдуемъ съ ней по цѣлымъ часамъ; вчера проболтали, напримѣръ, чуть ни всю ночь до разсвѣта. Она разсказывала о себѣ. Она круглая сирота. У нее есть только опекунша, сухая черствая старуха. Опекунша даетъ ей такъ мало денегъ, что ей едва хватаетъ на самое необходимое. Она говоритъ, что по окончаніи гимназіи пойдетъ на педагогическіе курсы. Она, эта кроткая Марина, любитъ дѣтей и хочетъ всю свою жизнь отдать на воспитаніе ихъ. А потомъ она сказала:—А вы навѣрное сдѣлаетесь большой художницей Ира, у васъ такой талантъ!

— Ахъ нѣтъ, вовсе нѣтъ! Я хочу быть докторомъ, какъ Ольга Денисовна. Врачевать недуги людей, помогать имъ, по мѣрѣ силъ и возможности, возстанавливать ихъ подточенное здоровье, ахъ, это такъ прекрасно!

— Но это не помѣшаетъ и заняться живописью—настаиваетъ она.

— Ну, конечно!

— Я рисую портретъ принцессы. Впрочемъ, это не

портретъ, а скорѣе набросокъ, сдѣланный масляными красками и папиной кистью, которыя я привезла сюда изъ нашего уголка. Марина изображена на немъ въ видѣ ангела съ распущенными вдоль спины и груди длинными золотыми волосами. Волосы и крылья удались мнѣ на славу, но лицо... Богъ мой милостивый, сто разъ легче написать всю гимназію съ ея дѣвочками на одной картинѣ, нежели схватить выраженіе Марининаго лица.

Послѣ этой работы, займусь Усачкой. Катишь Милова обѣщала оставаться для этой цѣли на два часа послѣ окончанія уроковъ лишь-бы я только написала ея портретъ. Она—пресмѣшная. Ходитъ за мной, какъ вѣрная собачка, смотритъ мнѣ въ лицо и предупреждаетъ каждое мое желаніе. Это трогательно и смѣшно, но подчасъ надоѣдаетъ не мало.

Если она будетъ продолжать нѣчто подобное, я оставлю ее безъ портрета.

Декабрь 19..

Еще событіе, золотая! Это относится къ тебѣ. Твой Огонекъ на этотъ разъ осрамился, кажется на твою пользу... Но все, все по порядку.

Утро. У насъ въ классѣ русскій языкъ. Преподаватель, словесникъ, Иванъ Ивановичъ Радушинъ, пожилой, почти старый человѣкъ, но способенъ увлекаться своимъ предметомъ какъ мальчикъ. Читаетъ онъ стихи такъ, что и я порой заслушаться готова. А вѣдь я-то ужъ, мое почтеніе!.. Хорошей декламаціей избалована какъ никто. У золотой удивительный талантъ читать стихи и прозу. И у дяди Вити и у Кнутика нашего jeune premier *) и у бабушки Лу-лу тоже. Но то актеры, профессіоналы имъ и книги въ руки, какъ говорится, а Радушинъ вѣдь только учитель и никакихъ уроковъ декламаціи не бралъ. Ну-съ, сидимъ это мы чинъ-чиномъ, ручки коробочкой, какъ настоящія пай дитюши и слушаемъ о томъ, кто такой былъ Державинъ и значеніе

*) Актеръ, исполняющій роли молодыхъ людей.

его одъ. Вдругъ шаги по корридору, и ни одной пары ногъ, а нѣсколькихъ... Точно цѣлое общество разгуливаетъ за дверьми класса. Гимназистки чуть не вытянули шеи отъ любопытства и не свернули себѣ головъ. Разумѣется, про Державина съ его одами и думать позабыли. Иванъ Ивановичъ надрывался отъ усилій вернуть классу его исчезнувшее вниманіе. Не тутъ-то было. Всѣ глаза впились въ дверь. Смутно ожидалось что-то необычайное, изъ ряда вонъ выходящее, что не каждый день происходитъ въ гимназическихъ стѣнахъ.

И вотъ дверь распахивается предупредительными руками корридорнаго сторожа на обѣ половинки и... входитъ Марья Александровна. Василій Дементьевичъ, нашъ инспекторъ, Маргарита въ ея вѣчномъ синемъ платьѣ, и катой-то маленькій, полный старичекъ въ синемъ вицъ-мундирѣ, со звѣздой на груди.

— Почетный гость! Большой государственный дѣятель!— пронеслось по классу шопотомъ, исполненнымъ трепета, точно государственный дѣятель былъ созданъ не такимъ человѣкомъ, какъ всѣ мы.

— Онъ дальній родственникъ г-жи Рамовой, — успѣла мнѣ шепнуть Усачка,—и очень благосклоненъ къ нашему учебному заведенію. Бываетъ довольно часто. Знаете, Ирина, онъ очень, очень добрый человѣкъ!

— У-гу!—соглашаюсь я, кивая головою и менѣе всего заботясь о томъ, добръ или не добръ этотъ симпатичный по виду, въ форменномъ вицъ-миндирѣ, старикъ.

Я равнодушна вполнѣ къ неожиданному появленію начальства. Сегодняшній урокъ знаю, и даже усвоила себѣ кое-что о Державинѣ. такъ что могу „отличиться“, если спросятъ. Что же больше? Пускай спросятъ. Рядомъ со мной до-нельзя волнуется Усачка, всѣми силами стараясь привести въ порядокъ свои кудрявые волосы. Марья Александровна терпѣть не можетъ «лохматыхъ». Позади насъ Маруся Линская, красивая дѣвочка съ глубокими, обведенными синими кругами, вслѣдствіе усиленной долбежки, какъ увѣряютъ гимназистки, глазами, наша первая ученица, уси-

ленно шепчетъ заданное къ сегодняшнему дню стихотвореніе. Навѣрное Радушинъ пожелаетъ блеснуть примѣрными занятіями лучшей ученицы и спросить ее въ первую голову. Такъ и есть.

Едва только успѣло занять предназначенныя имъ мѣста начальство и выжидательными взорами обратиться къ преподавателю, какъ этотъ послѣдній съ любезной улыбкой произнесъ:

— Госпожа Линская, пожалуйте.

Дѣвочка съ глубокими умными глазами, обведенными синевой, смущенно предстала передъ лицомъ почетнаго гостя. Сначала робко, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе зазвучалъ ея отвѣтъ. Говорила она далеко не относящееся къ уроку. Зная прекрасно свою лучшую ученицу, словесникъ не стѣснялся, гонялъ, какъ говорится, Марусю по всему курсу и далъ ей возможность отличиться во всю.

Дѣвочку похвалили. И самъ почетный гость, и инспекторъ, и даже Марья Александровна, обыкновенно скупая на похвалы.

Потомъ вызвали Слѣпушу. Болѣзненный видъ ея, и зеленый зонтикъ, защищающій больные глаза, все это вызывало къ ней невольно жалостное сочувствіе. Она отвѣчала недурно, ее похвалили не меньше Линской и отпустили на мѣсто.

Вдругъ, слышу:

— Госпожа Камская!

Слуга покорный! А я-то ни мало не приготовилась къ отвѣту!

— Госпожа Камская!—слышу я во второй разъ и, поневолѣ, встаю. Встаю, выхожу на средину класса, отвѣшиваю традиціонный реверансъ. Марья Александровна при моемъ приближеніи наклоняется къ почетному гостю и говоритъ ему что-то. Я знаю, что она говоритъ. Что я, Камская, дочь умершаго художника Камскаго. Старый вельможа покачалъ головою. Его брови приподнялись съ выраженіемъ вопроса, и пріятно-удивленно глянули на меня его глаза.

— Вотъ какъ! Неужели?—казалось, говорилъ онъ всей своей особой.

— Госпожа Камская,—произнесъ Радушинъ,—не прочтете-ли вы намъ какое-нибудь стихотвореніе? Право выбора остается за вами.

Я задумалась на минуту. Напрягла память. Неожиданно въ умѣ моемъ промелькнула картина. Литературно-музыкальный вечеръ въ городской ратушѣ, у насъ, въ провинціи, залъ залитый свѣтомъ и мою „золотую", читающую съ эстрады красивое и трогательное стихотвореніе Майкова „Мать", полное неизъяснимыхъ настроеній. Я помню до сихъ поръ всѣ малѣйшія интонаціи маминаго голоса, всѣ мельчайшіе переходы. Скопировать ихъ мнѣ не составитъ никакого труда.

Ну, разумѣется не составитъ. Надо только сдѣлать усиліе надъ собою и во все время декламаціи не выпускать изъ головы любимый, несравненный образъ „золотой", читающей на эстрадѣ. Я такъ и дѣлаю. Я поднимаю глаза къ окну, за которымъ чуть синѣетъ предсмертной осенней синевой небо, и видя передъ собой залъ, эстраду и „золотую" на ней, начинаю стихи:

„Бѣдный мальчикъ,весь въ огнѣ,
„Все ему неловко.
„Лягъ, на плечико ко мнѣ
„Прислонись головкой".

Развертывается картина дѣтской агоніи. Горе матери... Предсмертный лепетъ ребенка и сквозь отчаяніе несчастной, эти сказки, эти пѣсни, которыми мать старается потѣшить свое умирающее дитя.

Ужасная картина! Я помню, когда „золотая" читала эти стихи, въ залѣ многіе плакали. Съ какой-то барыней, потерявшей незадолго до этого сына, сдѣлалось дурно... Ее замертво вынесли на рукахъ...

Бархатный голосъ моей матери, полный захватывающаго чувства, звучалъ въ моихъ ушахъ теперь, неотступно... Какая-то невѣдомая волна подхватила и унесла меня... Дрожь колючими искрами пробѣгала по моему тѣлу. Огромное непонятное и сладкое что-то разросталось въ груди.

Не помню какъ я окончила чтеніе... Не помню какъ замолчала. Съ трудомъ оторвала глаза отъ синяго кусочка неба, виднѣвшагося въ окно, перевела ихъ на лицо Марьи Александровны...

По этому лицу, я ясно это видѣла, текли слезы.

Почетный гость сидѣлъ съ поникнувшей головою и словно въ забывчивости перебиралъ усы. Когда я встрѣтилась съ нимъ взглядомъ, что-то влажное сіяло въ его добрыхъ глазахъ. Онъ улыбнулся мнѣ.

— Прекрасно!—проговорилъ онъ.—У дѣвушки, имѣющей столько чувства, должна быть глубокая, чуткая душа.

— Ахъ, нѣтъ, вырвалось у меня прежде нежели я сама успѣла сообразить то, что хотѣла сказать.—Я просто передала то, что слышала у золотой.

— У золотой? Кто это золотая? — снова приподнимая удивленно брови, спросилъ почетный гость, не обращая вниманія на легкій ропотъ, поднявшійся въ классѣ.

— О, это моя мама!—восторженно вырвалось у меня.—Если-бы вы только слышали какъ она читаетъ! И видѣли-бы вы ея игру! О! Ничего подобнаго вы не видѣли и не могли видѣть за всю вашу жизнь! Я увѣрена въ этомъ.

Ахъ, я кажется опять перехватила черезъ край! Потому что тотчасъ же синяя Маргарита поднялась съ своего мѣста и подойдя ко мнѣ и наклонившись къ моему уху, дѣлая видъ что поправляетъ мнѣ волосы, шепнула:

— Но, m-lle, такъ не говорятъ съ его высокопревосходительствомъ!

Но, почетный гость пришелъ мнѣ на помощь.

— Оставьте дѣвочку, сударыня. Дайте ей высказаться, прошу васъ! произнесъ онъ очень любезно по адресу „синей“. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Ваша мать актриса, не правда ли, m-lle? Гдѣ же она играетъ.

— Мама?

Тутъ ужъ что-то совсѣмъ необычайное стряслось со мною. Я сдѣлала два шага впередъ, облокотилась на пустой стулъ и заговорила. Нѣтъ, положительно, никогда еще я не

говорила такъ складно и хорошо. Право, самый великолѣпный адвокатъ не сумѣлъ-бы такъ блестяще, защитить интересы своего кліента! И при томъ, безо всякой задней мысли, желая только обрисовать какъ можно лучше обаятельную личность и талантъ моей золотой. Я говорила, говорила безъ умолку и о томъ, какъ бьется у себя въ провинціи золотая, на бѣдныхъ маленькихъ сценахъ, и какъ живетъ однимъ только желаніемъ очутиться здѣсь, дебютировать въ образцовомъ театрѣ, съ тѣмъ, чтобы дать мнѣ ея дочери блестящее воспитаніе въ Петербургѣ, въ центрѣ просвѣщенія всей Россіи! Боже мой! Я краснѣю теперь наединѣ съ самой собою, когда припоминаю, какъ подробно разсказывала я все пережитое золотою, всю ея борьбу съ нуждой, съ лишеніями, ради ея сиротки—Огонька. Волна, хлынувшая мнѣ въ душу, продолжала нести меня какъ на крыльяхъ...

Потомъ, когда я замолчала, почетный гость съ одобрительной улыбкой кивнулъ мнѣ головою.

— Вадимъ Камскій умеръ очень рано, и къ сожалѣнію, никакой пенсіи отъ Академіи не получаетъ его вдова! это „онъ“ сказалъ г-жи Рамовой когда я сдѣлавъ мой реверансъ, возвращалась на мѣсто.

— Боже мой, до чего вы смѣлы, Ирина! Такъ разговаривать сь „такимъ“ человѣкомъ!—расширяя свои мышиные глазки, встрѣтила меня Усачка.

— А развѣ я сказала, что-нибудь дурное!

Звонокъ прервалъ начавшуюся бесѣду. Почетный гость всталъ, окинулъ классъ глазами и замѣтя меня за моей партой у окна, направился ко мнѣ быстрыми шагами.

— Я, радуюсь, дитя мое,—проговорилъ онъ останавливаясь передо мною и глядя своими добрыми глазами мнѣ прямо въ глаза,—всякому проявленію глубокаго хорошаго чувства. Теперешняя молодежь не всегда, къ сожалѣнію, относится къ своимъ родителямъ такъ, какъ относитесь къ своей матери—вы. Меня тронуло ваше чувство. Съ моей стороны приложу всѣ старанія, хотя такія дѣла и не относятся къ моему отдѣлу, но я похлопочу за вашу мать и постараюсь предоставить ей возможность получить дебютъ на образцовой сценѣ. Довольны?

(Къ стр. 48).

Довольна-ли я?

Право, я не солгу, если скажу, что хотѣла упасть на колѣни и молить осуществить исполненіе его словъ на дѣлѣ, какъ можно скорѣе.

Хотѣлось крикнуть, что если только все это случится, то я готова быть судомойкой въ его домѣ и няньчить его дѣтей или внуковъ... или... Ахъ, я не знаю, что сталось со мною! Кажется, я не сказала ни слова и не поблагодарила даже его... Едва помню, какъ начальство вышло изъ класса, какъ гимназистки окружили меня, какъ онѣ спорили, восторгались и возмущались. Кто былъ за меня, кто противъ.

— Дерзость неслыханная! Позоръ на всю гимназію! — кричали однѣ.

— Чудесно! Великолѣпно! Огонекъ — наша героиня! — перекрикивали ихъ другія во главѣ съ Усачкой, моей ревностной защитницей и сторонницей всѣхъ моихъ интересовъ.

Вечеромъ, когда мы, покончивъ съ уроками, вошли въ столовую пить чай, отъ Марьи Александровны явилась горничная.

— Барышня Камская, васъ барыня проситъ,—съ очень значительной миной доложила мнѣ быстроглазая и юркая, какъ угорь, Марфуша.

Такія присылки горничной за той или другой гимназисткой, означали, что въ воздухѣ пахнетъ грозою и въ самомъ недалекомъ будущемъ ожидалась большая, судя по степени виновности, «распеканція» со стороны начальства. Не чувствуя за собой никакой вины, я пошла съ легкимъ сердцемъ въ апартаменты моего главнаго начальства.

Боже мой, что за градъ упрековъ, выговоровъ и нотацій посыпался на меня!

— Какъ! Вести себя такимъ образомъ при почетномъ гостѣ, но я съ ума сошла, должно быть, чтобы вступать съ нимъ какъ съ равнымъ въ разговоръ! И что за мѣщанская манера выклянчивать такимъ образомъ помощь для своихъ родныхъ?

И еще много другого, волнуясь и негодуя, говорила мнѣ Марья Александровна. Когда выговоръ кончился, я чувство-

вала себя такъ, точно меня прибили. И притомъ совсѣмъ незаслуженно, да. Оправдываться мнѣ не хотѣлось. Унылая и печальная побрела я въ спальню.

— Что, Огонекъ, досталось вамъ? — освѣдомилась попавшаяся мнѣ навстрѣчу Принцесса.

Я молча кивнула головой.

Тогда Марина взяла меня за обѣ руки и отвела въ уголъ.

— Скажите мнѣ честно, одну голую правду, Ира, какъ передъ Богомъ скажите. Когда «онъ» вошелъ въ классъ, вамъ не пришла въ голову мысль хлопотать за вашу мать?

— Какъ передъ Богомъ, нѣтъ, Марина! Клянусь!

— Не клянитесь! Я вѣрю вамъ, а теперь до свиданія покамѣсть.

— Куда вы, Марина?

— Къ начальницѣ, передать ей то, что только-что слышала отъ васъ.

— Но...

Мое «но» растаяло въ воздухѣ безо всякой цѣли. Она была уже далеко.

Вечеромъ, совсѣмъ неожиданно, передъ самымъ сномъ Марья Александровна пришла въ спальню.

— Камская! — позвала она тѣмъ многозначительнымъ голосомъ, которымъ она говоритъ въ рѣдкихъ случаяхъ съ нами.

И когда я подошла къ ней, она продолжала:

— Я рада, Камская, что не ошиблась въ васъ. Было бы ужасно, если-бы вся сегодняшняя исторія была строго обдумана вами, а не явилась результатомъ горячаго порыва дочеринской любви.

И заглянувъ мнѣ въ глаза, она крѣпко, по родственному, поцѣловала меня въ губы.

Милая Принцесса! Мой очаровательный защитникъ! Это сдѣлали — вы!

До разсвѣта писала «золотой». Настрочила цѣлую дюжину страницъ и притомъ мелко-мелко! Золотая, видишь? Судьба рѣшила повернуть въ нашу сторону. Счастье улыбнулось намъ. Теперь остается только вооружиться терпѣніемъ

и ждать бумаги съ приглашеніемъ для дебюта, а тамъ! Тамъ я увижу «золотую» и снова ярко, ярко разгорится ея бѣдовый, глупый Огонекъ!

Декабрь, 19...

О, какой ужасъ! Ей рѣшено сдѣлать операцію. Если операціи не будетъ, она потеряетъ зрѣніе совсѣмъ. Совсѣмъ! При благополучномъ же исходѣ операціи, она будетъ совсѣмъ здорова. Ея больные глаза поправятся и не будетъ даже необходимости носить очки и зеленый зонтикъ. Но эта операція...

Бѣдная Слѣпуша! Бѣдная! Бѣдная! Мы узнали обо всемъ этомъ передъ урокомъ анатоміи, и немудрено, что докторъ Княжинъ, читающій намъ этотъ предметъ, не могъ за весь часъ добиться ни отъ одной изъ насъ порядочнаго отвѣта.

«Экстерки» и мы точно ошалѣли. Еще бы, это явилось такой неожиданностью для насъ всѣхъ.

Третьяго дня еще мы читали всѣ вмѣстѣ «Дворянское гнѣздо», и Слѣпуша восторгалась имъ вмѣстѣ съ нами, а вчера пріѣхавшій для нея спеціально окулистъ сообщилъ начальницѣ, что если не сдѣлать операцію немедленно, Раиса Фонарева ослѣпнетъ.

Остается только удивляться энергіи нашей Марьи Александровны. Родители Слѣпуши живутъ въ Сибири и пока напишутъ туда и получатъ отвѣтъ, пройдетъ столько времени, что глаза Слѣпуши за это время закроются на-вѣки. И вотъ, Марья Александровна рѣшаетъ взять отвѣтственность за это дѣло на себя. И изъ своихъ суммъ заплатитъ за операцію хирургамъ. И сама будетъ вмѣстѣ съ приглашенной сестрой милосердія ухаживать за больной.

Она ни за что не согласилась отпустить въ больницу Раису и отдала всю свою квартиру «подъ лазаретъ». Все это мы узнали отъ «синей» Маргариты частью, частью отъ доктора Княжина, который долженъ былъ присутствовать при операціи.

Бѣдная Слѣпуша!

Только теперь, со вчерашняго утра, когда Марѳуша

пришла отъ имени Марьи Александровны звать Слѣпушу въ квартиру начальницы и знавшая о предстоящихъ ей мученіяхъ дѣвочка, простилась съ нами, только теперь мы поняли, какъ эта тихая, слабенькая, со всѣми деликатная Слѣпуша была необходима намъ всѣмъ.

Интернатки не спали всю ночь, разговаривая о ней, о степени предстоящихъ ей мукъ во время операціи, о томъ, какъ перенесетъ ихъ бѣдняжка. Утромъ, за первымъ же урокомъ подѣлились печальной новостью съ «экстерками» и весь классъ пришелъ въ неописуемое смятеніе.

Но самое главное предстояло еще впереди. Надо было подготовить «малютокъ». Малютки Ада и Казя боготворили Слѣпушу и не могли прожить дня безъ нея. Имъ надо было объяснить, во что-бы то ни стало, куда дѣлась Раиса, не видя которой онѣ уже успѣли выплакать всѣ глазенки, и сказать имъ, что Раечкѣ нуженъ покой и тишина. Это на случай, если-бы онѣ задали ревъ во время рокового часа.

Докторъ Княжинъ кончилъ свой урокъ значительно раньше обыкновеннаго. Лишь только онъ вышелъ изъ класса, на каѳедру вбѣжала Маруся Линская.

Поблескивая своими свѣтлыми глазами, глубоко запавшими въ темныхъ кругахъ орбитъ, дѣвочка обратилась съ рѣчью ко всему классу:

— Господа! это ужасно, то что я узнала. Дѣло въ томъ, что операціи глазъ нельзя дѣлать подъ хлороформомъ. Сталобыть несчастной Слѣпушѣ будетъ мучительно больно. Бѣдняжка выстрадаетъ не мало, прежде нежели получитъ здоровые глаза, а потому я предлагаю сдѣлать что-нибудь такое, что-бы она видѣла, какъ мы сочувствуемъ ей всѣ... Какъ мы ее любимъ. Господа! Пусть каждая дастъ кто сколько можетъ на подарокъ Слѣпушѣ. Я знаю, она давно жаждетъ имѣть собраніе сочиненій Тургенева... Согласны пріобрѣсти его въ складчину для нея?

— Согласны! Согласны! и спрашивать нечего, конечно согласны!—раздалось со всѣхъ концовъ класса.

— У меня нѣтъ карманныхъ денегъ,—печально отоз-

*

вался Живчикъ,—посылать письмо—просить у мамы, долго! Вотъ! Продайте это пожалуйста, а выручку въ общую сумму!

И чуть-чуть краснѣя, Сушкова сняла съ пальца изящное бирюзовое колечко и положила на каѳедру передъ Линской.

— А вотъ отъ меня!

— И отъ меня!

Руки лѣзли въ карманы, раскрывали кошельки, выкладывали содержимое въ нихъ на столъ каѳедры передъ Марусей.

И мои два золотые попали туда-же. Когда сборъ въ пользу Слѣпушинаго «сюрприза» подходилъ къ концу, вышла Юлія Владиміровна и кратко сообщила.

— Господа, вы можете расходиться по домамъ. Сегодня уроковъ не будетъ больше. Вслѣдствіе предстоящей одной изъ вашихъ подругъ операціи, въ гимназіи должна быть соблюдаема полная, абсолютная тишина.

Нечего и говорить, что экстерки разошлись на этотъ разъ безъ обычныхъ возгласовъ и шума. Насъ повели въ залу, какъ въ самый отдаленный пунктъ отъ квартиры начальницы, превращенный въ хирургическую палату и въ лазаретъ. Тамъ уже ждали пришедшія получасомъ раньше малютки.

— Ира-Огонекъ, Ира-Огонекъ!—бросились онѣ ко мнѣ,—правда, что нашей Раечкѣ будутъ сейчасъ глаза рѣзать?

— Ахъ, какой вздоръ говорите вы, глупыя мышки!—дѣланнымъ смѣхомъ расхохоталась я,—или вы не знаете что ваша Раечка преспокойно отдыхаетъ въ спальнѣ Маріи Александровны.

И я чмокнула поочереди обѣ эти взволнованныя рожицы съ испугомъ поднятыя на меня.

— Глупенькія мартышки! Вамъ нечего бояться, Раечка ваша вернется къ вамъ.

— Ира-Огонекъ, вы говорите правду?

— Какъ то, что меня зовутъ Огонькомъ, который можетъ сгорѣть до тла, если вы не успокоитесь сію же минуту. Смотрите-ка сюда. Видѣли вы когда-нибудь молящуюся монашку?

— Ахъ, покажите, покажите ее намъ!

Разумѣется, я не могла имъ отказать. Особенно очаровательной Казѣ. У этой малютки, положительно есть какая-то притягательная сила въ ея крошечномъ существѣ. По крайней мѣрѣ, когда она поднимаетъ свои огромные черные какъ сливы бархатные глаза, Богъ знаетъ чего ей только не наобѣщаешь!

И я занялась очень добросовѣстно моими дѣвочками. Я показывала имъ на тѣни посредствомъ сложенныхъ пальцевъ молящуюся монахиню, зайца, пѣтуха и пр. Потомъ дала имъ по кусочку бумаги и карандашу, прося ихъ написать какое-нибудь слово, и увѣряя, что напишу тоже самое.

Дѣвочки, не вѣрили, спорили, горячились.

— Это невозможно, это невозможно, Ира-Огонекъ. Вы морочите насъ!—смѣялись онѣ, но все-таки написали каждая по одному слову.

— А теперь, читайте!—скомандовала я.

— Ха, ха, ха! И что же?

— У меня тоже самое·

— Нѣтъ! Нѣтъ! Мы съ Адочкой написали «Раиса»!

— Тоже самое написала я!—и торжествуя заранѣе я протянула листокъ.

На четвертушкѣ почтовой бумаги было написано дѣйствительно два слова: «тоже самое». Онѣ хохотали до слезъ и прыгали вокругъ меня какъ маленькіе козлята. Мое сердце прыгало тоже. Но далеко не радостными прыжками на этотъ разъ. Я знала что роковая минута приближалась. Операція назначена въ 11. Часовая стрѣлка подходитъ къ ужасной цифрѣ. Принцесса и Живчикъ ходятъ по залѣ. У обѣихъ лица бѣлѣе полотна. Сестрички Кобзевы обнявшись притулились въ темномъ уголку. Ирма Ярви спокойно повидимому вяжетъ свое безконечное кружево изъ грубыхъ суровыхъ нитокъ, но нѣтъ-нѣтъ и сведутся въ одну прямую линію надъ переносицей ея бѣлобрысыя брови.

— Ужъ скорѣе-бы, скорѣе!—неосторожно срывается съ губъ Живчика.

Что скорѣе! Что скорѣе, Анюточка?—прицѣпляются къ

ней наши малютки, а глазенки ихъ начинаютъ безпокойно поблескивать и все оживленіе мгновенно покидаетъ прелестныя мордашки.

— Ничего ничего, мои куколки,—поправляется Аня. Потомъ молчитъ немного и вдругъ голосомъ волка изъ «Красной Шапочки» баситъ на весь залъ.

— А не хотите-ли вы, чтобы я васъ свела съ ума?

Но малютки знаютъ эту штуку. Стоитъ только взять большой листъ бумаги написать на немъ крупными цифрами «умъ» поставить ихъ на листъ обѣихъ, а потомъ свести съ листа и... все. Далеко не такъ ужъ остроумно, какъ предполагается тѣми, кто незнакомъ съ подобнымъ фокусомъ. Нѣтъ, за то противъ игры въ палочку-воровочку онѣ не имѣютъ ничего. Я сдаю ихъ на руки Живчика и выхожу изъ зала.

На половинѣ начальницы слышна какая-то подозрительная суетня... Неумолкаемые голоса... Говоръ... шаги многихъ чужихъ людей... Я бросаю взглядъ на часы. Безъ пяти одиннадцать. Скоро... Скоро... Бѣдная Слѣпуша! Одна, безъ родныхъ среди чужихъ людей... И эти ужасныя страданія! Правда Марія Александровна дала слово ни на секунду не отходить отъ дѣвочки.

Но вѣдь это не мать, все-же! Не родная мать! Хотя... Мои мысли прыгаютъ и скачутъ. Я думаю о томъ, какъ великодушна наша начальница, если рѣшилась на свой счетъ поправить, исцѣлить больную воспитанницу, зная что у родителей Слѣпуши, далекихъ провинціаловъ сибиряковъ врядъ-ли хватило-бы средствъ на такую сложную дорогую операцію. Говорятъ ее будетъ дѣлать лучшій окулистъ въ Россіи.

Добрая, хорошая, славная Марія Александровна! Вѣдь она очень не богата сама и живетъ, исключительно, своей гимназіей... А это совсѣмъ не такъ много, если принять въ соображеніе плату учителямъ, за помѣщеніе, служащимъ и прочее и прочее и прочее...

Я такъ углубилась въ свои мысли, что и не замѣтила какъ роковая стрѣлка на моихъ маленькихъ часикахъ подползла къ половинѣ двѣнадцатаго.

Изъ квартиры начальницы не доносилось теперь ни звука. Очевидно, всѣ сосредоточились вокругъ операціоннаго стола.

— Бѣдная Слѣ...

— О-о-о-о!

Ни то вой, ни то стонъ, громкій мучительный и неистовый пронесся по всему зданію гимназіи и интерната.

Я почувствовала, какъ волосы зашевелились у меня на головѣ и капли пота выступили на лбу...

Не могу дать себѣ отчета, какъ я вылетѣла затѣмъ изъ корридора и очутилась въ классѣ, упала на ближайшую скамейку и замерла безъ чувствъ, безъ мыслей, безъ думъ. Не помню такъ же, сколько времени я такъ пролежала, а когда очнулась и хоть нѣсколько пришла въ себя передо мною стояла Принцесса.

— Надо молиться, а не плакать, Ирина!—произнесла она твердымъ, строгимъ голосомъ, какого я еще не слышала у нея и ея сѣрые, обычно мягкіе кроткіе глаза, теперь смотрѣли суровымъ повелительнымъ взоромъ.

— Будемъ молиться за нее!

Я повиновалась безпрекословно и вмѣстѣ съ нею опустилась на колѣни передъ иконой Божіей Матери висѣвшей въ углу. Я такъ искренно, такъ горячо молилась въ это утро, умоляя Бога помочь несчастной Слѣпушѣ, поддержать духъ и силы юной страдалицы, какъ врядъ-ли молилась когда-нибудь.

Сколько времени простояли мы такъ съ Мариной на колѣняхъ, я право не помню. Минуты бѣжали незамѣтно. Знаю, что только появленіе «синей» Маргариты заставило насъ очнуться, оторваться и вернуться къ дѣйствительности, Принцессу и меня.

— Ну, что? Какъ Раиса?

— Благодарите Бога, дѣти! Операція сошла прекрасно. Больные глаза Фонаревой теперь спасены отъ слѣпоты!—и слѣдомъ за этими словами, сказанными дрожащимъ голосомъ, слезы хлынули фонтаномъ изъ глазъ нашей обычно холодной, замкнутой, «деревянной» какъ мы ее считали

надзирательницы и ея трепетныя губы сложились въ счастливую улыбку.

Такъ вотъ она какая!

Глупый горячій Огонекъ не нашелъ ничего умнѣе, какъ кинуться ей на шею и расцѣловать ее такъ крѣпко и добросовѣстно, какъ умѣетъ, кажется, цѣловать одинъ только Огонекъ! А она ни чуточки не удивилась даже и сама меня поцѣловала! Вотъ вамъ и синяя фурія! А я то, негодная! О, какъ бываетъ обманчива порою внѣшность людей! Никогда не слѣдуетъ поэтому судить по ней, милостивые государи и государыни! Ни-ни! Честное слово!

Декабрь, 19...

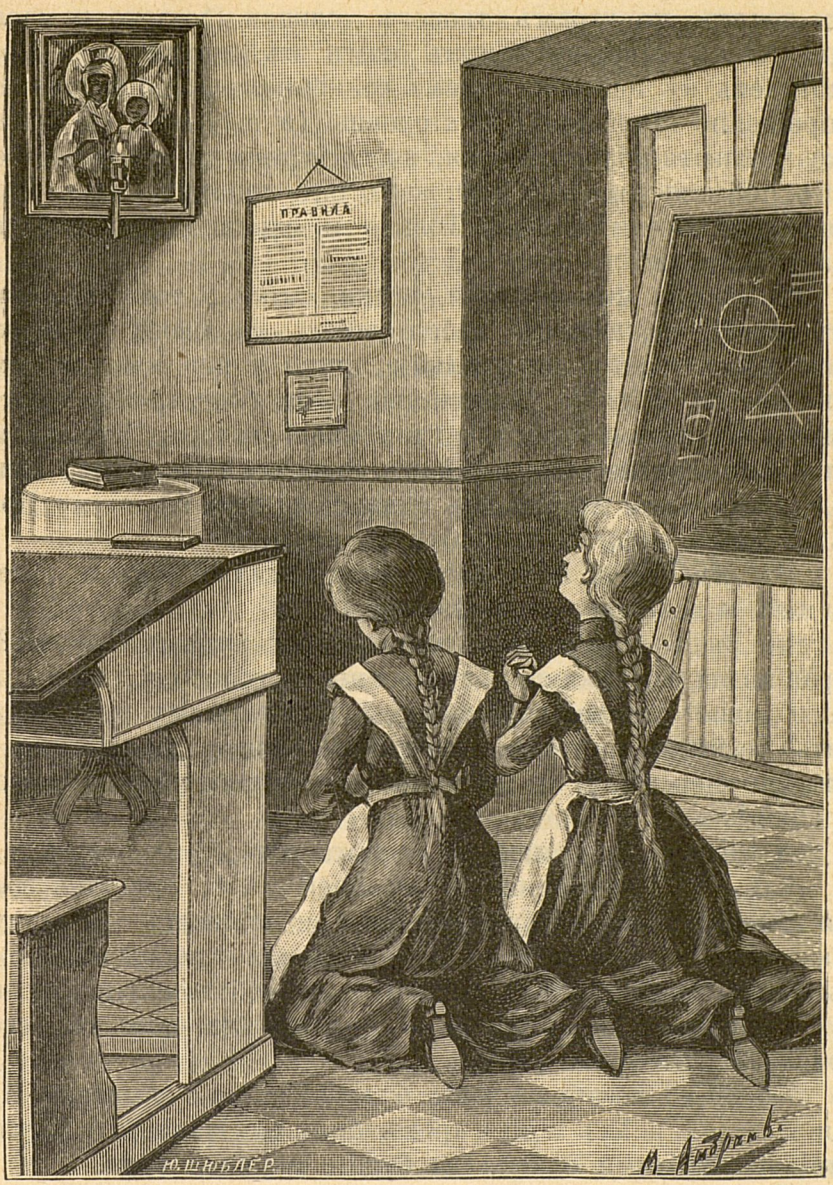
У насъ въ интернатѣ полная тишина. Экстерки всѣ отпущены на Рождественскіе каникулы. Наша Слѣпуша, нѣтъ, такъ какъ она уже не Слѣпуша больше, а Рая Фонарева должна пробыть цѣлый мѣсяцъ въ темной комнатѣ, чтобы ея возстановленное зрѣніе вполнѣ окрѣпло. Говорятъ, Марія Александровна не отходитъ отъ нея ни на минуту и добровольно такимъ образомъ обрекала себя на заключеніе въ темной комнатѣ, она, здоровая женщина! Вотъ это—жертва! И мы всѣ преклоняемся невольно передъ величіемъ ея души.

Моя «Принцесса» закончена. Картина готова вполнѣ. Маргарита Викторовна совѣтуетъ показать ее Андрею Павловичу Мартынову. Что-то онъ скажетъ!

За первое полугодіе, или вѣрнѣе за двѣ первыя четверти намъ выставили отмѣтки. Въ среднемъ у меня 4.

Для такой непосѣды, горячаго Огонька, это ни такъ ужъ, чтобы очень, очень дурно. Маруся Линская первая ученица снова, Принцесса вторая, Гремушина третья, Ирма Ярви четвертая и пятая я—ваша покорная слуга. Впрочемъ, Ирма Ярви учится лучше всѣхъ и навѣрное была бы первая, у нея круглое 5, кромѣ русскаго, но по-русски бѣдная финка предпочла схватить пару. Такую маленькую, глупую уточку въ клѣткѣ!

По-русски она говоритъ такъ, какъ молочницы-чухонки,



(Стр. 55).

что носятъ по утрамъ творогъ, сливки, молоко и масло. Одна такая приходитъ и къ намъ въ интернатъ и Ирма выбѣгаетъ къ ней рано утромъ въ ночномъ капотѣ, вопреки запрещенію Маргариты Викторовны (я не могу ее теперь уже называть иначе Золотая, когда будетъ читать мой дневникъ, пойметъ причину). О, какъ онѣ лопочутъ! Вотъ такъ концертъ! Мое почтеніе! Только и слышно впродолженіе цѣлаго получаса:

— Нитки, питки, витки, ритки, ситки и тому подобныя штучки. Когда, вдоволь наболтавшись со своей торговкой Ирма возвращается въ спальню, лицо у нея какъ у именинницы, а обычно водянистые безъ блеска, бѣлесоватые глаза горятъ, какъ фонари въ темный вечеръ. Ужасно хочется мнѣ нарисовать ихъ обѣихъ, торговку въ ея бѣлой кичкѣ подъ головнымъ платочкомъ и великолѣпную толстуху Ирму въ ночномъ капотѣ. То-то будетъ картина!

Въ день когда насъ распускали, Усачка повисла у меня на шеѣ и едва не задушила меня.

— Вы будете помнить меня эти двѣ недѣли, Огонекъ?— спрашивала она такимъ таинственнымъ голосомъ, точно отъ этого зависѣло вращеніе міровой планеты. Мудрено ее забыть! Она мнѣ надоѣла порядкомъ своими поцѣлуями въ каждую перемѣну и постоянными спряженіями глагола „люблю“.

А между тѣмъ, любовь выражается не на словахъ, а на дѣлѣ. Такъ постоянно, по крайней мѣрѣ, говоритъ золотая. Тогда, какъ любовь Усачки, не мѣшаетъ ей ничуть „скатывать“ съ меня классныя сочиненія и передавать подъ нѣсколько измѣненнымъ соусомъ мои собственныя мысли.

Впрочемъ, на этотъ разъ она хотѣла доказать свою привязанность и на дѣлѣ.

— 29-го декабря у насъ будетъ балъ въ гимназіи, Ира, и я заставлю всѣхъ моихъ трехъ братьевъ танцовать исключительно съ вами одной. Вы будете царицей бала.

Посмотримъ!

Въ тотъ же день поздно вечеромъ она тебя принесла!..

Она... то есть Принцесса, принесла, тебя, драгоцѣнное мое, давно жданное, милое, милое, письмецо.

Письмецо отъ моей золотой!

Отъ золотой!

Я, кажется, помѣшалась отъ счастья. Она не писала мнѣ долго (полторы недѣли), у нее болѣла рука. Диктовать же свои мысли и чувства кому-либо она не хотѣла. О, золотая, узнаю ее! Мнѣ прежде всего здорово попало отъ нея! За то, что я была слишкомъ не умѣстно откровенна. Не слѣдовало почетному посѣтителю разсказывать всего. Она, золотая, не признаетъ окольныхъ путей и не желаетъ никакихъ протекцій, даже... собственной дочки. И все же чудное, милое письмецо! Полное любви, нѣжности и тревоги, тревоги! Я прочла его ровно двадцать разъ, выучила наизусть и всю ночь мучила Принцессу разсказами о моей мамѣ.

Декабрь, 19...

Сегодня балъ. Балъ и елка. Но, все по порядку, по порядку, не изволь увлекаться и пылать черезъ мѣру, глупый Огонекъ! Украшали мы елку сами. Вышло божественно. Намъ помогалъ инспекторъ, Маргарита Викторовна и Юлія Владиміровна, пришедшая съ утра въ гимназію для этой цѣли. Съ того дня, какъ распустили экстерокъ, ей здѣсь нечего дѣлать. У насъ вѣдь есть своя надзирательница въ интернатѣ.

Нѣкоторыя изъ экстерокъ прибѣжали тоже. Усачка въ ихъ числѣ.

— Вотъ вамъ отъ меня, Ирина!—произнесла она таинственно, отведя меня за елку.

— Что это?

— Сердце! Мое сердце! — и она сунула мнѣ въ руки хорошенькое сердечко изъ малиноваго леденца.

Не долго думая, какъ истая сладкоѣшка, я сунула его въ ротъ. Превкусное сердечко!

— Боже мой! Вы съѣли мое сердце! Ахъ Ирина! Ирина! съ искреннимъ ужасомъ завопила Усачка.

— А что? Развѣ нельзя этого? Ну, въ такомъ случаѣ... Хотите, я выплюну его? Хотите!

— О нѣтъ, нѣтъ, только не это! Сохрани Боже!

И она завздыхала такъ, какъ можетъ вздыхать развѣ одинъ только паровозъ. Странная дѣвочка! Почему-бы ей не удовольствоваться простой дружбой. Нѣтъ, какая-то глупая бѣготня!.. Обожаніе, символическое поднесеніе сердецъ! Все это очень смѣшно и глупо!

Уходя послѣ этого, какъ была украшена елка, Катишь опять подошла ко мнѣ и шепнула.

— Я не сержусь на васъ Ирина за то, что вы съѣли мое сердце, хотя мнѣ было-бы во сто разъ пріятнѣе, если-бы вы спрятали его на память обо мнѣ. Но... но все-таки я помню мое обѣщаніе... Мои братья будутъ танцовать на балу только съ вами. Исключительно съ вами.

Передъ обѣдомъ мы всѣ по очереди побывали у Слѣпуши. Когда я вошла въ темную, какъ могила комнату, мнѣ, признаться, стало что-то не по себѣ.

— Сюда, Ирина, здѣсь ваша подруга!—услышала я голосъ Маріи Александровны. Я протянула руки и встрѣтила тоненькіе пальчики Раисы. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я быстро наклонилась и поднесла эти цыплячьи (такъ худы они были) лапки къ моимъ горячимъ губамъ. И въ горлѣ у меня что-то защекотало, защекотало...

Тронутая такимъ порывомъ, больная заплакала въ темнотѣ.

— Слезы! Боже сохрани! Нельзя этого! Нельзя дитя мое, Раиса!—услышала я снова встревоженный голосъ. Потомъ мягкая рука госпожи Рамовой легла мнѣ на плечо и ласковымъ, но настойчивымъ движеніемъ выпроводила меня за дверь.

— Нѣтъ вы слишкомъ горячій, Огонекъ, вамъ нельзя появляться здѣсь до полнаго выздоровленія Раисы,—шепнулъ мнѣ на ухо тотъ же приглушенный голосъ.

Какъ, и сама начальница, значитъ, успѣла узнать мое прозвище?

Дѣлать нечего! Пришлось уйти.

А вечеромъ зажигали елку и мы танцовали. Былъ приглашенъ худой, какъ спичка, таперъ съ длинными волосами, который, какъ сѣлъ на свой круглый табуретъ у рояля,

такъ и не вставалъ съ него весь вечеръ, то и дѣло мѣняя вальсы на шаконъ, на миньонъ, венгерки, pas d'Expagne и прочіе модные, салонные выкрутасы.

Я танцую изъ рукъ вонъ плохо и поэтому предпочла умѣститься за роялемъ и, глядя на ловко порхающіе пальцы музыканта, вспоминать, какъ чудесно играетъ дядя Витя нашъ лучшій трагическій актеръ.

Вдругъ, о ужасъ!

Передо мной, какъ изъ подъ земли, выросла Усачка, окруженная тремя молодыми людьми: однимъ юнкеромъ, и двумя кадетами. И всѣ трое были на одно лицо, вотъ что потѣшно! Всѣ трое толстые, красивые, упитанные на славу. Глаза Катишь сіяли отъ удовольствія, когда она громко чуть не на всю залу проговорила:

— Вотъ мои братья, Ирина! Старшій Жоржъ, средній Максъ и младшій Никсъ. Потомъ повернулась къ этой достопримѣчательной тройкѣ и строго-на-строго приказала:—Мальчики! вы будете не жалѣя ногъ танцовать весь вечеръ съ одною m-lle Ириной только или... или я вамъ больше не сестра!

Должно быть «тройка» питаетъ исключительное уваженіе къ сестрѣ (что встрѣчается, на сколько мнѣ извѣстно, довольно рѣдко у подростающихъ юношей—братьевъ), потому что, къ ужасу моему, я не присѣла за этотъ вечеръ. Ахъ, какъ я устала! Я готова была провалиться сквозь паркетъ, или просить пощады. Но «они» все меня кружили, кружили... безъ передышки. Такъ кружитъ вѣтеръ крылья мельницы или бѣлка свое колесо.

Уфъ! Къ тому же мое бѣлое платье, изъ котораго я успѣла вырости съ осени, было тѣсно и жало подмышкой, а ботинки? Милліонъ терзаній! И къ чему было покупать такія ботинки, которыя были на два номера меньшн моей собственной ноги!

Пока я танцовала это не было такъ больно, но когда во время кадрили мой кавалеръ, посадилъ меня на стулъ я почувствовала адскую муку. Рѣшительно не могла понять,

который изъ нихъ Никсъ, Максъ или Жоржъ... Такая глупая у меня память на лица.

— Катишь права, m-lle, находя васъ похожей на Марію Антуанету... Дѣйствительно, есть что-то трагическое въ вашемъ лицѣ, — услышала я любезное обращеніе моего кавалера.

Трагическое! а? Марія Антуанета! а?

Хорошо ему это говорить... Еслибы онъ только зналъ! Завтра у меня будетъ столько же мозолей сколько пальцевъ на ногахъ. Но надо было что-нибудь отвѣтить этому упитанному поросенку и собравшись съ духомъ я начинаю:

— Неправда-ли какъ красивы эти огоньки! и указываю на залитую свѣчами елку.

— Я знаю одинъ Огонекъ, который во сто разъ красивѣе! говоритъ мой толстякъ и улыбается во весь ротъ, огромный какъ у волка.

— Какъ, и вы тоже знакомы съ моимъ прозвищемъ? Благодарю васъ, monsieur Жоржъ.

— Увы! Я не Жоржъ, а Максъ! вздыхаетъ онъ такъ тяжело, точно у него тоже какъ и у меня слишкомъ узкая обувь.

Ахъ, еслибъ онъ замолчалъ! Рѣшительно, не знаешь что отвѣчать даже, когда такъ нестерпимо ноютъ сапоги, то есть ноги, хотѣла я написать.

И опять это круженіе, снова... Терпѣть не могу танцевъ. Счастливица Принцесса, какъ она легко и граціозно держится на балу... И какая красавица! Этотъ золотой вѣнчикъ изъ косъ, какъ прелестно идетъ къ ея тонкому личику, а ея бѣлое платье сидитъ, точно вылитое на ней!

Какъ она должна быть горда Принцесса: танцуетъ съ физикантомъ Николаемъ Николаевичемъ Фирсовымъ, который пользуется, здѣсь, въ гимназіи, репутаціей самого интереснаго человѣка. Но она не чуть не важничаетъ Марина, напротивъ, иногда ея глаза испуганно смотрятъ въ мои.

— Что вы, Принцесса?—тихонько освѣдомляюсь я когда, мы дамы, дѣлаемъ «chaine» въ послѣдней фигурѣ.

— Ахъ, это такая пытка, Огонекъ, танцовать съ учи-

телемъ. Такая пытка!—говоритъ она печальнымъ голосомъ.—Того и гляди, онъ начнетъ спрашивать о безпроволочномъ телеграфѣ или про динамо-машину изъ прошлогдняго курса, а я ничего не помню, ни-ни! И потомъ: я посадила себѣ пятно на буффѣ, когда ѣла апельсинъ, что незамѣтно?

— Нѣтъ! Нѣтъ!

— Незамѣтно оттого только, что я держу руку все время такъ, чтобы прикрыть пятно. Огромное пятно, величиною въ цѣлый рубль,—убитымъ тономъ заключаетъ она.

Я успокоила ее какъ могла и пошла къ моему кавалеру. И мы опять запрыгали и закружились съ убійственной быстротой.

Балъ кончился въ три часа ночи.

Я не пришла, а едва ли не на четверинкахъ вползла въ спальню. Принцесса помогла мнѣ раздѣться и посовѣтовала поставить мои красныя точно кипяткомъ ошпаренныя ноги въ тазъ съ холодной водой. Я такъ и сдѣлала. Ахъ, какъ это божественно освѣжаетъ!

Наши еще не спятъ. Только малютки похрапываютъ въ ихъ спаленкѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Бѣдняжкамъ не разрѣшили побывать на балу. За то я, Принцесса и Живчикъ опустошили чуть-ли не весь буфетъ въ ихъ пользу и цѣлая горка лакомствъ возвышается на каждомъ ночномъ столикѣ у ихъ постелей.

Я пользуюсь тѣмъ, что ноги мои утихли, беру перо, походную чернильницу и описываю, слѣдомъ за этими страницами, сегодняшній балъ, моей золотой.

Январь, 190...

Тра-ля-ля-ля!

Я готова кружиться вальсомъ, хотя не терплю вальса...

Я готова вертѣться колесомъ по комнатѣ...

Я готова проглотить цѣлую ложку горчицы, перца. или касторовго масла.

Я готова выучить наизусть цѣлую страницу нѣмецкихъ стиховъ.

И еще готова вымыть полъ до чиста во всѣхъ комнатахъ интерната.

Я готова...

О нѣтъ на свѣтѣ такого дѣла, самого скучнаго и непріятнаго, котораго я бы не исполнила теперь.

Тра ля-ля ля! Если есть на свѣтѣ очень счастливые люди, то могу себя смѣло причислить къ нимъ.

Письмо отъ золотой. И еще какое!

«Онъ» сдержалъ слово! «Онъ» кому-то что-то сказалъ и... и... въ результатѣ золотая получила приглашеніе пріѣхать сюда, въ Петербургъ, великимъ постомъ для дебюта.

Ура! Ура! Ура! Я увижу ее черезъ два мѣсяца не позднѣе! Увижу мою золотую. Не кого-нибудь, а самое ее... сокровище мое, сердечко мое, душу мою—мамочку.

Когда я читала письмо я вся дрожала. Потомъ когда кончила, велѣла Живчику и Финкѣ держать меня крѣпко крѣпко, чтобы я не вышибла лбомъ рамы и не выскочила изъ окна!

Сегодня напишу длинное предлинное письмо золотой, всю мою радостную душу въ немъ вылью...

Январь, 190...

Сегодня опять событіе. И не одно, а цѣлыхъ четыре.

Во первыхъ Раиса Фонарева впервые присутствовала въ классѣ. Было странно видѣть ее безъ очковъ и безъ ея зеленаго зонтика, сидящей среди насъ съ ея милой остренькой мордочкой лисички. А она премиленькая. И очки, и зонтикъ безобразили ее. Надо было видѣть съ какой трогательной заботливостью отнеслись къ ней наши педагоги. Ее распрашивали о состояніи здоровья, о томъ какъ она теперь видитъ, не трудно-ли ей читать по книгѣ и то, что написано на доскѣ. Можетъ быть, ей перемѣнить мѣсто, сѣсть на скамью, гдѣ нѣтъ солнца и все въ этомъ родѣ.

А мы, гимназистки сдѣлали ей цѣлую овацію.

Послѣ утреннихъ уроковъ въ большую перемѣну рѣшено было поднести ей Тургенева, предварительно, сказавъ рѣчь. Говорить рѣчь должна была я. Почему я, а никто-нибудь другая, я и до сихъ поръ хорошенько не понимаю.

(Стр. 66).

Кажется, оттого, что я хорошо читаю стихи. Но вѣдь стихи и рѣчь это разница не малая... Я пробовала доказать имъ это, но они и слушать не захотѣли.

— Вы, вы должны держать рѣчь и никто другой. Кричали онѣ такъ громко, что сторожъ прибѣжалъ въ классъ узнать не забралась-ли сюда бѣшенная собака.

Нечего дѣлать, я должна была покориться. Припомнилось, какъ мы чествовали дядю Витю въ двадцатилѣтіе его артистической дѣятельности и какія рѣчи тогда произносились.

И рѣшила дѣйствовать въ этомъ родѣ.

— Дорогой товарищъ!—начала я, держа Тургенева, всѣ его золочено-алые томы у груди, обхвативъ ихъ весьма неуклюже руками и упираясь изо всѣхъ силъ въ верхнюю книгу подбородкомъ.

— Дорогой товарищъ! Мы... мы... — тутъ голосъ мой предательски дрогнулъ. Выплыла точно на яву недавняя картина. Тоненькіе пальчики... темная комната... слезы.,.

И еще другая, страшная: я въ корридорѣ одна и этотъ страшный вой—стонъ, пронесшійся по гимназіи ..

Воображеніе подсказало больше: операціонный столъ и на немъ блѣдную, окровавленную Раису.

Опять вспыхнуло во мнѣ пламя... Опять я потеряла голову... Томы алыхъ съ золотымъ обрѣзомъ книгъ тяжело рухнули на полъ... Мои руки получили свободу. Этими руками я обняла худенькую, затрепетавшую фигурку Раисы и прокричала, да, именно прокричала (я задохлась-бы, если-бы сказала это тихо) громко, изъ самыхъ нѣдръ души:

— Какія тамъ еще рѣчи... Мы тебя любимъ милая, наша... родная... и... и что ты здорова и видишь хорошо, рады этому безумно, всѣ, всѣ!

Не знаю что такого нашли онѣ въ этихъ словахъ, но онѣ заревѣли всѣ. Всѣ до единой, считая и Раису.

Ревѣли и смѣялись въ одно и тоже время, а Принцесса та, прямо захлебнулась отъ слезъ. Потомъ, когда успокоилась немного, подошла ко мнѣ и сказала:

— Нѣтъ, вы невозможный! Совсѣмъ таки невозможный

Огонекъ. Но дай вамъ Богъ оставаться такимъ невозможнымъ Огонькомъ всю вашу жизнь, всю жизнь!

Потомъ мы всѣ перецѣловали милую Слѣпушу, растроганную, нашей общей къ ней любовью и вниманіемъ, до слезъ.

Второе событіе. Безъ моего вѣдома показали Мартынову мой портретъ Принцессы. Я пришла изъ столовой на урокъ рисованія запоздавъ немного, за это получила со стороны Юліи Владиміровны замѣчаніе въ классный дневникъ, а онѣ воспользовавшись моимъ отсутствіемъ (я говорю про Живчика и Принцессу) сбѣгали въ интернатъ и притащили мою картину. Когда я входила въ классъ, я уже инстинктивно почуяла, что-то неладное. Во первыхъ, у нихъ были смущенныя лица, а во вторыхъ, Мартыновъ спиной къ дверямъ держалъ полотно, ужасно похожее на мое.

Я вытянула шею, поднялась на цыпочки и заглянула.

Ахъ!

Моя картина!

Мнѣ хотѣлось вырвать ее у него изъ рукъ, бросить на полъ и сѣсть на нее какъ въ лодку... Но взглянула на лицо Мартынова и замерла.

— Вы должны учиться... Безспорно учиться... серьезно, много... У васъ талантъ большой, недюжинный. Слышите, Камская, талантъ! Я не долженъ былъ-бы говорить вамъ этого, и боюсь, что вы такая непосѣда, такой живчикъ...

— Огонекъ...—подсказалъ кто-то изъ окружавшей насъ вмигъ группы дѣвочекъ.

— Ну, да Огонекъ,—улыбнулся старый художникъ,— и навѣрное по живости своей натуры вы не такъ внимательно отнеслись-бы къ своему призванію, между тѣмъ, это было-бы грѣшно, Камская не раздуть искру, данную вамъ Богомъ!

Онъ говорилъ, серьезно, отрывисто даже рѣзко. А я стояла какъ дурочка, съ широко раскрытымъ ртомъ и сіяла, какъ луна. Воображаю, что за умное лицо у меня было въ ту минуту! Навѣрное, въ немъ уже не оставалось и тѣни трагическаго! И на Марію Антуанету я походила должно, быть, какъ червякъ на звѣзду.

*

Рѣшено! Я сдѣлаюсь художницей, если золотая ничего не будетъ имѣть противъ. А мечту о медицинѣ пока спрячу въ карманъ.

На урокѣ исторіи сразу два происшествія. Преподаватель исторіи, прозванный «гунномъ» за его густую, лохматую голову и скуластое лицо, вызвалъ меня какъ разъ въ ту минуту, когда я мысленно видѣла себя въ залахъ выставки картинъ и упивалась относящимися къ моему произведенію похвалами. Я уже слышала пріятный гулъ отъ множества восторженныхъ голосовъ. Среди этого гула разбирала:

— Скажите пожалуйста! Камская... Талантъ отца! Яблоко отъ яблони недалеко откатится... И такая молоденькая! Почти ребенокъ! Поразительно, восхитительно, геніально...

И вдругъ.

— Госпожа Камская. Скажите мнѣ условія Тильзитскаго договора!

Я поднимаюсь какъ встрепанная, улыбаюсь и съ блаженными глазами и глупымъ лицомъ (могу себѣ представить какъ я выглядѣла въ ту минуту!) восторженно смотрю на него и ни слова... Только улыбаюсь.

Гуннъ кажется очень удивленнымъ.

— Госпожа, Камская? Вы не именинница сегодня?

— Нѣтъ! нѣтъ!

Чтобы доказать ему, что со мною ровнехонько ничего не случилось, ничего, конечно, болтаю что-то такое, чего вовсе нѣтъ въ заданномъ урокѣ. Его огромная голова колышится изъ стороны въ сторону, а на скулахъ загораются пятна румянца. По всему видно, что онъ недоволенъ.

— Изъ уваженія къ прежнимъ вашимъ заслугамъ я вамъ ставлю 3, но... но вы должны мнѣ дать слово, госпожа Камская, что къ будущему уроку выучите Тильзитскій миръ слышите-ли, на зубокъ.

— На зубокъ! вырывается у меня эхомъ такъ неожиданно-глупо, что со всѣмъ классомъ дѣлаются конвульсіи отъ смѣха.

— Госпожа Камская? Я васъ не понимаю.

Гуннъ смотритъ вопросительно.

— О, да, я буду знать, даю слово, да!

Онъ все еще смотритъ, на меня, какъ-будто я „одержимая“ потомъ киваетъ головою:

— Хочу вамъ вѣрить!—говоритъ онъ, потомъ переводитъ глаза на Марусю Линскую.

— Госпожа Линская, пожалуйста, вы.

Линская встаетъ.

— Господи! Что такое съ нею! Сорокъ паръ глазъ устремились на первую ученицу. Что за лицо! Красное, красное какъ кумачъ. Глаза больше чѣмъ когда-либо запали въ темныхъ орбитахъ, и горятъ нездоровымъ яркимъ огнемъ. Она хочетъ произнести слова и не можетъ. Голосъ какой-то хриплый, чужой.

Вдругъ... На глазахъ всего класса Линская закачалась, какъ тоненькая слабая березка подъ порывомъ урагана, взмахнула руками и словно подкошенная, безъ чувствъ рухнула на полъ.

Ее подняли, унесли въ имѣющуюся при нашей гимназіи перевязочную комнату. Потомъ отвезли Марусю домой.

Какъ-то сумрачно и тоскливо прошелъ этотъ день. Внезапная болѣзнь Линской отозвалась на насъ ужасно. Всѣ какъ-то притихли. Мнѣ тоже дышалось не легко.

Жаль бѣдную «Линочку», какъ мы называемъ ее, и сердце что-то тѣснитъ въ груди... До боли. Если-бы не радостное сознаніе, что черезъ мѣсяцъ и три дня увижу золотую, право, жизнь казалась-бы далеко не такой прекрасной, какова она есть на самомъ дѣлѣ.

Февраль, 19...

Замокъ Ярви. Финляндія.

О, сколько событій, самыхъ неожиданныхъ, самыхъ необычайныхъ!.. Право, точно арабская сказка изъ «Тысяча одной ночи». Дѣйствительно, презабавной проказницей бываетъ иногда судьба. Жили себѣ смирно и тихо дѣвочки гимназистки, учились, сидѣли въ классѣ, готовили уроки,

«экстерки» расходились въ одну сторону, мы — интернатки въ другую, въ опредѣленное время, и вдругъ! Налетѣлъ шквалъ, закружилъ ураганъ, разразилась гроза, разыгралась буря и мы очутились (я говорю о насъ, интернаткахъ) въ глуши Финляндіи, въ замкѣ Питера Ярви, отца Ирмы (хотя на замокъ-то, онъ и не похожъ нисколько и прозвалъ его такъ самъ его владѣлецъ). А экстерокъ просто на просто распустили по домамъ на... на неопредѣленное время.

Дѣло въ томъ, что въ гимназіи появилась непрошенная гостья — скарлатина. Линская оказалась ея первой жертвой и увы! не единственной. За нею заболѣла Вершинская, Руловина, Ремизова, Калачева, Сосновская и еще многія гимназистки изъ другихъ классовъ. Настоящая паника охватила начальство. Надо было, во что бы то ни стало, прекратить источникъ заразы, распустить ученицъ по домамъ, а насъ, живущихъ при гимназіи, изолировать, увезти куда-нибудь, подальше изъ города, гдѣ свирѣпствовала ужасная болѣзнь. Въ Петербургъ пріѣхалъ по дѣлу отецъ Ирмы и узнавъ объ отчаянномъ положеніи по отношенію возможности заразы его дочери и ея подругъ, тутъ же предложилъ Маріи Александровнѣ свой уединенный замокъ, какъ онъ прозвалъ свою усадьбу, въ его помѣстьи подъ ея интернатъ до тѣхъ поръ, пока не утихнетъ эпидемія скарлатины. Ахъ, какъ это было кстати! Мы, буквально, ошалѣли отъ восторга и чуть не задушили отъ радости румяную финку, изъявляя ей нашу благодарность.

Одно меня смущаетъ немного. Это то, что золотая, пріѣхавъ въ Петербургъ усталая и измученная съ дороги, должна будетъ предпринять новое, хотя и не особенно продолжительное путешествіе для свиданія со своимъ глупымъ Огонькомъ.

Мы собирались съ какою-то безумною поспѣшностью. Ѣхали съ нами, семью интернатками: сама Марія Александровна Рамова, Маргарита Викторовна и инспекторъ. Предполагалось продолжать по мѣрѣ силъ и возможности занятія, причемъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Глинскій (фамилія инспек-

тора) и m-lle Боргина должны были замѣнить намъ на время всѣхъ другихъ учителей.

Пріхали въ Ярви вчера ночью.

На станціи насъ ждали два старомодныхъ рыдвана, въ которыхъ предки Ирмы ѣздили, должно быть, въ кирку по воскреснымъ днямъ. Потомъ, маленькіе изящные санки для «молодой барышни», то есть для Ирмы, какъ заявилъ правившій гнѣдою шведкою пони работникъ финнъ. И рыдванами тоже правили работники въ сѣрыхъ кафтанахъ съ трубками въ углахъ рта. Наша финка совсѣмъ преобразилась съ той минуты, какъ ея нога вступила на родную землю. Куда дѣвалась ея обычная апатія, спокойствіе и неловкость. Со всѣми рабочими здоровалась за руку, похлопывала ихъ по плечу, какъ самый заправскій мальчуганъ и лопотала что-то неустанно на своемъ оригинальномъ нарѣчіи. Она была такъ любезна, что предложила мнѣ мѣсто въ своихъ саночкахъ, которыми управляла сама. Гнѣдая шведка рысью взяла съ мѣста и мы понеслись.

Несмотря на ночь, я увидѣла прекрасныя картины. Бѣлыя горы, покрытыя снѣгомъ, темные мохнатые призраки хвойныхъ деревьевъ. Обрывы на каждомъ шагу и сверкающія синими льдами закованныя озера въ лунномъ свѣтѣ. Это было такъ величественно красиво, что я не выдержала и завизжала во все горло.:

— Но вѣдь это волшебная страна, Ирма, глупышка вы этакая, чувствуете-ли вы это?

Она, ничуть не обиженная моимъ названіемъ, повернула ко мнѣ голову и, переложивъ возжи изъ одной руки въ другую, проговорила:

— О, моя родина это... это... Ничто въ мірѣ не сравнится съ ней!

И лицо у нея было въ эту минуту гордое, какъ у королевы! Она права. То, что я видѣла при лунномъ свѣтѣ, было прекрасно и сказочно какъ сонъ. Проѣхавъ верстъ пятнадцать, мы очутились у замка.

Такъ вотъ онъ каковъ! Я привыкла судить о замкахъ исключительно по средне-вѣковымъ романамъ.

Готическія окна, зубчатыя башни, подземелья, подъемный мостъ. Ничего подобнаго не встрѣтишь въ Ярви. Просто на просто огромный, деревянный домъ, плотно и грубо сколоченный изъ тесовыхъ бревенъ. Двухъ-этажный съ бельведеромъ, съ котораго, по увѣренію Ирмы, великолѣпно можно лѣтомъ наблюдать грозу на морѣ, а самое море видно все оттуда какъ на ладони. Усадьба окружена заборомъ, высокимъ и крѣпкимъ на-диво. Во дворѣ пристройки: ледники, кухня, рабочая изба, амбары.

Садъ расположенъ на южную сторону. Онъ весь, точно виситъ на скатѣ стремнины. Усадьба на горѣ. Подъ горою озеро, съ берегомъ поросшемъ соснами, а тамъ далеко впереди безпокойное, говорливое въ лѣтніе, весенніе и осенніе мѣсяцы, а теперь увы! закованное, какъ узникъ въ свои ледяныя оковы, море.

Въ замкѣ насъ ждала госпожа Ярви—бабушка Ирмы, важная молчаливая старуха съ вязаньемъ въ рукахъ. Старая служанка повела насъ въ предназначенныя для интерната комнаты. Меня помѣстили съ Ирмой, Принцессой и Живчикомъ въ одну, малютокъ и сестричекъ Кобзевыхъ въ другую. Раю, какъ еще не окрѣпшую послѣ операціи Марія Александровна взяла къ себѣ. Великолѣпное распредѣленіе!

Ужинали всѣ вмѣстѣ въ большой, съ низкимъ потолкомъ, столовой. Хозяйка извинилась и ушла къ себѣ. Она привыкла рано ложиться. Ирма долго оставалась въ комнатѣ бабушки. Она вернулась, какъ разъ въ ту минуту, когда я вела цѣлую войну съ Маргаритой Викторовной, требуя отъ нея мой дневникъ, походную чернильницу и ручку.

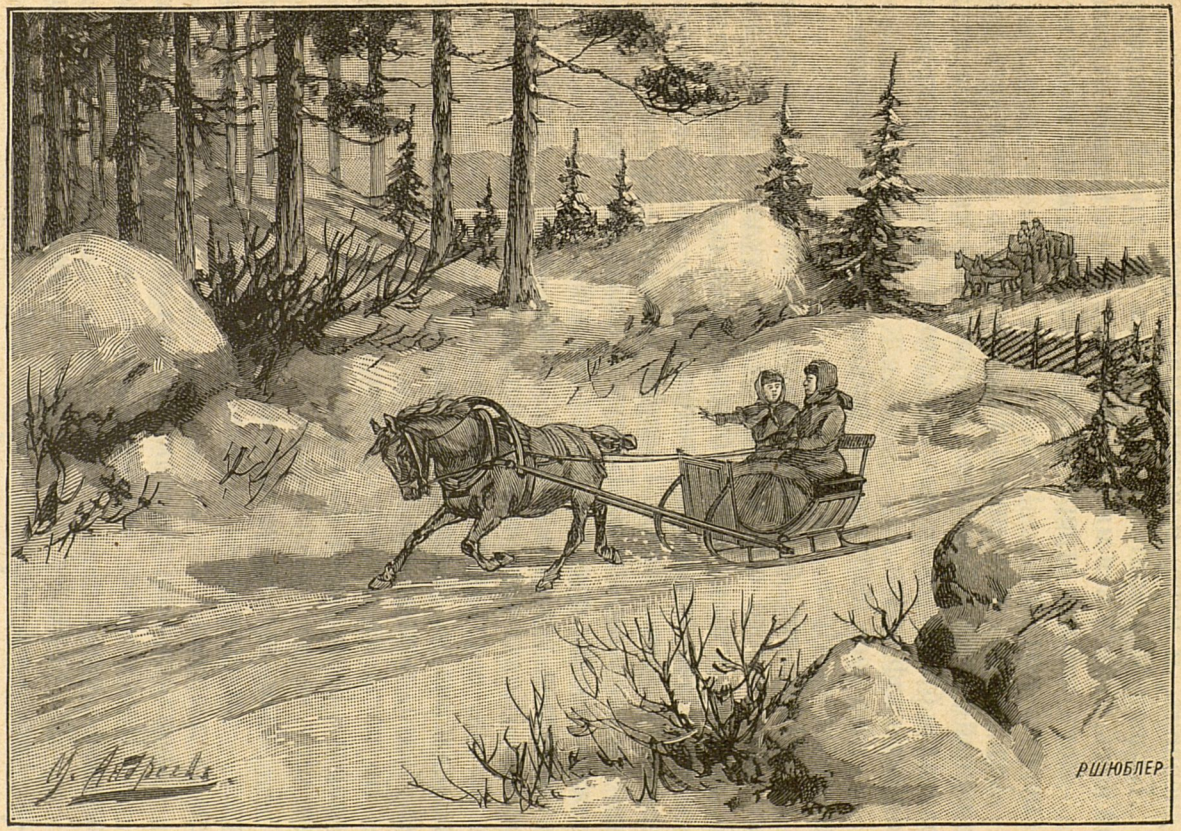
— Но вы хотите уморить меня, Ирина, я не могу сейчасъ же броситься разбирать багажъ.

— Но, m-lle, я тоже не могу уснуть, не записавъ моихъ впечатлѣній.

— Послушайте, однако...

— Если я не получу моей тетрадки, я испишу всѣ стѣны, печи и полы!

— Боже мой, это не дѣвушка, а фейерверкъ. Вы совсѣмъ отъ рукъ отбились съ тѣхъ поръ, какъ скарлатина



(Стр. 72).

перевернула всю нашу жизнь! И все-таки она дала просимое. И дневникъ, и перо, и чернильницу. Все!

Бѣдная Маргарита! Не смотря на ея строгій неприступный видъ, душа у нея мягкая, чуткая... и терпѣливая на славу.

Вотъ вамъ и строгіе воротнички, такъ испугавшіе меня въ первую встрѣчу.

Ахъ, какъ здѣсь чисто! Полъ блеститъ (хотя онъ и некрашеный), стѣны блестятъ, потолки блестятъ... На всѣхъ столикахъ бѣлыя вязанныя скатерти, на диванахъ и креслахъ такія-же салфеточки.

— Это все бабушкина работа,—не безъ гордости сообщила намъ Ирма.

— Папа все больше живетъ въ Петербургѣ, у него тамъ дѣла, оттого онъ и меня отдалъ туда, а не въ наше финляндское училище, а бабушка одна одинешенька здѣсь въ замкѣ. Одно только развлеченіе у нея—вязанье!—Хорошо развлеченіе тоже! Упаси Господи посадить на это „развлеченіе“ чернильное пятно! Берегись, милѣйшее перышко! Воображаю что-бы тогда было съ Ирмой!

Записала все, что успѣла. Аминь. Ложусь спать. Принцесса съ Живчикомъ тихо выспрашиваютъ Ирму о замковой жизни, о здѣшнихъ обитателяхъ, обо всемъ. У молодой Ярви счастливое, блаженное лицо и, право-же, она даже, какъ будто, похорошѣла.

Но вотъ, въ стѣнку слышится троекратный стукъ. Это Маргарита Викторовна напоминаетъ намъ о томъ, что ночь дана міру не для разговоровъ.

— Если вы не замолчите, сейчасъ я приду тушить свѣчку,—слышимъ мы черезъ минуту ея недовольный голосъ за дверями.

Тороплюсь записать и это. Потомъ оборачиваюсь къ Ярви.

— Послушайте, очаровательная, а въ вашемъ замкѣ подземелье есть?

— Да. Какъ-же! Тамъ запасы моркови, рѣпы и картофеля. Главнымъ образомъ, картофеля и сушеной черники,— отвѣчаетъ она съ тѣмъ-же блаженнымъ сіяніемъ въ лицѣ.

Вотъ тебѣ разъ, хороша поэзія тоже!

Спокойной ночи, мои милыя! И, ты, завѣтная тетрадка, спокойной ночи!

Февраль, 190...

Наша жизнь течетъ какъ по маслу. Утромъ занятія по всѣмъ предметамъ съ Васильемъ Дементьевичемъ до обѣда. Обѣдъ въ часъ (не то что въ Петербургѣ). Потомъ прогулка до 2-хъ и уроки иностранныхъ языковъ съ Маргаритой. Въ 4 чай. Потомъ, до 5-ти опять прогулка и приготовленіе уроковъ. Сестрички и Живчикъ, какъ принадлежащія къ другому классу, занимаются наоборотъ, съ Маргаритой утромъ, а съ Васильемъ Дементьевичемъ послѣ обѣда. Малютокъ учитъ сама Марія Александровна и имъ предоставлено больше свободнаго времени, нежели намъ.

Маленькое разочарованіе. Уѣзжая сюда мы мечтали о сокращеніи часовъ ежедневныхъ уроковъ, а тутъ, напротивъ.

— Въ праздники отдохнете,—утѣшаетъ насъ со своей добродушной улыбкой инспекторъ,—а теперь, старайтесь, старайтесь, барышни! Къ экзаменамъ надо пройти все.

— А когда мы вернемся домой?—освѣдомляется Живчикъ.

— И вамъ не стыдно, m-lle Сушкова, думать о душномъ, шумномъ городѣ, когда здѣсь такая красота!

Дѣйствительно, красота! При дневномъ свѣтѣ Ярви очаровательно. Бѣлыя горы, зеленые хвойные лѣса, озера окованныя синею ледяной корою, а тамъ дальше, море. Какъ здѣсь, должно быть хорошо, лѣтомъ, весной, когда вскроется ледъ.

Ирма встаетъ въ пять часовъ утра и ходитъ доить коровъ вмѣстѣ съ работницами. А въ девять, какъ ни въ чемъ ни бывало, сидитъ уже за урокомъ.

Сегодня написала письмо золотой. А въ то время пока наши гуляли, поймала бѣловолосаго Кука, сына здѣшней скотницы, и сдѣлала съ него крошечный эскизъ. Думаю написать съ него картину. „Кукъ и его салазки“. Хочется зарисовать еще Ирму, среди коровъ въ хлѣвѣ, съ подойникомъ. Но увы! Для этого надо встать въ 5 часовъ, а подобный подвигъ Огоньку не подъ силу.

У меня табличка съ черточками. Это символическая табличка. Я вычеркиваю на ней дни, оставшіеся мнѣ до разлуки съ золотой. Еще три недѣли и два дня. На первой недѣлѣ поста она пріѣзжаетъ... Боюсь, какъ-бы мнѣ не спятить отъ восторга. Живчикъ по этому поводу утѣшаетъ меня.

Успокойтесь, Ирина,—говоритъ она лукаво,—съума сходятъ только тѣ люди, у которыхъ имѣется кое-что тутъ! Что-бы было съ чего сойти, понимаете? — и стучитъ пальцемъ по собственному лбу.

— Что? Стало-быть, я дурочка, что ли?

— О!—Тутъ она кидается мнѣ на шею и оретъ на весь замокъ.

— Ни ни! Вы самый чудный! Вы самый прелестный и самый умный въ мірѣ Огонекъ!

— Ну, гдѣ тутъ логика, прошу покорно!

Принцесса здѣсь производитъ фуроръ. То-есть, не она сама, а вѣрнѣе золотые волосы Принцессы.

Когда мы чинно выходимъ парами на прогулку, какъ бывало и въ Петербургѣ, всѣ встрѣчные предварительно поклонившись намъ (удивительно любезный и радушный народъ эти финны!) уставляются широко-раскрытыми глазами на Марину и начинаютъ оживленно бесѣдовать между собой.

— Они принимаютъ васъ за нашу,—предупредительно поясняетъ Ирма,—и восторгаются вами.

Что они восторгаются Мариночкой, это понятно. Она очаровательнѣйшая дѣвушка въ мірѣ, но, что Марина похожа на финку, это ужъ, ахъ оставьте...

Ихъ женщины некрасивы, со свѣтлыми, почти бѣлыми волосами и безцвѣтными, по большей части, глазами. А головка Принцессы—золотое руно и глаза ея сѣро-синіе, глубокіе, съ огромными зрачками и темными рѣзницами, совсѣмъ не сѣверные глаза.

Отъ золотой переслано мнѣ письмо, изъ Петербурга, поэтому замокъ дрожалъ отъ моихъ дикихъ прыжковъ къ полному удовольствію и при ближайшемъ участіи малютокъ... Живчикъ какъ бѣшенная хохотала надъ нами, исполняющими танецъ дикихъ апаховъ вокругъ костра.

За это отъ Маріи Александровны выговоръ за обѣдомъ, а бабушка Ирмы смотритъ на меня, какъ на вырвавшуюся изъ лечебницы психіатрическую больную. Даю себѣ слово впредь сдерживать себя.

Февраль, 190...

Сегодня праздникъ.

Съ утра насъ ожидалъ сюрпризъ. Работникъ Адамъ, пожилой свѣтлоглазый финнъ, съ которымъ Ирма обязательно за руку здоровается каждое утро (мнѣ это безумно нравится въ нашей толстухѣ!), принесъ нѣсколько паръ лыжъ, легкихъ какъ перышки.

Принцесса, Живчикъ, Ирма и я привязали ихъ на ноги къ теплымъ сапогамъ и отправились въ путь. Что за роскошь скользить такъ по сверкающимъ въ лучахъ февральскаго солнца сугробамъ. Точно птица! Ирма, несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, такъ ловко бѣгаетъ, какъ заправскій спортсменъ. Она—нашъ профессоръ. Показываетъ намъ, какъ надо держаться, какъ сохранять равновѣсіе, спускаясь съ горы. Духъ захватываетъ, когда съ головокружительной быстротою скользишь по откосу. Ирма не нахвалится на меня.

— Вы управляете лыжами какъ прирожденная спортсменка,—говоритъ она, похлопывая меня своей полной рукою, одѣтой въ теплую рукавицу, по плечу.

Живчикъ тоже не отстаетъ отъ меня. Только вотъ съ Мариной не ладится что-то. Она нѣсколько разъ уже «закопала рѣпу» и едва не разбила до крови носъ.

Мы исходили всѣ окрестности и вернулись въ замокъ съ красными какъ кумачъ лицами и волчьимъ аппетитомъ. Сестрички и Слѣпуша забросали насъ вопросами по поводу нашей прогулки. Малютки же казались обиженными. У Адочки даже на глазахъ были слезы, а Казя, надувъ прелестныя свои губенки, протянула:

— Когда я выросту большою и буду матерью семейства, я никогда не стану запрещать моимъ дѣтямъ полезныя удовольствія вродѣ бѣга на конькахъ и на лыжахъ.

— Ахъ ты мышенокъ!

Я торжественно поклялась дѣвчуркѣ, что въ слѣдующій же праздникъ поведу ее на море, расчищу кусокъ льда отъ снѣга и буду съ нею кататься на конькахъ до самаго вечера.

— Ну, не совѣтую, — вмѣшался въ разговоръ Василій Дементьевичъ,—ледъ въ мартѣ уже ненадеженъ. На мѣстѣ Маріи Александровны я не пустилъ-бы васъ.

— О, нѣтъ, я была тамъ нынче утромъ, и море еще держится крѣпко! — успокоила его Ирма,—и старый Адамъ то же говоритъ.

О, старый Адамъ это настоящій авторитетъ въ глазахъ молоденькой Ярви!

Рѣшено. Въ ближайшее воскресенье веду моихъ малютокъ на ледъ. Надо выбрать самые маленькіе коньки изъ запасовъ Ирмы. Кажется у нея ихъ безчисленное множество, такъ какъ эта молодая особа занимается спортомъ чуть-ли не съ четырехъ лѣтъ.

Мартъ, 190...

Весна. Радость. Разцвѣтъ природы. Хотя снѣгъ еще покрываетъ горы, но съ юга уже дохнуло тепломъ.

Черезъ недѣлю пріѣзжаетъ въ Петербургъ золотая, О! моя радость такъ велика, что я боюсь не вынести ее. Я не видала ее только полгода, а мнѣ кажется что послѣ нашего прощальнаго поцѣлуя прошла цѣлая вѣчность. Цѣлая вѣчность. Но сюда въ Финляндію она не попадетъ раньше нежели не пройдетъ ея дебютъ на образцовой сценѣ.

— Это для того,—пишетъ мнѣ мое сокровище,—чтобы безъ помѣхи отдаться радости свиданія съ моимъ Огонькомъ!

Да, да, пусть такъ, пусть такъ! Конечно. Во-сто разъ лучше увидѣть ее счастливую, беззаботную, отрѣшившуюся отъ всякихъ постороннихъ дѣлъ.

Сегодня я отправилась къ госпожѣ Маріи-Аннѣ-Ярви.

Madame, произнесла я голосомъ, сладкимъ какъ леденецъ, — моя мама пріѣдетъ ко мнѣ погостить дня на три. Могу-ли я просить удѣлить ей одну изъ комнатъ. Госпожа Рамова послала меня просить васъ объ этомъ.

Старуха подняла очки на лобъ, отложила въ сторону

вязанье и сказала по-нѣмецки (она всегда изъясняется съ нами на этомъ языкѣ):

— Въ домѣ Ярви всегда рады гостямъ. Или вы не знали этого, малютка?

Почему-то эта фраза ударила мнѣ по сердцу. И вся внѣшность этой сѣдой, важной молчаливой старухи, осужденной одиноко проводить свои послѣдніе годы, возбудила жалость во мнѣ. Захотѣлось видѣть ее счастливой хоть отчасти, доставить ей что нибудь пріятное. Разсѣять ея одиночество, хотя бы на короткія минуты. Ея внучка больше занята своими коровами, лыжами и маслобойной (удивительное масло выбиваютъ здѣсь работницы подъ наблюденіемъ Ирмы), но только не старой бабушкой, отнюдь не ею. Я же была такъ счастлива сегодня, такъ непростительно счастлива отъ предстоящаго мнѣ черезъ недѣлю свиданія съ золотою, что хотѣлось излишкомъ этого счастья подѣлиться съ кѣмъ-нибудь.

— Не хотите ли, госпожа Ярви, я разскажу вамъ о моей мамѣ?—предложила я неожиданно и пока старуха не успѣла еще придти въ себя, стремительно пододвинула къ ея ногамъ скамеечку, и, опустившись на нее, стала говорить, говорить безъ умолку, безъ передышки!

Съ описанія и восхваленія всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествъ моей незамѣнимой мамули, я перешла къ разсказу о нашей жизни въ провинціи, о нашей труппѣ, о бабушкѣ Лу-лу, Кнутикѣ, дядѣ Витѣ, Заза...

И я добилась того, что эта суровая старуха слушала меня съ улыбкой, а когда я уходила отъ нея, она погладила меня по головѣ и сказала:

— Должно быть, ваша мама очень счастлива, имѣя такое дитя.

Вотъ такъ финалъ! Подобной похвалы я вовсе не ожидала.

Ушла отъ нея, а она неотступно стоитъ передо мною, суровая, важная, а когда улыбается, удивительно симпатичная старуха. Рѣшила нарисовать ее въ креслѣ съ вязаньемъ, неподвижно застывшую въ своемъ олимпійскомъ спокойствіи. Вечеромъ, ложась спать, взялась было за эту тетрадку.

Вдругъ... распахивается дверь и какъ пуля влетаетъ Живчикъ.

— Что вы сдѣлали, Огонекъ? А? Старая хозяйка отъ васъ въ восторгѣ. Сама слышала, какъ говорила нашей Маріи Александровнѣ, что никогда еще ей не приходилось видѣть такой пріятной особы... И... и ваша мама, Огонекъ, получитъ лучшую комнату въ замкѣ.

Клянусь Богомъ, о комнатѣ то я и совсѣмъ забыла, когда принялась развлекать старуху!

Принцесса увѣряетъ со смѣхомъ, что я должно быть родилась въ счастливый часъ, такъ какъ умѣю обворожить всѣхъ отъ мала до велика. Странно! А между тѣмъ, я совсѣмъ не думаю объ этомъ.

Сейчасъ записываю самое важное, что случилось сегодня. Старый Адамъ рубилъ дрова и едва не отхватилъ во время нашей прогулки себѣ полъ-пальца. По крайней мѣрѣ, нижній суставъ висѣлъ какъ на ниточкѣ. Милой нашей Слѣпушѣ сдѣлалось дурно при видѣ крови. Остальныя были бѣлы, какъ смерть. Пока бѣгали за старшими, я обмыла въ чистомъ снѣгу палецъ Адама, предварительно снявъ съ него, со снѣга то есть верхній грязный слой, потомъ, разорвала свой полотняный платокъ и туго-туго перезязала раненый палецъ. Когда всѣ вернулись вмѣстѣ со старшими, перезязка была кончена и Адамъ улыбался. Марія Александровна, инспекторъ, Маргарита Викторовна хвалили меня такъ, точно я Богъ вѣсть какая героиня! А по моему, тутъ нѣтъ ничего такого. Не сдѣлай этого я, сдѣлали бы другіе... И никакого подвига тутъ нѣтъ...

Мартъ, 190...

Я не знаю, рѣшительно, что мнѣ дѣлать, смѣяться или плакать горько, горько! Нѣтъ, положительно, Богъ наказалъ меня! Да будетъ Его воля! Но эта кара, мнѣ не подъ силу. Ахъ, какъ тяжело! Да, да, это мнѣ послано въ наказаніе, въ этомъ я не сомнѣвалась. И по дѣломъ, и по дѣломъ тебѣ, глупый, гадкій Огонекъ. Но по порядку, по порядку, госпожа Ирина Камская, пишите въ строгомъ послѣдователь-

номъ порядкѣ, хотя это и не особенно-то приходится вамъ по вкусу, милое дитя!

А все изъ-за того, что я смѣялась... Безсовѣстно, подло смѣялась надъ другими! Но чѣмъ-же я виновата, что знакомый бѣсъ неистовства опять запылалъ во мнѣ. Ахъ, это непростительная шалость! Стыдись, Ирина! Что скажетъ золотая, когда прочтетъ о ней...

О, я наказана за нее превыше мѣры!

Въ замокъ Ярви пріѣхали гости. Три окрестныхъ помѣщицы съ ихъ дочерьми, никогда въ жизни никуда не выѣзжавшихъ изъ ихъ лѣсныхъ трущобъ-усадебъ. Это было презабавно, когда онѣ всѣ разсѣлись вдоль стѣнокъ и, раскрывъ ротъ, слушали мою болтовню, всѣ эти дѣвицы неуклюжія, какъ тумбы, въ кашемировыхъ платьяхъ, морщившихъ у таліи, съ веснусчатыми лицами, съ носами похожими на кнопки электрическихъ звонковъ. А ихъ руки въ нитяныхъ перчаткахъ, огромныя руки великаншъ!.. Онѣ были великолѣпны!

Къ несчастью, госпожа Ярви была въ отлучкѣ, а Ирма дика, какъ волчица и для нея сущая пытка занимать гостей.

— Милая Ира, вы такая „общественная“, не поможете-ли вы мнѣ въ этомъ дѣлѣ? — медовымъ голосомъ попросила она меня. А сама спаслась въ коровникъ. Я великодушно согласилась.

И заняла-же я ихъ!

Боже мой, чего я имъ не наговорила! Изъ нихъ никто не читаетъ газетъ, нигдѣ не бываетъ кромѣ церкви и живутъ онѣ, не видя свѣжихъ людей, какъ добровольныя узницы въ тюрьмѣ, а знать все, что дѣлается на свѣтѣ хочется и имъ тоже. Ну, и наврала-же я имъ на славу!

Жизнь въ Питерѣ — малина. Всѣ ѣздятъ на моторахъ даже мальчишки изъ мясной, и во всѣхъ кухмистерскихъ можно обѣдать даромъ, къ Гостинному двору теперь не ходятъ, а летаютъ на аэростатахъ, и дома, какъ въ Нью-Іоркѣ, тамъ строятъ даже въ 17 и 28 этажей...

Дамы заахали, барышни завздыхали... Какъ жаль, что онѣ не читаютъ газетъ эту зиму! Но онѣ живутъ такъ да-

леко отъ станціи, трудна доставка, и такъ далѣе и такъ далѣе...—сокрушались онѣ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ.

А я уже продолжала, предвкушая новую забаву.

— А видѣли-ли вы когда-нибудь настоящую принцессу? — неожиданно огорошила я ихъ внезапнымъ вопросомъ.

— Что? Принцессу? Нѣтъ... Нѣтъ... А развѣ?.. и окончательно растерянныя, онѣ заморгали глазами.

— Не видѣли? Ну-съ въ такомъ случаѣ поздравляю васъ! Вы ее увидите сію минуту.

И, быстро сорвавшись съ мѣста, я бросилась бѣгомъ на половину нашего интерната, схватила за руку Марину, почти насильно притащила ее въ пріемную и поставила передъ лицомъ гостей.

— Вотъ!—произнесла я голосомъ торжественнымъ и почтительнымъ въ одно и тоже время,—ея высочество принцесса Марина, осчастливившая насъ совмѣстнымъ съ нами ученіемъ. Она воспитывается въ гимназіи госпожи Рамовой и мы имѣемъ честь видѣть ее въ своей средѣ! И я преважно отвѣсила передъ оторопѣвшей Мариной поклонъ чуть не до земли.

Гостьи стремительно повскакали со своихъ мѣстъ, на которыхъ сидѣли до сихъ поръ, какъ приклеенныя вдоль стѣнокъ, и каждая изъ нихъ, краснѣя до предѣла возможнаго, сдѣлала великолѣпный книксенъ.

— О, ваше высочество, принцесса!—прошептала самая молоденькая и самая неопытная изъ нихъ. Потомъ, новые книксены, еще и еще... Это было презабавно и, давясь отъ смѣха, я предпочла убѣжать отъ нихъ подальше и наединѣ сама съ собою, „выхохотаться“ до слезъ.

Когда Марина пришла и узнала отъ меня рыдающей отъ смѣха про мою выдумку, она разсердилась и прочла мнѣ великолѣпную нотацію, занявшую, по крайней-мѣрѣ, цѣлыя двадцать три минуты. А потомъ случилось и „это“. Вошла Раиса и подала мнѣ письмо. Ужъ при одномъ видѣ этого письма, во мнѣ екнуло сердце. Зачѣмъ письмо, когда золотая уже въ дорогѣ?

Мои руки плясали, когда я вскрывала конвертъ. А когда прочла первую страницу, мнѣ показалось, что потолокъ предполагаетъ улечься мнѣ на голову. Какъ все это ошеломило меня! Дебютъ мамы отложенъ на мѣсяцъ. Золотая хотѣла, не глядя на это, пріѣхать раньше, но заболѣла бабушка Лу-лу, приходится ухаживать за бѣдной одинокой старушкой... Не бросать-же ее, въ самомъ дѣлѣ, на произволъ судьбы одну! Теперь я увижу мою золотую только въ концѣ апрѣля. Это должно быть оттого, что я такая скверная! Да!

Казнись, глупый Огонекъ! Казнись!

Мартъ, 190...

Боже мой! Боже!

Мы были на волосокъ отъ гибели. Подумать только... Смерть носилась уже надъ нами... Боже мой, благодарю Тебя!

Благодарю за то, что Ты далъ мнѣ такую золотую, молитвы которой за ея глупаго Огонька доходятъ до Тебя...

И за то, что я умѣю плавать, какъ рыба. И за то, что никогда не теряю присутствія духа! За все! За все благодарю Тебя.

Сейчасъ я лежу въ постели, растертая спиртомъ, съ цѣлой массою теплыхъ одѣялъ на ногахъ и груди, и вожу дрожащей рукою карандашомъ по этимъ страницамъ. Когда „онѣ“ придутъ сюда снова я спрячу мой дневникъ съ карандашомъ подъ подушку, вотъ и все... А пока... пока я могу занести весь этотъ ужасный случай на его страницы.

Утромъ малютки пристали ко мнѣ, говоря что я ихъ обманула.

— Обѣщала пойти съ нами на море кататься на конькахъ, а сама... Хорошъ Огонекъ, нечего сказать. Три праздника подъ-рядъ пропустила.

— Ахъ вы мышата! А вы видѣли море, каково оно сейчасъ?

— Нѣтъ.

Я потащила ихъ въ бельведеръ.

— Глупышки мои, глупышки. Смотрите!

Изъ окна бельведера оно видно, какъ на ладони. У бе-

рега на полъ-версты разстоянія ледъ еще крѣпокъ и по нему можно ходить и ѣздить, а тамъ дальше синяя огромная темная, и красивая масса воды. По ней, какъ бѣлые медвѣди, плаваютъ большіе и маленькіе куски льда. Льдины и льдинки стремящіеся куда-то въ даль по этому огромному водному пространству сталкивающіеся другъ съ другомъ и снова бѣгущія, куда-то впередъ...

— Ахъ, какъ красиво! Идемъ туда!

Казя стремительная во всемъ, бросилась сломя голову одѣваться.

— Но что скажетъ Маргарита Викторовна?—слабо запротестовала я.

— Но вѣдь мы же не однѣ будемъ, а со старшей воспитанницей,—вставила свое слово тихая, покорная Адочка.

— Ну ладно! Попадетъ мнѣ, а не вамъ! Ступайте погулять по берегу со мною.

Сегодня воскресенье. День теплый и наши его проводятъ въ саду, помогаютъ расчищать дорожки отъ талаго снѣга Ирмѣ, раскидываютъ запоздалый сугробъ. Мы одѣлись такъ быстро, какъ только могли въ теплое платье и вышли изъ дому. Полъ-версты до берега миновали въ двѣ минуты, бѣгомъ изображая тройку, я—посединѣ, малютки по бокамъ. Прилетѣли на берегъ какъ бѣшенныя. Бррръ. Здѣсь было далеко не такъ тепло какъ на верху у замка! Вѣтеръ дулъ въ лицо сердитый, угрюмый, совсѣмъ не весенній вѣтеръ.

— Какъ странно,—щебетала Казя,—какъ странно, поглядите, Огонекъ, здѣсь ледъ такой толстый и крѣпкій, а тамъ дальше... Адочка, ты не боишься добѣжать со мной до самой воды?

И, прежде нежели дѣвочка успѣла отвѣтить что-либо, съ веселымъ беззаботнымъ смѣхомъ маленькая Заржецкая вырвала изъ моей руки свою и опрометью бросилась бѣжать по льду туда на встрѣчу зловѣще синѣющей полосѣ моря.

— Казя! Назадъ! Безумная этакая! Назадъ, приказываю я тебѣ!—кричала я, что было мочи, зная отлично, что чѣмъ

дальше было отъ берега, тѣмъ тоньше и ненадежнѣе былъ весенній ледъ.

— Вернись! Казикъ, вернись!—присоединяла къ моему свой слабенькій голосъ и Адочка. Но увы! Наши голоса, заглушенные вѣтромъ, не доходили до назначенія. Казя мчалась, какъ дикая лошадка, почуявшая волю, изрѣдка оборачивала свое разгорѣвшееся лукаво-смѣющееся лицо въ нашу сторону, манила насъ за собою и снова бѣжала впередъ.

Разумѣется, она легка какъ серна, а все-же нельзя вполнѣ надѣяться на обманчивую крѣпость льда,—вихремъ кружила въ моей головѣ тревожная мысль.

— Казя! Вернись или... или я знать тебя не хочу, негодная дѣвченка!—крикнула я такъ громко, какъ только могла. Но опять вѣтеръ унесъ мои слова и развѣялъ по морю какъ былинки.

Тогда я обратилась къ оставшейся второй малюткѣ:

— Адочка, будь благоразумна, дитя, вернись обратно и подожди меня на берегу. Я должна догнать и привести Казю, во что бы то ни стало.

Я говорила спокойно, на столько спокойно, какъ могла, но, очевидно, лицо мое не могло скрыть обуревавшей меня тревоги, потому что моя маленькая спутница, вдругъ, схватила меня за руку обѣими руками и лицо ея стало бѣлѣе бѣлой шапочки на ея головѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и я съ вами, Огонекъ! И я съ вами... Мы вмѣстѣ побѣжимъ догонять Казю... Иначе... я не хочу! не хочу!

И, прежде нежели я успѣла удержать ее, она бросилась впередъ, вслѣдъ за подругой.

— Казя! Остановись! Остановись, Казя! — кричала она чуть не плача, инстинктомъ почувствовавъ опасность.

Но та попрежнему бѣжала да бѣжала тамъ, далеко впереди.

Я кинулась за ними. Меньше всего я думала о возможности опасности въ эти минуты. Я боялась однако, что мнѣ не успѣть догнать Казю, что дѣвочка уже близка къ тому мѣсту, гдѣ ледъ, должно быть, много слабѣе, чѣмъ у берега и...

И я не бѣжала теперь, а уже летѣла, неслась, какъ на крыльяхъ.

Разумѣется, мои ноги много быстрѣе нежели ихъ. Въ нѣсколько секундъ я обогнала Адочку и теперь уже почти достигала упрямицу Казю.

— Трррр!

Этотъ звукъ былъ похожъ на тихій выстрѣлъ и онъ пронизалъ меня дрожью всю съ головы до ногъ.

Этотъ пѣвучій, красивый тихій выстрѣлъ прокатился эхомъ по всему берегу. Негромкимъ, зловѣщимъ эхомъ... Казя остановилась, какъ вкопанная, и повернулась лицомъ ко мнѣ. Въ немъ застыло выраженіе скорѣе глубочайшаго изумленія, нежели испуга. Она точно спрашивала всей своей маленькой фигуркой:

— Это еще что такое?

Но объяснять ей не было времени. Надо было дѣйствовать тотчасъ-же, пока не поздно.

Я схватила за руку младшую малютку и внѣ себя бросилась къ Казѣ:

— Стой на мѣстѣ! Не двигайся! — громкимъ голосомъ крикнула я.

Черезъ двѣ минуты мы были уже рядомъ всѣ трое.

— Скорѣе, скорѣе, на берегъ! Это было безуміе убѣгать сюда, ахъ Казя! Казя! Ледъ треснулъ. Слышишь? Назадъ! Назадъ, дѣтки мои!

Мы схватились за руки.

Новый трескъ, чего-то надламывающагося, разрушающагося послышался за нами...

Я оглянулась и крикъ ужаса помимо воли вырвался у меня изъ груди. Позади насъ зіяла широкая чернѣющая полоска воды. Какъ будто маленькій проливъ между двумя ледяными плоскостями. И въ тотъ же мигъ поверхность, на которой мы стояли всѣ трое, чуть заколебалась подъ нашими ногами... Чуть замѣтно, невидимо на глазъ, но наша льдина плыла... Страхъ и отчаяніе лишили меня мысли въ первую минуту. Но это длилось всего нѣсколько секундъ. Проливикъ былъ еще очень узокъ, не шире трехъ четвертей аршина, и

его легко было перепрыгнуть... Но когда я сказала объ этомъ моимъ малышамъ, онѣ зарыдали какъ изступленныя.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что! Ни за что!

— Но поймите же, ради Господа! Мы тогда уплывемъ. Промежутокъ между льдинами увеличивается съ каждой минутой, — горячо доказывала я, съ ужасомъ убѣждаясь въ полной справедливости моихъ словъ.

Промежутокъ, дѣйствительно, росъ и мы плыли на небольшой отколовшейся ледяной площадкѣ.

Взять ихъ на руки и перенести одну за другой? Но пока я перепрыгну съ одною изъ нихъ, льдина отплыветъ еще дальше и унесетъ на себѣ другую. Что дѣлать! Что дѣлать!

Малютки, громко рыдая, взывали о помощи. Ихъ слезы и крики мѣшали мнѣ сосредоточиться, выяснить наше положеніе, какъ слѣдуетъ обдумать все.

Надежды на то, что насъ увидятъ изъ бельведера, было мало. Тамъ находилась начатая мною новая картина: маленькій Кука съ его салазками, спускающійся съ горы, и я просила не ходить въ «мое ателье», какъ они всѣ прозвали въ шутку вышку замка, пока я не окончу этой работы. Да и что пользы въ томъ, если они услышатъ и придутъ? Придутъ съ канатами, съ веревками даже... Пока они явятся сюда, льдина отплыветъ еще дальше. А пока они принесутъ лодку и спустятъ, будетъ уже совсѣмъ поздно. Да. Теперь и то уже щель была настолько широка, что перепрыгнуть ее можно было только съ разбѣга.

Льдина плыла. Малютки плакали отчаянно и кричали, призывая на помощь. Но увы! и безъ того сильный вѣтеръ, теперь крѣпчалъ съ каждой минутой и заглушалъ звуки отчаянныхъ дѣтскихъ голосовъ. Льдина плыла, вѣтеръ подгонялъ ее, и этотъ крошечный плотъ изъ замерзшей воды, готовый при каждомъ столкновеніи съ другой такой ненадежной платформой вдребезги разбиться на тысячу кусковъ.

Между нашимъ крошечнымъ островкомъ и берегомъ съ плотно примкнувшей къ нему ледяной поляной, уже шумѣла черная зловѣщая полоса воды, то и дѣло грозя влиться черезъ край нашего ледяного плота.

Пройдетъ еще минута, другая, третья, пройдетъ пять, десять, двадцать минутъ и льдина унесетъ насъ въ море, гдѣ, медленно раскалываясь на куски, погибнетъ и погубитъ насъ заодно съ собою.

Я поняла, что медлить было нельзя. Насъ относило все дальше и дальше съ каждой минутой.

Я посмотрѣла на моихъ маленькихъ товарокъ по несчастью. Онѣ стояли посреди ледяной платформы, смотрѣли другъ на друга широко раскрытыми, отупѣлыми отъ ужаса глазами и испускали черезъ каждыя двѣ-три секунды отчаянные вопли, призывающіе къ спасенію. Лицо Кази было блѣдно какъ снѣгъ, взглядъ ея черныхъ глазъ былъ ужасенъ. Казалось, несчастный ребенокъ уже видѣлъ то, что грозило намъ всѣмъ троимъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Адочка съ трогательной покорностью прижалась ко мнѣ. Ея личико, осунувшееся до неузнаваемости, безъ единой кровинки, конвульсивно подергивалось. И кричала она хриплымъ, слабенькимъ голоскомъ, полнымъ предсмертнаго страха.

Видъ обѣихъ малютокъ, какъ ножемъ полоснулъ меня по сердцу. Ихъ надо было спасти, спасти, во что бы то ни стало! И больше я не могла думать ни о чемъ.

— Молчите, крошки, насъ все равно не услышатъ,— приказала я имъ,—дайте мнѣ возможность обдумать все хорошенько.

— Мы умремъ! умремъ! — простонала Казя и, вся затрепетавъ съ головы до ногъ, закрыла лицо руками. Адочка отошла отъ меня и прижалась къ ней обнявъ свою маленькую подругу.

— Не кричи, Казя, дай подумать хорошенько Ирѣ-Огоньку, можетъ быть она спасетъ насъ. Давай лучше молиться! — съ неизъяснимымъ выраженіемъ кроткой покорности произнесла малютка и ея голубые глазки поднялись на меня. Умру—не забуду этого взгляда! Въ немъ было столько трогательной мольбы и надежды, надежды на меня...

Потомъ она опустилась на колѣни на ледъ, увлекая за собою Казю и обѣ сложивъ рученки обратили взоры къ небесамъ.

Ю. ШЮБЛЕР.

Я не могла смотрѣть на нихъ больше. Слезы брызнули у меня изъ глазъ.

А льдина плыла. Протокъ становился все шире... все шире... Боже Великій, еще черезъ нѣсколько минутъ и мы будемъ отъ берегового льда болѣе, нежели на двѣ сажени. Ни минуты промедленія больше! Слышишь, Ирина!

Точно не я сама, а кто-то другой сказалъ мнѣ это... Точно кто-то подтолкнулъ меня на исполненіе быстрой, какъ вихрь мысли, блеснувшей на мгновенье въ моей головѣ...

Теперь я знала что дѣлать. Быстрыми лихорадочными движеніями сорвала я съ себя мое длинное теплое пальто. Осталась въ одномъ платьѣ, широкій ремень стягивалъ мою талію. Я быстро остегнула его. Длинный шарфъ, связанный мнѣ бабушкой Лу-лу, нашей «комической старушкой», обвивалъ всю мою фигуру. Шарфъ и ремень... Длина достаточная если скрѣпить ихъ вмѣстѣ...

И, дрожа отъ холода, стоя въ одномъ платьѣ, посреди нашего пловучаго ледяного островка, лязгая зубами, вся синяя, какъ мертвецъ, я дѣлала свое дѣло.

Малютки смотрѣли на меня во всѣ глаза, взглядомъ полнымъ ужаса, предполагая вѣроятно, что я помѣшалась. Тогда стараясь быть, какъ можно толковѣе и сдерживая, все больше и больше охватывавшую меня дрожь, я проговорила:

Сейчасъ я переброшу эти связанныя мною вещи на ту сторону протока. На противоположную льдину... Затѣмъ я поплыву туда... Выйду и перекину вамъ конецъ ремня. Поймайте его и держите крѣпко. Обѣими руками. Поняли? Да? У меня будетъ другой конецъ въ рукахъ и я притяну ледяной островокъ къ себѣ.

О! Что случилось съ ними? Я думаю, онѣ были близки къ безумію...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Мы не пустимъ тебя! Ты утонешь! Утонешь кричали онѣ обѣ, хватаясь за мое платье, за руки, плача и стеная. Сами того не замѣчая, онѣ говорили мнѣ «ты» какъ равной. Близость смертельной опасности сравняла насъ.

— Надѣнь пальто! Ты простудишься! Надѣнь!—рыдала Казя и черные глаза ея лихорадочно блестѣли.

— Не уходи отъ насъ! Не уходи! Ира! Ира!

Но я поняла что не рискнуть спасти ихъ было-бы безумiемъ. Не говоря ни слова я широко размахнула рукой, въ которой были зажаты въ огромный глубокъ закатанные ремень съ шарфомъ и въ слѣдующую же минуту я увидѣла ихъ лежащими на льду по ту сторону протока.

Теперь, скорѣе, скорѣе, а то вѣтеръ унесетъ въ море послѣднее орудiе спасенiя и, взмахнувъ обѣими руками, я бросилась въ воду...

О, какой ужасъ! Мнѣ показалось, въ минуту, что ледъ внутри меня, ледъ снаружи, ледъ сковалъ меня своими студеными путами съ головы до ногъ... На секунду я вся точно онѣмѣла... Но только на минуту... Острая, какъ жало мысль пронзила мою голову:

— Если ты поддашься, ты пойдешь ко дну, и малютки погибнутъ!

И я изо всѣхъ силъ заработала руками и ногами онѣмѣвшими отъ колючей мартовской воды. Я умѣю плавать, какъ рыба, но здѣсь, въ зимней водѣ, между льдами, одѣтой въ платье съ этимъ ледянымъ адомъ въ тѣлѣ, и въ мысляхъ, было мучительно работать руками, подъ самой пятой смерти. Полторы сажени, отдѣлявшiя меня отъ берегового льда, показались мнѣ чуть-ли не цѣлой верстою...

Но, слава Богу, есть предѣлъ и самой ужаснѣйшей мукѣ, которую мнѣ пришлось испытать... Я схватилась пальцами за желанный край крѣпкой береговой льдины, и, поднявшись на рукахъ, выскочила изъ воды. Потомъ, схватила лежавшiй въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня ремень съ шарфомъ и, размахнувшись ими, перебросила противоположный конецъ черезъ потокъ.

Боже мой, что было съ малютками въ эти минуты!.. Тѣсно обнявшись, онѣ стояли у края пловучаго ледяного островка и рыдали, повторяя одно только слово:

— Ира! Ира! Ира!

Вся мокрая, съ текущими съ меня потоками воды, я

стояла у самаго края льдины и командовала осипшимъ голосомъ: — Держите крѣпко конецъ ремня... Такъ... Теперь, встаньте на колѣни... Такъ... Казя, ты сильнѣе Ады... Обмотай имъ два раза кисть руки... Держи крѣпко, крѣпко... Ну, Господи помилуй! Я васъ притягиваю... Держитесь крѣпко.

Я вытянула руку, какъ только могла. Сама легла на краю, чтобы моего самодѣльнаго каната хватило на всю ширину протока.

Къ счастью, шарфъ былъ въ три аршина шириной (бабушка Лу-лу, благословляю твою работу!) и ремень около полутора аршина. Такимъ образомъ, они блестяще выполнили возложенную на нихъ миссію.

Черезъ нѣсколько секундъ льдина съ малютками подплыла настолько, что онѣ могли просто перешагнуть только черезъ узенькій промежутокъ, воды.

Смѣясь и плача, онѣ повисли у меня на шеѣ...

— Это изъ за меня! Изъ за меня!—рыдала Казя, покрывая поцѣлуями и слезами мои закоченѣвшія руки,—ты простудишься и заболѣешь изъ-за меня, Ира-Огонекъ!

Но я отрицала возможность простуды, успокоевая малютку. Я преважно облеклась въ мое теплое пальто, изъ подъ котораго бѣжали ручьи, и хлюпая полными воды сапогами, схвативъ за руки обѣихъ малютокъ, бѣгомъ пустилась на гору по дорогѣ къ замку.

Появленіе моей мокрой до нитки особы произвело такой переполохъ, какого еще со дня своего существованія не было въ Рамовскомъ интернатѣ. Испуганная до полусмерти безсвязнымъ лепетомъ обо всемъ происшедшемъ малютокъ, Марія Александровна собственноручно съ помощью Маргариты Викторовны и прислуги раздѣли меня, натерли съ головы до ногъ спиртомъ, напоили малиной, хиной еще чѣмъ-то и уложила въ постель, наваливъ на мою злосчастную грудь, животъ и ноги цѣлую гору одѣялъ и подушекъ.

Она была такъ ошеломлена, и потрясена, что совсѣмъ упустила изъ виду побранить Казю и только разъ двадцать подъ-рядъ просила меня лежать спокойно, пока не пріѣдетъ докторъ, за которымъ уже былъ посланъ старый Адамъ.

Разумѣется, я буду лежать спокойно, но... но прежде должна же я подѣлиться съ тобою мой милый, милый дневникъ!

Апрѣль, 19...

Какъ, неужели я провалялась цѣлыя двѣ недѣли, какъ колода съ позваленія сказать, которая ничего не видитъ и не слышитъ?

Ну, что я не видѣла ничего, это уже полный абсурдъ!.. Я видѣла и много, много разъ золотую. Она приходила ко мнѣ, садилась на край постели и разговаривала со мною долго и нѣжно, какъ, бывало, дома, въ нашемъ провинціальномъ гнѣздышкѣ, тогда... Или это было во снѣ? Говорятъ, я была очень серьезно больна послѣ моего мартовскаго купанья. И «онѣ» уже рѣшили выписать маму... Но... но... я преблагополучно надула госпожу „смертельную опасность“ и опять, почти, здорова совсѣмъ. Честное же слово, здорова, если не считать этого отвратительнаго кашля по временамъ... Если-бы не этотъ кашель, ахъ, я была-бы счастлива безконечно! Еще-бы! никогда не подозрѣвала я, что здѣсь меня, такъ любятъ!

Право, иногда совсѣмъ не дурно принять морскую ванну въ мартѣ мѣсяцѣ, чтобы узнать какъ тебя всѣ любятъ и дорожатъ тобою...

Жаль только Казю. Бѣдняжка ходитъ, какъ потерянная и всѣмъ и каждому твердитъ одно и тоже.

— Если-бы не мое глупое непослушаніе тогда, тамъ на берегу, Ира-Огонекъ была-бы здорова.

Милая дурочка воображаетъ, что я больна изъ за нее. Вовсе нѣтъ, больная потому, что пришла болѣзнь. Только и всего. И чего онѣ всѣ такъ волнуются? Право, даже смотрѣть досадно. Ну, была больна, ну, была больна серьезно, ну... А теперь здорова, совсѣмъ здорова! И просто жестоко со стороны доктора (презабавный финляндецъ съ очками круглыми, какъ вентиляторы) держать меня взаперти! Правда, мои пальцы похожи на лапы паука (бѣлаго конечно), такъ они похудѣли, а сама я выгляжу выходцемъ съ того свѣта:

желта, какъ лимонъ, а глаза горятъ, какъ плошки. Премиловидная дѣвица, нечего сказать! Золотая навѣрное не узнаетъ, когда пріѣдетъ.

Ахъ, теперь остается только двѣ недѣли до ея пріѣзда... „Онѣ“ вздумали, было, писать ей о моей болѣзни, и обо всемъ томъ, что случилось, но Принцесса (голубушка Принцесса! Какъ я ее люблю за это)- -Принцесса на колѣняхъ, говорятъ, умолила Марію Александровну, не дѣлать этого, зная съ моихъ словъ, какъ безбожно безпокоить золотую передъ самымъ ею дебютомъ. Мариночка сознаетъ лучше другихъ, что въ эти дни рѣшается судьба моей мамы. Что отъ этихъ дней зависитъ вся наша дальнѣйшая съ нею жизнь. Умница моя! Когда я узнала все отъ Живчика, которая увы! отъ слова до слова подслушала весь разговоръ таинственнаго совѣщанія начальства (на него, какъ взрослую дѣвицу пригласили и Принцессу) я чуть не прокричала «ура»...

Ну, разумѣется, золотая не должна знать ничего о «событіи» до тѣхъ поръ пока я не сойду съ постели. А потомъ, я разскажу ей все это въ комическомъ видѣ. Да! Слава Богу, я могу снова писать дневникъ и письма золотой. Послѣднія письма! Скору я увижу ее! Увижу! Вотъ то мы зададимъ балъ имъ всѣмъ, воображаю! Только-бы прошелъ кашель, несносный кашель! Когда его приступъ овладѣваетъ мною, мнѣ кажется что я лопну или задохнусь... И эта гадкая красная мокрота, похожая на вишневый сиропъ по цвѣту, которая пятнами остается на носовомъ платкѣ!..

Скорѣе-бы прошло все это! Теперь весна. Море совсѣмъ вскрылось, если вѣрить Живчику и другимъ, и изъ бельведера должно быть видъ божественный! А у меня передъ окнами сосны и не видно моря... Какая жалость! Ужасно вспомнить, что не придется закончить моей картины «Кука и его салазки». Это зимній жанръ, а теперь уже не увидишь снѣга, салазокъ и Куки въ его шапкѣ-треушникѣ, сползающей по самыя брови.

Я лежу цѣлыми часами и гляжу въ одну точку и при-

поминаю все, что случилось со мною за всѣ годы моей коротенькой жизни. Почему коротенькой? Я проживу долго — сто лѣтъ и буду такая-же старенькая, какъ бабушка Ирмы. Только не такая важная и спокойная какъ она. Вѣдь я— огонекъ. Или подъ старость люди мѣняются? Не знаю. Надо будетъ спросить госпожу Ярви, какая она была въ мои годы. Она ежедневно приходитъ ко мнѣ въ тѣ часы, когда дѣвочки и Маргарита съ Маріей Александровной заняты на урокахъ и мы ведемъ съ нею безконечный молчаливый разговоръ. Она вяжетъ свои вѣчныя салфетки, иногда смотритъ на меня подолгу, потомъ вздохнетъ тихонько и опять вяжетъ. По утрамъ, какъ буря, врывается ко мнѣ Ирма. Съ нею вмѣстѣ врывается запахъ хлѣва, который молоденькая Ярви предпочитаетъ лучшимъ ароматамъ Maiglöckchen Tréffle (моихъ любимыхъ духовъ). У нея въ рукахъ неизмѣнно жестяныя кружки съ парнымъ молокомъ.

— Кушайте, милая Ира, чтобы поправиться и быть толстой, какъ Вострука.

(Вострука ея любимая бѣлая корова съ черной отмѣтиной на лбу)!

Отвратительное, теплое, густое, густое молоко! Она приноситъ мнѣ настоящее, лучшее. Это ужасное молоко! Я никогда не питала особой симпатіи къ молоку, а теперь, когда я лишена, благодаря пребыванію въ постели, аппетита, оно мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ не по вкусу.

Потомъ Ирма садится у меня въ ногахъ, глядитъ на меня вытаращенными глазами и разсказываетъ, что весь Ярви со всѣми его окрестностями превозноситъ меня до небесъ, восхваляетъ какъ героиню и готовъ даже, кажется, причислить къ лику святыхъ за мое мартовское добровольное купанье.

— Довольно! Довольно, Ирма! Бросьте ваши похвалы или я завизжу на весь замокъ...

Потомъ, она молчитъ и только смотритъ... А я говорю безъ умолку о томъ, что скоро пріѣдетъ золотая... Говорю до тѣхъ поръ, пока не приходитъ Марія Александровна и не гонитъ Ирму, говоря, что мнѣ нуженъ покой.

Съ Маріей Александровной мы друзья и съ Маргаритой тоже. Заботятся онѣ обѣ обо мнѣ такъ, точно я владѣтельная принцесса или ихъ дочка. Стыдно даже. Точно я не вѣсть какъ больна, а между тѣмъ у меня глаза блестятъ, какъ никогда, а на щекахъ все время играютъ два яркія пятна румянца. Съ ними я даже кажусь румянѣе Ирмы.

Сегодня я слышала какъ Марія Александровна на вопросъ доктора отчего умеръ мой папа, сказала:—У него была скоротечная чахотка.

Скоротечная чахотка. Да. Мама мнѣ говорила это. Должно быть это очень тяжело. Бѣдный мой папочка. Онъ, навѣрно не менѣе моего любилъ жизнь!

Ахъ, она такъ прекрасна! Такъ поразительно прекрасна, особенно когда живешь подъ крылышкомъ у золотой.

Апрѣль, 19...

Боже мой! Что за лица у нихъ были сегодня! Испуганныя на смерть, кислыя какъ лимоны. А глаза-то, глаза! Точно кашляла не я, а онѣ, и задыхалась не я, а онѣ сами...

Это былъ приступъ! Брррръ! Право, я не солгу если скажу: одну минуту мнѣ показалось, что я уже не увижу моей золотой никогда, никогда... Но это только всего одну минуту, одну капельную, малюсенькую минуту, всего!

Я закрыла ротъ платкомъ и, корчась отъ боли, сжимавшей мою грудь, старалась скрыть отъ Ярви, отъ нихъ всѣхъ эти алыя пятна, сопровождающія теперь каждый такой приступъ. Должно быть отъ натуги у меня лопнула какая-нибудь жилка въ груди, но это не опасно, я знаю. Только надо скорѣе вылѣчиться отъ кашля до пріѣзда золотой. А то она испугается, если я при ней буду такъ.. барабанить...

Я получила отъ нея письмо сегодня, такое чудное, такое родненькое письмецо! Она и не подозрѣваетъ о томъ, что тутъ произошло въ мартѣ, радуется, что я поправлюсь въ Финляндіи, гдѣ такой прекрасный, такой чудный воздухъ. Проситъ беречься, не оставаться послѣ заката солнца, пока еще свѣжо, на воздухѣ.

На воздухѣ!

Ахъ, какъ долго я не выходила! Кажется, цѣлую вѣчность. Принцесса, Живчикъ и Слѣпуша приходятъ ко мнѣ черезъ каждый часъ и разсказываютъ обо всемъ, что дѣлается тамъ, по ту сторону моей двери. Имъ запрещено цѣловать меня изъ опасенія кашля, который я имъ могу передать, и близко ко мнѣ наклоняться. Но Принцесса каждый разъ, когда никого нѣтъ въ комнатѣ, перецѣлуетъ все мое лицо, глаза, лобъ, волосы и губы, несмотря на запрещеніе...

— Ахъ, Ира, Ира! Съ какимъ восторгомъ я бы взяла на себя часть твоихъ страданій!—говоритъ она. Ея губы улыбаются, а глаза плачутъ и смотрятъ такъ жалобно, жалобно на меня...

Этого еще не доставало! Чтобы захворала она, моя миленькая, золотоголовая Принцесса! Нѣтъ, нѣтъ! Она должна быть здорова, я хочу представить ее золотой во всемъ блескѣ ея красоты.

Еще недѣля... Одна недѣля только...

Сегодня пріѣзжалъ докторъ изъ Петербурга, приглашенный Маріей Александровной для консиліума. Зачѣмъ консиліумъ? Что это значитъ?

О, какъ они мучили меня, тотъ важный изъ Петербурга и мой милый старичекъ финъ съ очками, какъ вентиляторы! Выстукивали меня молоточками, выслушивали, переговаривались по-латыни. Если-бы я была не такая слабая и усталая, и у меня не болѣла-бы такъ грудь и спина, я думаю, что я бы расхохоталась имъ въ лицо, такъ они были удивительно забавны!

А потомъ...

Марія Александровна сидѣла долго у моей постели и говорила такъ ласково со мною, распрашивая, не хочется-ли мнѣ чего-нибудь.

О, разумѣется хочется, и многаго, многаго заразъ! Хочется прежде всего увидѣть Золотую.

Хочется, чтобы она сидѣла близко, близко, держала мои руки въ своихъ и разсказывала мнѣ о своей жизни безъ меня.

Хочется красныхъ, раскрасныхъ розъ, которыхъ здѣсь навѣрное не найдется...

Хочется холоднаго, прехолоднаго лимонада-шипучки, котораго мнѣ нельзя теперь пить.

Хочется, чтобы прошла эта негодная слабость, чтобы я спала по ночамъ и не задыхалась отъ кашля и не тряслась какъ въ лихорадкѣ.

Хочется кончить Куки и его салазки, и нарисовать Ирму въ ея коровникѣ.

А еще хочется соскочить съ постели, выбѣжать въ садъ, гдѣ уже такъ божественно зеленѣетъ травка и скатиться кубаремъ съ горы, къ самому морю, къ самому морю...

Вечеромъ, когда Принцесса пришла ко мнѣ пожелать мнѣ спокойной ночи, вѣки у нея были красны, какъ будто, она плакала безъ передышки, а щеки пылали, какъ огонь.

— О чемъ ты плакала? (Я самымъ незамѣтнымъ для меня образомъ говорю теперь на «ты» со всѣми моими подругами по интернату, кромѣ развѣ Ирмы, да и то потому, что эта деликатная дѣвица на «вы» со всѣми, даже съ собственными коровами. Клянусь!).

Она долго молчала. А потомъ какъ разревется, какъ разревется! Вотъ-то не подозрѣвала, что въ человѣкѣ можетъ заключаться столько слезъ!.. И такъ какъ я тревожилась на ея счетъ, и все допытывалась о причинѣ ея горя, она вскочила со стула и какъ сумасшедшая бросилась вонъ изъ комнаты.

А вечеромъ, когда Маргарита Викторовна пришла дежурить ко мнѣ на ночь (она съ Марьей Александровной чередуется еженощно у моей постели), я выпытала у нея причину Мариночкиныхъ слезъ. Говорятъ, онѣ поссорились, Принцесса и Живчикъ. Ну поссорились, ну и помирятся, зачѣмъ-же плакать?

Нѣтъ тутъ что-то кроется! Не то! Не то!

Ахъ, какъ досадно, что я такъ слабѣю... Едва-едва могу водить карандашомъ по страницамъ моего дневника. А спина и грудь при этомъ такъ ноютъ, точно я носила тяжести въ гору. Мнѣ это не нравится. Еще бы! Охота быть такой больнущей передъ самымъ пріѣздомъ Золотой.

Апрѣль, 19...

И такъ все кончено!

Я узнала.

Я узнала все до капельки, больше чѣмъ могла узнать. Такъ вотъ почему перенесли меня съ моей постелью вмѣстѣ въ самую свѣтлую солнечную комнату замка, гдѣ такъ радостно и хорошо, вотъ почему плакала Марина вчера передъ ночью! И Марья Александровна дежуритъ съ Маргаритой Викторовной у меня до утра. Вотъ почему когда я кашляю, какъ будто стучу лопатой о пустую бочку и на платкѣ у меня послѣ этого кровь, и всю меня трясетъ отъ холода. Я все это узнала...

Какъ все это странно, дико! Огонекъ, веселый, живой, радостный Огонекъ и вдругъ...

Вчера ночью я не могла уснуть долго, долго. Я лежала съ закрытыми глазами, потому что, какъ нарочно, вчера была совсѣмъ, совсѣмъ слабой, какъ никогда! Марія Александровна вышла изъ комнаты, а онѣ вошли. Очевидно онѣ стерегли ея выходъ долго, долго за дверью.

Обѣ малютки, вскочили со своихъ постелей такъ какъ были, въ своихъ длинныхъ ночныхъ рубашкахъ. Я ихъ видѣла изъ-подъ прижмуренныхъ рѣсницъ.

— Тссс! — прошептала Казя. — Я тебѣ говорю, тише, Адочка, она должно быть уже уснула.

— Да, она спитъ,—согласилась крошка.

— А мы все-же на нее посмотримъ.

— Казя! Казя! Неужто это правда?

— Да, Адочка, да! Она скоро навсегда уснетъ — наша Ирочка! И это изъ-за того только, что она спасала насъ въ то утро въ морѣ... Изъ-за меня, Адочка, изъ-за меня!

Тутъ голосъ малютки прервался. Она всхлипнула горько, жалобно и мгновенно подавила свои слезы.

— Изъ-за меня, изъ-за моего упрямства! О Господи! Зачѣмъ я убѣжала тогда... Будь я рядомъ съ вами, ничего-бы этого не случилось, мы не попали-бы на опасное мѣсто, и... и...

*

— Но можетъ быть она выздоровѣетъ!

— Ахъ, нѣтъ! Я отлично слышала, какъ докторъ самъ сказалъ „нашей“:—Ей нечѣмъ жить. У нея нѣтъ легкихъ. Скоротечная чахотка. Дѣвочка пошла по стопамъ отца.— Я отлично все это слышала, спрятавшись за портьерой. Такъ и сказалъ... Да...

— Но значитъ не изъ-за тебя, а...

— Да, несовсѣмъ... потому что это, докторъ еще сказалъ:—У нея это наслѣдственное!!.—Понимаешь?

— Нѣтъ.

— И я тоже плохо понимаю это слово... Но, кажется, оно значитъ пріобрѣтенное отъ отца.

— Значитъ не ты и не я виноваты, успокойся Казя.

— Нѣтъ, Адочка, успокоиться нельзя. Она жила-бы еще долго, долго, если-бы, спасая насъ, не бросилась въ холодное море... А теперь... Теперь...

И Адочка горько заплакала, прижавшись къ плечу своей маленькой подруги.

— Ея мамѣ написали обо всемъ сегодня. Кажется, дали телеграмму. Ждать больше нельзя. Она скоро, скоро должна умереть.

— А мы-то такъ ее всѣ любимъ, любимъ!

— Такъ ужъ всегда. Бѣдная ея мама... Тссс! Кажется возвращается „наша“, бѣжимъ скорѣе!

Онѣ встрепенулись какъ мышки и кинулись бѣжать.

Когда входила Марія Александровна, я сидѣла уже на постели и глазами впивалась въ дверь, откуда она вошла.

— Что съ вами, Ирина?

— Я все знаю! И золотая узнаетъ тоже. Вы писали ей. Я это чувствую. Да. Скажите-же мнѣ правду. Одну правду. Я скоро умру? Да? Да? Да? Да?

Она тихо вскрикнула и выронила склянку съ лекарствомъ, которую держала въ рукахъ. Склянка—въ дребезги, а она упала на колѣни, обхватила меня руками и застыла такъ, не говоря ни слова, прижавъ меня къ своей груди.

Теперь я поняла все.

Поняла, что Огонекъ остался вѣрнымъ себѣ и тутъ.

Вѣдь Огоньки не горятъ долго. Они гаснутъ скоро. И мнѣ не суждено дожить, какъ бабушкѣ Ирмы, до сѣдыхъ волосъ. Не суждено. Только-бы увидѣть золотую, еще хоть разокъ, однимъ глазкомъ увидѣть, однимъ глазкомъ...

Апрѣль, 19...

О, какъ онѣ всѣ плакали... Зачѣмъ? Будто можно помочь чему-нибудь слезами. Нѣтъ, слезами не помочь ничему, ужъ если это такъ суждено. Злая фея—эта скоротечная чахотка. Ну, что ей сдѣлалъ бѣдный Огонекъ, что она такъ безсовѣстно губитъ его?

Не странно-ли, право, что я умираю. Я, которая такъ любитъ жизнь, такъ ужасно любитъ ее, какъ никто... Люблю жизнь, да, люблю солнце, люблю море, лѣсъ, тихую рѣку, синее небо, но больше міра, больше жизни—люблю золотую! Голубушку мою! Увижу ее еще разъ, увижу еще разъ, навѣрное... Такъ шепчетъ мое сердце, мое бѣдное маленькое сердце, которое такъ горячо, такъ сильно умѣетъ ее любить...

Остается пять дней до ея пріѣзда!

Только пять!

Боже мой! Какъ ужасно то, что ей помѣшали окончить то, что надо. Помѣшали ея дебюту. И все этотъ гадкій глупый Огонекъ! Не нашелъ другого времени хворать и... и...

Говорятъ, „это“ страшно... Но я не боюсь этого, если со мною будетъ она... И... и... почему мнѣ должно быть страшно, вѣдь я никому въ жизни не причинила зла!

Но какъ онѣ плакали всѣ! Это былъ концертъ, право! Господи Боже! Развѣ я подозрѣвала, что меня такъ любятъ... Ахъ, не слѣдовало-бы объявлять имъ моей послѣдней воли. Но, что же дѣлать. Каждый человѣкъ объявляетъ свою волю передъ тѣмъ, какъ умереть. Прежде всего, я просила ихъ плакать не сейчасъ, нѣтъ, а тогда, послѣ...

Можетъ быть тѣ... мертвые, не слышатъ когда по нимъ тоскуютъ живыя.. Имъ, должно быть, это больно и тяжело...

Потомъ, я раздарила имъ все, что имѣю: мои картины, эскизы, краски, палитру, мои платья, чулки, воротнички...

Только портретъ Принцессы, тотъ что такъ хвалилъ Мартыновъ и недоконченнаго „Куки и его салазки“, папины кисти и палитру просила передать мамѣ, если... если... золотая пріѣдетъ когда... когда... я уже не буду въ живыхъ.

Принцессѣ—мое сѣрое платье, набросокъ нашей интернатской спальни, мою пелерину малиноваго плюша... Ей, какъ блондинкѣ, малиновый плюшъ божественно пойдетъ къ ея бѣлокуро-золотистымъ волосамъ. Ирмѣ Ярви—рисунокъ коровы, всѣ мои воротнички (ея собственные не больно-то новы) и шелковую бѣлую блузку. Жаль что, если она вздумаетъ напялить ее на себя, блузка не выдержитъ и треснетъ въ проймахъ. Живчику—ея собственную головку набросанную углемъ, мои желтыя туфельки и сапоги съ пряжками (у насъ одинаковыя ноги). Сестричкамъ: старшей—мое форменное воскресное платье (будничное нельзя дарить я его проносила до дырокъ на локтяхъ); младшей—мое осеннее пальто и, кромѣ того, двѣ пары цвѣтныхъ перчатокъ обѣимъ. Раисѣ—мою любимую зеленую лампу, привезенную изъ дому, съ которой такъ удобно и хорошо читать, Лермонтова, нашего съ нею любимца, а малюткамъ, помимо знаменитаго ремня и шарфа обѣимъ, мой альбомъ съ открытками, мои виды Петербурга, ящикъ съ красками, шашки, пріобрѣтенныя мною для того, чтобы играть съ ними же въ Петербургѣ.

Ну, вотъ когда я раздѣлила мое имущество между ними мнѣ стало легче какъ-то и я могу теперь со спокойной душой ожидать золотую. Да, мою розовую кофточку я никому не отдамъ. Это ея любимая, и я надѣну ее въ день нашей встрѣчи.

Приходилъ старый Адамъ и принесъ мнѣ первыхъ подснѣжниковъ изъ лѣса. Забавный, право! Смотрѣлъ на меня, какъ смотрятъ у насъ въ церкви на образа и дышалъ такъ громко, что я спросила здоровъ-ли онъ.

А онъ отвѣтилъ мнѣ на это на своемъ ломанномъ русско-финскомъ нарѣчіи:

— Ахъ, лучше бы мнѣ старику туда махнуть, право, (онъ показалъ пальцемъ въ землю) нежели болѣть такой милой, такой славной, барышнѣ... Эхъ, кабы...

И отвернулся.

А всѣ, другіе заревѣли.

У него затянулась давно его рана на пальцѣ и онъ говоритъ, что это благодаря мнѣ...

Такъ какъ мнѣ ему нечего было уже подарить, то я попросила Марину вынуть изъ моихъ ушей сережки и передать ему для его дочери. Онъ долго отнѣкивался, говоря, что не возьметъ ихъ и, что мнѣ онѣ нужны самой.

Вотъ-то потѣшный! Не думаетъ-ли онъ, что „тамъ“ я буду щеголять въ сережкахъ?

Съ трудомъ записываю эти строки. Рука едва движется. Пальцы нѣмѣютъ. Въ груди такой хрипъ, что противно слушать!

Только бы дождаться золотой!..

Апрѣль, 190...

Цѣлые два часа провела съ Мариной.

Зачѣмъ она плачетъ! Вѣдь я не боюсь, ни чуточки не боюсь. Онѣ сами видятъ это прекрасно. Сначала скрывали, отнѣкивались и тому подобное, а теперь... Вѣдь я же толкомъ заявила всѣмъ, что это безполезно и я знаю все... все до капли. А откуда знаю не сказала. Пусть думаютъ, что видѣла во снѣ.

Завтра пріѣдетъ изъ ближайшаго города священникъ. Я буду исповѣдоваться и причащаться. Тогда, навѣрное, легче станетъ въ груди. Всѣхъ серьезно больныхъ исповѣдаютъ и причищаютъ... Вотъ и я попросила.

Принцесса, если ты будешь такъ плакать, я не пущу больше тебя къ себѣ. Я такъ люблю твое красивое, задумчивое личико и мнѣ совсѣмъ не пріятно видѣть его раздувшимся, какъ у утопленника. Да.

Я ее просила не подходить ко мнѣ близко и всѣхъ другихъ тоже.

Вѣдь это, что у меня, можетъ передаться другимъ. Ахъ, золотая, золотая, еслибъ ты могла прилетѣть ко мнѣ на крыльяхъ.

— Послушай, я ужасная стала дурнушка? — спросила я сегодня Принцессу.

— Нѣтъ! Нѣтъ! — ты такой же хорошенькій, какъ и раньше, Огонекъ, только ты стала такой худенькой. Но все это глупости, когда ты поправишься...

— Не говорите пустяковъ, очаровательная Принцесса, вы знаете прекрасно, что Огонекъ не встанетъ уже больше съ этой постели и... и...

Я попросила ее причесать меня получше въ тотъ день, когда пріѣдетъ золотая. Это будетъ скоро, скоро теперь! Три дня... только три дня и три ночи осталось до нашей встрѣчи.

— Принцесса! Въ тотъ день когда она пріѣдетъ ты спустишь шторы съ утра, въ этой комнатѣ, чтобы золотая не замѣтила какъ я исхудала и измѣнилась. Слышишь? И всюду разбросаешь подснѣжники, которые Адамъ ежедневно приноситъ мнѣ теперь изъ лѣса.

Слышишь, Принцесса? Пусть будетъ здѣсь, нарядно, какъ въ праздникъ.

— Да, да Огонекъ, мой милый Огонекъ, успокойся, все будетъ по твоему... Такъ она мнѣ обѣщала.

А потомъ, я ее еще попросила на-ушко, такъ тихо, тихо, тихо...

— И потомъ, ступай, Принцесса, въ дочки къ моей мамѣ. Право, вы такъ подходите одна къ другой. Вѣдь ты меня очень любишь—правда?

— Какъ передъ Богомъ правда, родная!—и она опять разрыдалась, говоря это. Бѣдняжка! Должно быть ей не легко.

— Моя мама тебя уже любитъ, Мариночка, и будетъ рада, если, если... Ахъ, какъ хорошо было-бы, если-бы ты жила съ нею вмѣсто меня, послѣ, когда... и ты была-бы ей вмѣсто дочки. Вы бы стали вспоминать далекаго Огонька и... и...

Обрываю на полусловѣ. Опять этотъ приступъ кашля... Какая мука! И слабость.... слабость... безъ конца.

Апрѣль, 19...

Телеграмма отъ нея!

Будетъ завтра!

Господи! Благодарю Тебя, что вспомнилъ бѣднаго, умирающаго Огонька... Продли Свою милость! Ты знаешь, чего я хочу, Боже!

Сегодня исповѣдывалась и причастилась. О, какъ легко и хорошо мнѣ стало... Совсѣмъ хорошо. И я сильнѣе даже стала, какъ будто.

Сейчасъ напишу письмо золотой и заложу въ эти страницы, на случай, если... если... Но я вѣрю и надѣюсь увидѣть ее хоть глазочкомъ, мою незамѣнимую маму. Еще разъ! Только разъ. Да, да, однимъ глазкомъ... Золотая!.. скоро твой глупенькій Огонекъ потухнетъ на вѣки... Не горюй, мамуля! Ты вѣдь знаешь: дѣлу пособить нельзя. И это совсѣмъ, совсѣмъ не страшно... И потомъ, я чувствую, что тебя увижу. Да, моя мамочка, золотая, увижу тебя!

Не плачь обо мнѣ... Не горюй, счастье мое мамочка, родное сокровище мое! Мнѣ легко. Мнѣ хорошо... Я знаю, знаю, что мнѣ нечего бояться. Развѣ я сдѣлала что-нибудь ужъ очень дурное? Моя золотая, знаешь-ли, пріятно сознавать, что всѣ кругомъ такъ любятъ, любятъ тебя! Я даже не стою такой любви, мое сокровище!

Право же нѣтъ другой такой балованной дѣвочки въ мірѣ и моя коротенькая жизнь, могу сказать, прошла такъ счастливо и прекрасно!.. Только одно грустно! Я не умѣла доказать тебѣ ничѣмъ, какъ я люблю тебя, золотая, а между тѣмъ, мое сердце такъ полно, такъ ужасно полно любовью моей къ тебѣ. Я мечтала сдѣлаться художницею, какъ папа, чтобы ты могла гордиться твоимъ маленькимъ глупенькимъ Огонькомъ.

Но... но... мамочка! Кто-же зналъ, что это такъ случится?.. Впрочемъ, я утѣшаю себя мыслью на одномъ: огоньки не могутъ горѣть долго... И разъ мнѣ суждено было стать однимъ изъ нихъ, я не могу составить исключенія въ ряду всѣхъ прочихъ. Вѣдь правда? Не плачь-же, мамуля моя, когда я уйду отъ тебя, я все-же останусь всегда съ тобою...

и съ Принцессой, которую ты можетъ быть согласишься взять въ дочки вмѣсто меня? Да? Возьмешь, мое сердце, моя ненаглядная, чудная мама? Охъ, я бы не знаю какъ хотѣла, чтобы завтрашній день насталъ сегодня! Но нельзя. Нельзя... Утѣшься хоть однимъ мамочка: я совсѣмъ не сильно страдаю. Право. И «это» далеко не такъ страшно, какъ пишется въ книгахъ. А когда я думаю о тебѣ, мнѣ становится совсѣмъ легко. Совсѣмъ! И когда молюсь—тоже. Теперь я молюсь часто и подолгу... Лежу и думаю о Немъ...

Какъ я пойду къ Нему, какъ встрѣчу папу...

Прощай, золотая, родная моя, голубонька мамочка! Не забудь приласкать малютку Казю, она мѣста не находитъ съ той минуты, какъ произошла эта катастрофа на льду.

Боится, что все вышло изъ-за нея.

А между тѣмъ это не такъ. Это просто потому, что Огоньки не живутъ долго. Жизнь моя, радость, прощай, моя мама! На колѣняхъ благодарю тебя за то огромное счастье, которое ты мнѣ давала всю жизнь. Люблю тебя, мама моя, и буду любить вѣчно и тамъ, буду видѣть тебя, любоваться тобой и неустанно молиться за тебя, моя золотая...

Прощай, моя мамочка, прощай, Живи! Живи! Не плачь, если можешь слишкомъ горько о твоемъ глупомъ маленькомъ угасшемъ

Огонькѣ.

. . . . . .

. . . . . .

По тому какъ смотрѣли огромные потускнѣвшіе глаза дѣвочки, какъ усиленно съ хрипомъ выбрасывала дыханіе изнуренная короткимъ, зловѣщимъ недугомъ грудь, видно было что страданія ея нестерпимы.

Но запекшіяся губки все же шептали чуть слышно слова, невнятныя, какъ предсмертные стоны, слова ласки для тѣхъ, кто окружалъ ея постель. А ихъ собралось не мало, несмотря на то, что докторъ, добродушнѣйшее въ мірѣ существо въ круглыхъ очкахъ, настаивалъ о необходимости очистить комнату не смотря на то, что госпожа Рамова строго

запретила интернаткамъ ходить сюда изъ боязни возможности чахоточнаго зараженія.

— Оставьте насъ здѣсь!—отчаяннымъ шопотомъ, глотая слезы молила хорошенькая, какъ греза поэтичная Марина, лучшая подруга умирающей, всякій разъ, какъ начальница цыталась удалить ихъ всѣхъ изъ комнаты Огонька.

Толстая Ирма неподвижно какъ мумія сидѣла у окна, зажавъ платкомъ свой широкій ротъ, чтобы не разрыдаться навзрыдъ, что могло случиться съ нею каждый разъ, когда она взглядывала на знакомую худенькую фигурку, безпокойно подергивающуюся на бѣлой постели. Сестрички, обнявшись, тихо беззвучно плакали въ углу. Въ сосѣдней комнатѣ рыдали малютки. Живчикъ, быстроглазый смуглый подростокъ, сведя въ одну прямую линію черныя густыя брови, до крови кусала себѣ губы, всякій разъ, что оттуда съ узкой бѣлой постельки несся страшный по его роковому значенію краснорѣчивый хрипъ. «Бывшая» Слѣпуша, тоненькая хрупкая дѣвушка съ кроткими покорными глазами жалась къ Принцессѣ, своей молчаливой лаской поддерживая ее.

Докторъ взглянулъ на часы.

— Поѣздъ приходитъ въ два. Въ четыре, судя по телеграммѣ, она здѣсь будетъ. Я сдѣлаю вспрыскиваніе камфоры больной. Это подкрѣпитъ силы дѣвочки.

Марія Александровна тихо качнула головою. Какъ много сѣдыхъ волосъ прибавилось въ этой измученной за чужихъ дѣтей, за ихъ благополучіе и счастье, головѣ! Сколько сѣдыхъ волосъ! Не мало пришлось ей, Рамовой, пережить за эту зиму. Сначала операція Раисы, потомъ эпидемія скарлатины и наконецъ, эта молодая, чистая, какъ лучъ солнца, угасающая передъ нею, жизнь. О, если-бы она могла отдать свою старую, изжитую, за эту юную молодую, она бы безъ колебанія,—ихъ старая начальница,—сдѣлала это! Но увы! Судьба не спрашиваетъ. Каждому предопредѣлено по назначенію. Остается склонить голову и терпѣть. Покорно терпѣть.

Она взглянула полными слезъ глазами на эту, борющуюся съ агоніей юную жизнь и отвела прочь глаза, боясь испугать, подступившимъ къ ея груди рыданьемъ, больную.

Огонекъ дышалъ тяжело. Хрипъ, вырывавшійся изъ маленькой исхудалой грудки звучалъ зловѣще. Огромные на пожелтѣвшемъ и крохотномъ отъ худобы лицѣ глаза смотрѣли съ какимъ-то мучительнымъ недоумѣніемъ.

Послѣ вспрыскиванія камфоры они заблестѣли слабымъ матовымъ блескомъ. Больная почувствовала себя лучше. Безпокойный выжидательный взглядъ приковался къ стрѣлкѣ стѣнныхъ часовъ, повѣшанныхъ, какъ разъ противъ ея постели. Глаза уже слабо различали не только часы, но и всѣхъ находившихся въ комнатѣ, но она все смотрѣла, смотрѣла съ непонятною настойчивостью и упорствомъ. На ея худенькія плечи накинули розовую кофточку, ту самую кофточку, которую сшила ей собственноручно передъ ихъ разлукой ея мать.

Огонекъ, такъ трогательно просилъ объ этомъ еще наканунѣ. Ея пышныя косы перевили также розовыми лентами съ кисточками, которыя хранились на днѣ ея сундучка для праздничныхъ дней. Эти пышные темные волосы, такъ покорно улегшіеся двумя волнами вокругъ ровнаго, какъ ниточка тонкаго пробора, придавали ей видъ Мадонны, этому бѣдному маленькому, съ такой трогательной покорностью уходящему изъ міра, Огоньку.

Сегодня поутру Принцесса причесала свою умирающую подругу, надѣла эту розовую кофточку на ея худенькое ставшее теперь такимъ легкимъ, легкимъ, какъ перышко, тѣло, обливая слезами и розовую кофточку и толстыя косы больной.

Нарядная, напряженная она лежала теперь на своей узкой бѣлой постелькѣ. Худыя, худыя, желтыя, какъ воскъ, рученки перебирали конвульсивными движеніями край одѣяла и простыни... А глаза, не отрываясь, смотрѣли на часы, на кругъ циферблата, на медленно, медленно подвигающуюся стрѣлку...

Убійственно тянулось время. Съ каждой минутой слабѣлъ Огонекъ, не различая уже близкихъ, не улыбаясь имъ больше, какъ нѣсколько часовъ назадъ. Докторъ приложилъ ухо къ ея сердцу. Оно стучало, такъ тихо, тихо, какъ вы-

стукиваютъ маленькіе, совсѣмъ маленькіе, карманные часы, и взялъ кукольную ручку дѣвочки своей большой грубой рукою. Пульсъ еще былъ, сердце жило, но самъ Огонекъ уже догоралъ.

Да, это было видно, видно по всему... Огромные глаза потускнѣли снова.

— Теперь уже скоро... — чуть слышно произнесъ докторъ, многозначительно взглянувъ на стоявшую около него Марію Александровну.

— Не знаю... почему-же... почему она не ѣдетъ! Послѣдняя телеграмма говоритъ сегодня, сейчасъ должна она здѣсь быть! — сорвалось отчаяннымъ шопотомъ съ губъ послѣдней.

— Еще есть время,—попробовалъ утѣшить докторъ.

— Но, взгляните на дѣвочку... Ей все хуже и хуже, съ каждой минутой. Теперь уже она не узнаетъ мать.

— Еще четверть часа у насъ въ запасѣ... Можетъ быть... кто знаетъ, она ихъ проживетъ.

Марія Александровна взяла свѣсившуюся съ кровати слабую ученку и поднесла ее бережно къ губамъ.

Рѣсницы Огонька дрогнули, но взглядъ не оторвался отъ циферблата.

Въ ту же минуту легкая судорога исказила ея лицо.

— Начинается... Дѣти, уйдите!—тихимъ шопотомъ произнесла Рамова, обращаясь къ присутствующимъ здѣсь интернаткамъ.

Въ отвѣтъ прозвучалъ отчаянный вопль Принцессы.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не гоните меня отъ нея. Не гоните! Если ея Золотая опоздаетъ, я замѣню ей ее!—прорыдала молодая дѣвушка, ломая руки.

Вдругъ ссохшіяся, посинѣвшія губы Огонька раскрылись и голосъ, похожій на шопотъ весенняго вѣтерка, шепнулъ:

— Она пріѣдетъ... Я знаю...

Всѣ вздрогнули невольно. Груди, молодыя и старыя, присутствующихъ здѣсь людей, разрывались отъ жалости.

Сдержанная, спокойная Ирма Ярви не выдержала и,

уткнувшись лицомъ въ подоконникъ, зарыдала на весь замокъ.

А большіе, черные, вопрошающіе глаза все смотрѣли на часы и ждали, ждали...

Огонекъ ждалъ съ мучительной настойчивостью Золотую, а смерть ждала Огонька...

Тихо продребезжали колеса по камнямъ дороги... Кто-то ѣхалъ въ замокъ. Дрогнуло восковое личико умирающей, что-то похожее на румянецъ выступило на выдававшихся отъ худобы скулахъ...

Глаза Огонька оторвались отъ циферблата и устремились на дверь. Теперь вся жизнь дѣвочки сосредоточилась въ нихъ, въ этихъ глазахъ, глубокихъ, полупотухшихъ и все-же прекрасныхъ. Всѣ присутствующіе насторожились.

— О, если-бы это была она, такъ страстно ожидаемая всѣми!

Колеса забренчали сильнѣе... Финская таратайка со стороны станціи! Значитъ она...

Интернатки, о присутствіи которыхъ было снова забыто старшими, кинулись къ окну. Таратайка почти въ карьеръ неслась по дорогѣ... Было видно за широкой спиной возницы, тонкую фигуру въ дорожномъ пальто.

— Она! Она!

Но Огонекъ зналъ и безъ нихъ, что это она, что ѣдетъ ея Золотая.

Огонекъ съ несвойственной умирающей силѣ, поднялся на локтяхъ. Вытянулъ голову... Своими огромными, теперь загорѣвшимися, какъ факелы глазами, она впилась въ дверь. И уже не отрывала отъ нея взора.

Таратайка продребезжала по двору и остановилась. Внизу послышались быстрые, нетерпѣливые шаги...

Кто-то спросилъ о чемъ-то... Кто-то отвѣтилъ поспѣшно, нервно. Теперь шли двое...

Приближались... На минуту замерли шаги у двери... Потомъ... она распахнулась быстро, широко...

Маленькая, худенькая, со смертельно блѣднымъ красивымъ лицомъ, съ густыми золотистыми волосами подъ скром-

ной дорожной шляпкой, молодая женщина, появилась на ея порогѣ...

Взглядомъ, полнымъ отчаянія, горя и безысходной смертельной тоски она обвела комнату...

Передъ ней разступились... открыли кровать съ остаткомъ того, что было еще такъ недавно ея здоровой, веселой, счастливой дѣвочкой...

Умирающая, поддерживаемая со всѣхъ сторонъ, вся вытянувшаяся навстрѣчу ей, какъ стрѣлка протягивала руки... Глаза ея горѣли.

— Ира! Моя! Ира! Сердце мое!

Мать внѣ себя кинулась къ ея постели...

По лицу Огонька проползла блаженная, свѣтлая улыбка... Огромные глаза отразили весь міръ, безконечный, безграниный міръ всей таившейся въ ней, огромной любви...

Дѣвочка сдѣлала послѣднее усиліе надъ собою и прошептала беззвучно:

— Я знала... я знала... что увижу... тебя, увижу тебя... еще... разокъ... золотая...

Потомъ, огромные глаза потухли сразу. Сіяющее личико помертвѣло... Все худенькое тѣльце, какъ-то дрогнуло и вытянулось на рукахъ подхватившей его матери и... Огонька не стало..

Огонекъ погасъ...

КОНЕЦЪ.

Сказки Фр. Гофмана въ пересказѣ **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. Я. Сизова. 240 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

***Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена.** Сочиненіе Фр. Гофманомъ. Переводъ А. Нефловой, съ 50 рисунками, нѣкоторые изъ нихъ хромолитографированные; въ папкѣ. ц. 1 р. 35 к.

***Путешествіе Гулливера** по отдаленнымъ странамъ свѣта. Обработано Фр. Гофманомъ. Переводъ А. Нефловой, съ 45 рисунками, нѣкоторые изъ нихъ литографированные; въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

На Дальнемъ сѣверѣ. Разсказъ Фр. Гофмана, съ рис. въ папкѣ ц. 45 к.

Честный мальчикъ. Разсказъ Фр. Гофмана, пер. съ нѣмецкаго В. Энгельгардъ. Съ рисунками, цѣна 40 коп.

Сказка о щелкунчикѣ и мышиномъ королѣ. Соч. Фр. Гофмана. Переводъ З. Журавской, съ рисунками Т. Никитина Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р.

Красный морской разбойникъ. Сочин. Фр. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. 319 стр., съ рис.; въ папкѣ ц. 1 руб. 20 к.

***Тысяча одна ночь**, арабскія сказки для дѣтей. Фр. Гофмана. Перев. съ нѣмецк. Н. Михайловой. 2-ое изд. 344 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

***Пестрая книжка.** 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскраш. рис. 237 стр.; въ папкѣ ц. 1 р.

На дальнемъ сѣверѣ. Разск. Фр. Гофмана, съ рис.; въ папкѣ ц. 45 к.

Занесенные снѣгомъ. Разсказъ Фр. Гофмана, съ рис.; въ папкѣ ц. 40 к.

***Лазутчикъ** и „На возвышенности Карро“. 2 разсказа Фр. Гофмана. 2-ое изд. 264 стр.. съ картинами; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Опасности дикихъ странъ.** Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. Фр. Гофмана, перев. подъ редакціей Н. Познякова, съ рис. худож. Штейна. 2-ое изд; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Занесенные снѣгомъ. Разсказъ Фр. Гофмана, съ рис. въ папкѣ ц. 40 к.

Материнская любовь. Разсказъ Франца Гофмана, съ рисунками,ц. 40 к.

„Немезида“ или судъ Божій. Разсказъ Фр. Гофмана Съ рисунк., ц. 35 к.

На возвышенности Карро. Разсказъ Гофмана, съ рисунк.; въ папкѣ 60 к.

Бѣдность не порокъ. Изъ жизни учителя. Разск. Ф. Гофмана. Ц. 45 к.

***Юный укротитель львовъ.** Разсказъ для юношества Фр. Гофмана, пер. Е. Владиміровой. 110 стр., съ рис. 3-е изд. Спб., ц. 20 к.

***Бѣдный мальчикъ.** Разсказъ Франца Гофмана. Переводъ Федоровой. Съ рисунками. 127 стр., цѣна 40 коп.

Контрабандистъ. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рис., въ папкѣ, ц. 45 к.

Золотоискатель. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рис., въ папкѣ, ц. 40 к.

***Братья** Историческій разсказъ XVII столѣтія временъ дѣйствія испанской инквизиціи. Съ рисунками, ц. 40 к. Всѣ разсказы Гофмана, извѣстнаго дѣтскаго писателя, интересны и поучительны.

---

*) Книги отмѣченныя звѣздочкой допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ихъ учебныя заведенія.

1912 Г.

*Дѣти на войнѣ 1812, 1854—55, 1877—78, 1904 — 905 гг. 4 разсказа Л. Черскаго, съ 17 рисун. въ папкѣ, ц. 50 к.

Огонекъ. Разсказъ Л Чарской, съ рисун. М. Андреева, ц. 35 к.

Самовоспитаніе воли. Жюль Пэйо. Перев. Рапгофа. Спб. ц. 35 к.

Воспитаніе души. Соч. проф. Кратцъ, съ нѣмецк. 2 изд. ц. 20 к.

Воспитаніе воли, души и характера. 2 изд. Гильти, ц. 15 к.

Заколдованный міръ. Волшебныя сказки для дѣтей, соч. Э. Энгельманъ, съ рисун. художн. Г. Штейна. Въ папкѣ, ц. 60 к

*Кавказскія сказки. Преданія и легенды. Соч. Черскаго, съ рис. худ. М. Михайлова. Въ папкѣ, ц. 60 к.

*Генрихъ Песталоцци. Знаменитый педагогъ. Біографическій очеркъ К. Тимофѣева. 113 стр. Спб. 1904 г. 4-е изданіе. Ц. 30 к.

*Черкесъ. Соч Л. Черскаго. Воспоминанія кадета. Съ рисунк. ц. 30 к.

*Бѣдный мальчикъ. Разсказъ Франца Гофмана. Переводъ Федоровой. Съ рисунками. 127 стр., цѣна 40 коп.

Юный гражданинъ, его права и обязанности. Соч. Арнольда Форстеръ. Съ рисунками. Спб., ц. 35 к.

*Молодымъ дѣвушкамъ, дружескіе совѣты. Соч. Миллера, ц. 10 к.

*Скряга Скруджъ. Разсказъ Ч. Диккенса, 2 изд 1912 г. ц. 15 к.

*Михаилъ - простота. Разсказъ, Б. Пруса ц. 10 к.

*Антекъ. (Антоша). Разсказъ Б. Пруса, ц. 10 к.

„Шарманщикъ". Разсказъ Б. Пруса, ц. 7 к.

*Колдунья. Разсказъ Э. Оржешко, ц. 15 к.

Приключеніе Яси разск. Э. Оржешко съ рисун. ц. 20 к.

*Молодымъ нашимъ юношамъ дружескіе совѣты. Соч. Миллера, ц. 10 к.

Контрабандистъ. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рис. въ папкѣ Спб цѣна 45 коп.

Золотоискатель. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рис. въ папкѣ, 85 стр. 40 к.

Веселое лѣто. Разсказы для Г. Гейерстамъ, переводъ со шведскаго, съ рисунками. Спб. Ц. 50 к.

Деревенскій адвокатъ. Разсказъ Э. Оржешко, ц. 15 к.

*Татарская неволя. Разсказъ Сенкевича, ц. 10 к.

*За друга. Разсказъ С. Лебеды, ц. 5 к.

*„Молодецъ-конь". Разсказъ С. Лебеды, ц. 5 к.

*Поселянка. Разсказъ Г. Сенкевича, ц. 5 к.

*„Водка". Изданіе О-ва „Блого рабочаго", ц. 10 к.

*Завоеваніе Константинополя турками. Соч. Гиббона, ц. 15 к.

*Приключенія маленькаго графа. Соч. Уйда, ц. 30 к.

*За моремъ. Разсказъ Г. Сенкевича, ц. 15 к.

*Княгиня Ольга.—Князь Святославъ. Два историч. разсказа Л. Черскаго. Съ портр. и рисунками, ц. 10 коп.

Плачъ Ярославны.—Евпатій Коловратъ. Два историческ. разсказа, Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 к

*Сибирскій Князь.—Кулачный бой. — Два историч. разсказа Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 к.

*Богомъ данный (Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ). – Боярская Дума. Два историч. разсказа Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 к.

Скоморохи. Музыка, пѣсни, пляска. — Кружало (Царевъ кабакъ). Два разсказа изъ былого и давно прошедшаго на Руси Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 коп.

Святки. Ряженые, игры, угощеніе. Суженый. Русская свадьба. Два историч. разсказа А. Зарина. Съ рисунками, ц. 15 к.

*Въ теремѣ царицы.—Ближайшій бояринъ Два историческ. разсказа Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 15 коп.

Шемякинъ судъ. О праведномъ судьѣ Шемякинѣ. Преданіе. Съ рисункомъ стариннаго письма. Разсказъ Л. Черскаго ц. 5 коп

*Шествіе на ослятѣ. (Вербное воскресеніе) въ патріаршее время.— Великъ день (Свѣтлое Христово Воскресеніе). Два историческихъ разсказа временъ царя Алексѣя Михайловича Л. Черскаго. Съ рисунками, цѣна 15 к.

Исторія Греческихъ героевъ. Разсказанная Нибуромъ своему сыну Перев съ нѣмецкаго Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

14525

Исторія одной собаки. Разсказъ М. Твэна, ц. 5 к.

Нравственныя обязанности человѣка, пер. съ англійск. ц. 15 к.

***Маленькіе работники.** Историч. разсказъ для дѣтей Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками художниковъ Захарова и Максимова, цѣна 15 коп.

***Великая сила.** Картины изъ жизни Святого Іоанна Милостиваго. Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками художника Н. Захарова, цѣна 10 коп.

***Екатерина Великая на Волгѣ и Что крѣпче?** Два историч. разсказа для дѣтей Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками художника Захарова, ц. 15 к.

***Заспалъ! и Попугай.** Два историч. разсказа для дѣтей Г. Т Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками художника Захарова, ц. 15 к.

***Царевъ Варганистъ и Паракита.** 2 историческихъ разсказа Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками, цѣна 15 коп.

***Татарское иго.** Историч повѣсть временъ нашествія на Россію Батыя. Соч. Л. Шелгуновой. Съ рисунками, цѣна 10 коп.

***Сердобольная.** Историч. повѣсть временъ Іоанна Грознаго Соч. Л. Шелгуновой. Съ рисунками, цѣна 10 коп.

***Ермакъ.** Историч разсказъ временъ покоренія Сибирскаго царства Л. Шелгуновой. Съ рисунками, цѣна 15 коп.

***Новгородскій князь Всеволодъ.** Историч. разсказъ. Соч. Л. Шелгуновой. Съ рисунками, цѣна 10 коп.

О чемъ говорятъ цвѣты. Сказка Жоржъ-Зандъ, съ рисун. цѣна 5 коп.

Красный молотокъ. Сказка Жоржъ-Зандъ, съ рис. цѣна 5 к.

Говорящій дубъ. Сказка—Жоржъ-Зандъ. Съ рисун. цѣна 15 к.

Крылья мужества. Сказка—Жоржъ-Зандъ, съ рисун ц. 25 к.

*) **Любимый богатырь** Русскаго народа Илья Муромецъ. Сенигова.ц. 10 к.

*) **Какъ воевалъ** Петръ Великій со Шведами І. Сенигова, цѣна 15 к.

*) **Царь работникъ** и учитель Петръ I І. Сенигова, изд. 3-е 10 к.

Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ. І. Сенигова. изд. 2-ое съ рис. Спб. 1900 г. Ц. 15 к.

*) **Народныя сказки** и пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ І. Сенигова, съ рисунками. Спб. 1898 г. Ц. 20 коп.

Славное Севастопольское сидѣніе Чтеніе для войскъ и народа. Арсеньева. Спб. 51 стр Ц. 10 к.

*) **Саардамскій плотникъ.** Историч. повѣсть Фурмана. Съ порт. Ц. 25 к.

*) **Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ.** Историческая повѣсть въ 2-хъ част. Фурмана съ порт. Ц. 40 к.

*) **Александръ Даниловичъ Меньшиковъ.** Историческій романъ въ 3-хъ част. Фурмана Съ порт. Ц. 40 к.

*) **Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ част. Фурмана. Съ порт. Ц. 40 к.

*) **Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ част. Фурмана. Съ порт. Ц. 40 к.

*) **Наталія Борисовна Долгорукова.** Историческ. повѣсть въ 3-хъ частяхъ, Фурмана съ порт. Ц. 60 к.

*) **Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.** Повѣсть съ портретомъ Ломоносова Фурмана Ц. 15 коп.

*) **Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.** Истор. повѣсть для дѣтей Фурмана, съ портр. Ц. 40 к.

Всероссійскіе Земскіе соборы. Сост. Мазуренко ц. 15 к.

Мудрыя рѣчи. Великія истины. Собраніе мыслей духовныхъ писателей Спб. ц. 40 к.

Совѣсть и ея дѣйствіе. Архіеписк. Зимара, пер. съ англ., 15 к.

***Умѣнье наслаждаться жизнью.** Д-ра богосл. Дж. Миллера, ц. 15 к.

Былое на Руси. Историческіе разсказы. Княгиня Ольга. — Князь Святославъ. Плачъ Ярославны.—Евпатій Коловратъ. Сибирскій Князь. — Кулачный бой. Богомъ данный (Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ). — Боярская Дума. Скоморохи. Музыка, пѣсни, пляска.—Кружало (Царевъ кабакъ). Святки. Ряженые, игры. Суженый. Русская свадьба. Въ теремѣ царицы.— Ближній бояринъ. Шемякинъ судъ. Шествіе на ослятѣ. (Вербное воскресеніе) въ патріаршее время. —Великъ день пасхи. Соч. Л. Черскаго и А. Зарина, съ 65 рисунк. портрет. 286 стр., въ красивой папкѣ. Спб. 1912 г. ц. 1 р. 35 к.

Тип. „РАЗСВѢТЪ“. Спб., Гороховая, 17.